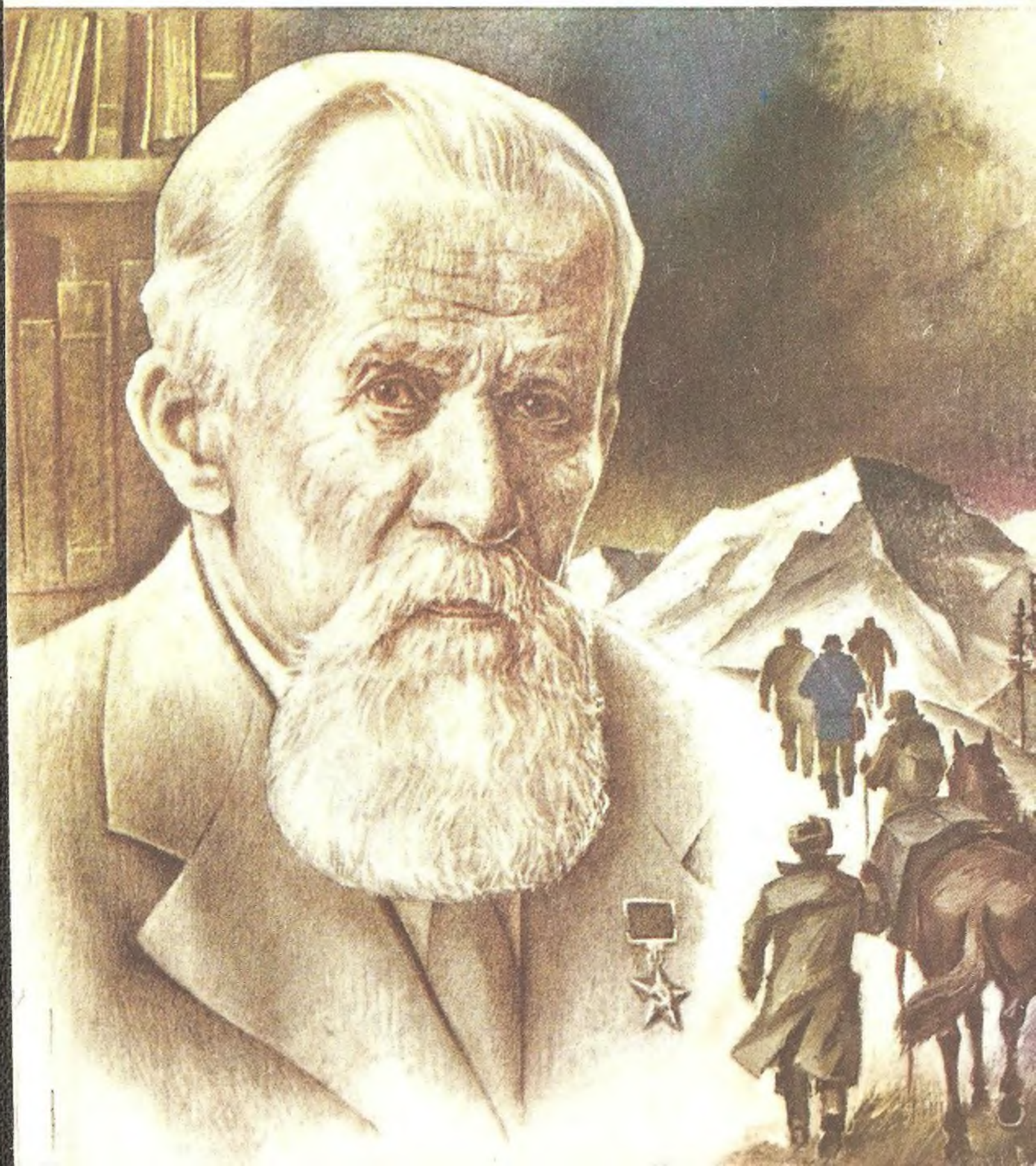

В.А. ОБРУЧЕВ
**ЗА ТАЙНАМИ
ПЛУТОНА**

В.А.ОБРУЧЕВ

ЗА ТАЙНАМИ ПЛУТОНА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

Составитель и автор сопроводительного текста
А. В. ШУМИЛОВ

Эта книга рассказывает о Владимире Афанасьевиче Обручеве. Он был геологом, академиком. Он написал замечательные книги о своих путешествиях, замечательные научно-фантастические романы «Плутония», «Земля Санникова»... Но, главное, он был удивительным, необыкновенным человеком — одним из тех, с кого хочется «делать жизнь».

Наша книга необычна тем, что о Владимире Афанасьевиче Обручеве рассказывает... сам Владимир Афанасьевич. Мы публикуем впервые страницы его воспоминаний, его личные письма. Читатель познакомится с не издававшейся ранее повестью В. А. Обручева «На Столбах», познакомится с неизвестными материалами архива семьи Обручевых.

Издательство и составитель книги благодарят сотрудников Архива Академии наук СССР, Архива Географического общества Союза ССР и Ленинградского отделения Архива Академии наук, а также Ольгу Павловну и Наталью Владимировну Обручевых. Без их помощи эта книга не могла бы быть написана.

О $\frac{4702010200-298}{078(02)-86}$ —206—86

Прожил он без малого век — девяносто три года. По праву называют Владимира Афанасьевича Обручева патриархом советских геологов. И по праву одним из основоположников советской научной фантастики.

За работы в области геологии удостоен академик Обручев звания лауреата Ленинской премии, дважды лауреата Сталинской премии. Награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, пятью орденами Ленина.

А когда исполнилось Владимиру Афанасьевичу шестьдесят, был опубликован первый его научно-фантастический роман — «Плутония». Потом «Земля Санникова», «Золотоискатели в пустыне»... Потом издавались и переиздавались его книги более сотни раз на четырех десятках языков мира.

Тысячи, десятки тысяч километров прошел он с геологическим молотком по сибирской тайге, по пустыням Средней Азии, Монголии, по горам Прибайкалья, Центральной Азии, Алтая...

Тысячи, десятки тысяч страниц написал.

Сын его подсчитал — напечатано 3872 работы Владимира Афанасьевича, не считая переизданий и переводов.

Сын его подсчитал — в течение семи десятков лет Владимир Афанасьевич публиковал в среднем по 33,2 печатных листа в год.

Фантастические цифры! Полное собрание сочинений В. А. Обручева включало бы в себя семь десятков томов, по пятьсот пятьдесят страниц в каждом!

Биографы говорят: «Удивительная работоспособность». Но «работоспособность», мне кажется, не совсем точное слово. Ощущается в нем некая подневольность работы. Лучше сказать так: «Он любил трудиться».

В одном из писем Владимира Афанасьевича — размышления: «Нельзя любить труд, не научив-

шись уважать его, и нельзя научиться уважать, не относясь к нему серьезно, не отдавая ему безраздельно всего интереса и всех своих сил. Только отдавая лучшее, что в нас есть, мы можем получить лучшее, что может дать труд».

Когда писались эти строки, было ему двадцать восемь. А на склоне уже лет, обращаясь к молодежи, он скажет: «Любите трудиться! Самое большое наслаждение и удовлетворение приносит человеку труд!»

Полтора века хранится в семье Обручевых карандаш. Обычный, ничем не примечательный карандаш, аккуратно завернутый в кусочек бумаги. Только надпись на бумажке необычна: «Трудолюбивый карандаш моего родителя Афанасия Федоровича и лучшее наследство моих детей...»

Прадед Афанасий Федорович, которому принадлежал когда-то карандаш, был военным инженером, шестнадцать лет командовал Ново-Двинской крепостью, перед самым нашествием Наполеона строил укрепления в Риге, дослужился до звания генерал-майора и в 1820 году назначен был строителем Бобруйской крепости.

По тем временам мог он немало нажиться на всех этих казенных строительствах. Говаривали тогда «шутники» — не в шутку, а всерьез:

— Дайте мне на попечение казенного воробья, и я прокормлюсь со всей семьей.

Но генерал-майор оставил в наследство детям «трудолюбивый карандаш».

Все четыре его сына избрали отцовскую стезю — стали военными инженерами, — и все четверо исполнили заветы отца. Владимир Афанасьевич дослужился до звания генерал-лейтенанта, Афанасий Афанасьевич — до звания генерал-майора, Александр Афанасьевич (дед Владимира Афанасьевича) — до звания генерал-лейтенанта, а Николай Афанасьевич скоропостижно скончался в возрасте 36 лет в звании полковника.

О том, как служили они России, свидетельствует «Бархатная книга»:

«Повелеваем на вечные времена, за заслуги Владимира, Афанасия, Александра, Николая Афанасьевичей Обручевых перед Престолом и Отечеством, оным дворянам и их потомкам перед дру-

гими дворянами Российской Империи предпочтение оказывать».

Вряд ли нужно проследивать и вряд ли возможно проследить все ветви генеалогического древа. Не сомневаюсь — будет еще написана книга о славной династии Обручевых. И не одна. Разбирая семейные архивы, не перестаешь удивляться: что ни судьба, то роман.

Тетка Владимира Афанасьевича — Мария Александровна вошла в историю как первая женщина России, получившая высшее образование. Генерал-отец был резко против посещения лекций, и чтобы освободиться от родительской опеки, ей пришлось вступить в брак с П. И. Боковым. Потом Мария Александровна полюбила Ивана Михайловича Сеченова, но они — все трое — даже в такой ситуации сумели остаться безупречно честными.

Сохранилось приглашение: «П. И. Боков и И. М. Сеченов приглашают Чернышевского и Александра Ивановича (Пыпина, двоюродного брата Н. Г. Чернышевского. — *А. Ш.*) по случаю окончания экзаменов Марии Александровны».

Сохранилось удивительное письмо Петра Ивановича Бокова: «Дорогая Мамаша моей Маши! Не прибавляя никакого эпитета к имени моей доброй подруги, я так много чувствую, произнося имя: Маша! Многое связано с этим именем в прошлом, настоящем и, без сомнения, будущем и самого дорогого, и прекрасного!.. Уверю Вас, как честный человек, что мы живем с нею в самых лучших отношениях, и если она по характеру сошлась более с удивительным из людей русских, дорогим сыном нашей бедной Родины Иваном Михайловичем, так это только усилило наше общее счастье. Вы сами его видели, а я еще к тому прибавлю, что Иван Михайлович, конечно, не говоря уже об уме и таланте его, принадлежит к людям рыцарской честности и изумительной доброты. Вы можете представить, до какой степени наша жизнь счастливей, имея членом семьи Ивана Михайловича (...). Теперь я пользуюсь случаем, чтобы умолять Вас любить Ивана Михайловича, как родного своего детища, коим я считаю себя уже с давних пор сам и умоляю не отказать мне в этом...»

Мария Александровна стала прообразом Веры

Павловны в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Дядя — Владимир Александрович — прообразом Рахметова, главным героем другого романа Чернышевского — «Алферьев».

Оставив блестяще начинавшуюся военную карьеру, стал Владимир Александрович сотрудником «Современника», распространял первую в истории России прокламацию «Великоросс». Арест, гражданская казнь, три года каторжных работ, десять лет ссылки. Во время русско-турецкой войны отличился Владимир Александрович, участвуя волонтером в минной атаке на турецкий монитор. Был «прощен», в сорок два года получил прежний воинский чин, а еще через три десятка лет... дослужился до звания генерал-лейтенанта.

Двоюродный дядя — Николай Николаевич — вместе с Н. Г. Чернышевским редактировал «Военный вестник», был одним из организаторов революционной организации «Земля и Воля». В 1863 году, будучи начальником штаба 2-й гвардейской дивизии, отказался усмирять народные волнения, считая это братоубийственной войной. Попал в опалу, перешел на преподавательскую работу, но дарование его было настолько ярким, что в 1881 году его назначили начальником Генерального штаба. На этом посту Николай Николаевич оставался в течение шестнадцати лет, по его проектам был проведен ряд важнейших реформ, направленных на укрепление военной мощи России.

Согласитесь — неординарные судьбы. Проглядывают в них фамильные черты: смелость в решениях, честность, трудолюбие, негибкая жизнестойкость, непримиримость к компромиссам. Те самые черты, которые с детства, видно, впитал и Владимир Афанасьевич.

Отец его — Афанасий Александрович — участвовал во взятии Карса, был ранен, награжден, но карьеры не сделал.

«Мой отец, — писал в воспоминаниях Владимир Афанасьевич, — был очень скромный человек... служил всю жизнь в провинции. Это был очень добросовестный служака, который прежде всего заботился о солдатах своей части, их обучении, питании... Он не наживался за счет солдатского пайка, подобно многим офицерам того времени, а следил за тем, чтобы солдат получил

все, что ему полагалось, и не стеснялся указывать начальству на замечаемые злоупотребления в этом отношении. Это, а может быть, также осуждение и ссылка его брата Владимира вредили ему в отношении повышения по службе; несмотря на отличное состояние подчиненной ему воинской части, он подвигался по службе очень медленно и в возрасте 45 лет после 25 лет службы и участия в двух войнах с Турцией командовал только стрелковым батальоном».

Судя по всему, Афанасий Александрович, исключительно из чувства долга перед семьей, добросовестно тянул лямку. Он тяготился военной службой, испытывал к ней отвращение.

Мужчины династии Обручевых по традиции становились воинами. Но Афанасий Александрович и думать запретил своим детям о военной службе. Впрочем, никто из них, кажется, и не помышлял об этом.

Дети были целиком на попечении матери. Полина Карловна, дочь немецкого пастора, рано осиротела, воспитывалась у тетки, служила гувернанткой. Была она хорошо образованна, по-немецки педантична, в меру добра, в меру строга.

Они поженились с Афанасием Александровичем в августе 1861 года. На следующий год родился первенец — Александр, 10 октября 1863 года — Владимир, а еще год спустя — Николай.

«Мать очень заботилась о нашем воспитании и обучении, — писал в воспоминаниях Владимир Афанасьевич. — Немецкому она сама учила детей с раннего детства, и я не помню, с каких лет знаю его... Говорили с матерью обязательно по-немецки или по-французски и поэтому владели обоими языками свободно.

Утро всегда проходило в уроках у матери — все три языка, арифметика, география, чистописание... В сумерки, сидя в кресле, мать всегда собирала нас вокруг себя. Мы на скамеечках у ее ног... Она задавала нам задачи по арифметике, и мы должны были решать их в уме. Благодаря этой практике я на всю жизнь сохранил способность быстро решать в уме простые задачи.

Вечером мать читала нам по-немецки сочинения Фенимора Купера... «Кожаный чулок», «Следопыт», «Последний из могикан» запомнились на всю жизнь. Литература на русском языке в эти годы ограничивалась охотничьими рассказами Майн Рида, которые отец да-

рил нам. Эти приключения на суше и на воде в разных странах мне очень нравились. Потом к ним прибавились сочинения Жюль Верна в русском переводе: «Дети капитана Гранта», «Капитан Гаттерас». А еще позже, уже в начале школьных лет, — другие фантастические сочинения Жюль Верна с описанием подводных лодок, полетов на воздушном шаре, приключений при путешествии вокруг света в 80 дней и на таинственном острове оставались моей самой любимой литературой.

Матери я обязан хорошим знанием немецкого и французского языков, сохранившимся до глубокой старости. Книги на этих языках, не только специальные по геологии, но и общелитературные, я читаю свободно без помощи словаря, а по-немецки даже свободно и легко писал (не переводя с русского, а прямо сочиняя)...

Матери я также обязан знакомством с литературой о путешествиях, внушившей мне с детства интерес к природе, к чужеземным странам, морям и народам и побудившей избрать впоследствии специальность исследователя-путешественника. Я обязан ей также аккуратностью и добросовестностью в своей работе, которым она научила меня в детстве».

Весной 1880 года, когда до окончания реально-го училища оставался еще один класс, тяжело заболел отец. Его увезли в Петербургский госпиталь.

Теперь все заботы о семье легли на плечи матери. Три сына, четыре дочери, старшей из которых десять, а младшей — год. И половинный оклад больного отца.

Старшие дети почти самостоятельные: восемнадцать, семнадцать, шестнадцать лет. Уже в школьные годы Владимир Афанасьевич начал подрабатывать репетиторством. Он мечтал об естественном отделении физико-математического факультета университета, но реальное училище не давало права поступления в университет. Нужно было бы еще год готовиться, чтобы досдать латынь и греческий язык по программе классической гимназии. Теперь, когда заболел отец, об этом и думать было нечего. Приходилось примириться с мыслью о поступлении в одну из высших технических школ. Куда?

«Стремление к путешествиям заставило меня остановить свой выбор на Горном институте, так как я полагал, что по окончании его я смогу получить место гор-

ного инженера где-нибудь в горах Кавказа, Урала или даже Сибири и быть ближе к природе, чем в качестве механика или химика на каком-либо заводе в городе.

Проверочные экзамены в Горный институт происходили в начале сентября, а в другие технические школы Санкт-Петербурга раньше, в половине августа. В Горный институт при прошении о приеме нужно было представлять подлинные документы, а в другие школы принимали копии их. Это давало возможность подать прошения в несколько высших технических школ на случай неудачи на экзаменах в одной из них. Я так и поступил — послал оригиналы в Горный институт, а копии в технологический; и решил держать экзамен сначала в последний, а потом в горный и поступить туда, куда выдержу. Попасть в горный было мало шансов, так как туда принимали только 40 человек и конкурс был жестоким. Предшествующие экзамены в Технологическом институте покажут, что спрашивают в высшей школе, на что нужно обратить особенное внимание, а кроме того, если выдержу в технологический, то можно идти на экзамены в горный совершенно спокойно, что повышает шансы на успех. Эти соображения вполне оправдались...»

В августе 1881 года Обручев на все пятерки сдал экзамены на химическое отделение Технологического института, а в сентябре столь же успешно справился с экзаменами в горном. Какое-то время он числился студентом двух институтов, а потом окончательно выбрал горный.

Окончательно? Нет, долго еще оставались сомнения.

В октябре 1881 года умер отец. На какое-то время, пока не оформили пенсию, семья оказалась совершенно без средств. Да и пенсия подполковника была, конечно, недостаточна для содержания семи детей.

«В это трудное время, — вспоминает Владимир Афанасьевич, — нам помогла тетушка Мария Александровна. Она принесла мне денег — из своего литературного заработка, как она заявила, чтобы я не думал, что она взяла деньги у Ивана Михайловича Сеченова».

Сам Владимир Афанасьевич зарабатывал на жизнь, репетируя уроки с двумя-тремя кадетами военной гимназии. Ежедневно через весь город приходилось пешком ходить на Петроградскую сторону — денег на извозчика, естественно, не было.

«Обедал через день, а один день довольствовался вместо обеда бутылкой снятого молока».

На втором курсе стало полегче: «Я получил стипендию горного ведомства, и надобность давать уроки отпала. Но стипендия в 25 рублей в месяц вынуждала к жесткой экономии. За комнату в компании (то есть за койку. — А. Ш.) приходилось платить 7—8 рублей, обеда стоили до 9 рублей в месяц и на все остальное — чай, хлеб, масло, стирку, конку и т. п. оставалось приблизительно столько же».

Выходные дни Владимир Афанасьевич обычно проводил в семье сестры матери — воскресные завтраки и обеды хоть как-то дополняли скудное будничное питание.

К несчастью, общие дисциплины, которые читались на первых курсах, не увлекали, и Владимир Афанасьевич все более убеждался, что ошибся в выборе профессии.

Он легко писал стихи, маленькие рассказы, задумал даже целый роман, где главной героиней должна была, кажется, стать некая коварная девица, не ответившая ему взаимностью. Несколько стихотворений Владимир Афанасьевич послал в журнал «Вестник Европы» и получил от редактора одобрительный отзыв и совет продолжать литературную работу.

«Отсутствие интереса к наукам, читавшимся в Горном институте, и это пробудившееся стремление к сочинительству вызвали у меня желание оставить институт и заняться полностью литературным трудом. Но я не решился осуществить немедленно эту мысль, так резко менявшую перспективы будущего, а изложил свои мечты в письме к учителю реального училища А. А. Полозову».

Кто знает, как сложилась бы жизнь, если бы не добрый, вовремя поданный совет учителя, специально приехавшего в Петербург, если после III курса не встретил бы студент Обручев профессора Ивана Васильевича Мушкетова...

Из неопубликованных воспоминаний Владимира Афанасьевича Обручева:

«Все-таки экзамены третьего курса я выдержал успешно и по окончании их принял участие в геологической практике, вернее, экскурсии для ознакомления с задачами курса геологии. На эту практику все сту-

денты выехали под вечер по Николаевской железной дороге на станцию Волхов, расположенную на берегу р. Волхов, где нужно было переночевать, чтобы на следующий день рано начать пешую экскурсию вдоль берега реки. Для ночлега были приготовлены комнаты с кроватями в двухэтажном доме. В них было душно, мы открыли все окна и, конечно, напустили в комнаты массу комаров, которые очень мешали всем спокойно уснуть. Поэтому чуть свет все студенты уже вышли на улицу, где разговаривали, смеялись, вообще шумели и находили, что пора бы начать экскурсию. Но руководитель, профессор И. В. Мушкетов, приехавший одновременно с нами и занявший одну из комнат, окон не открывал, спал спокойно и вышел к нам на улицу, свежий и веселый, только в пять часов утра и сказал нам:

— Это был первый урок геологической практики — заботиться о спокойствии ночного отдыха, чтобы хорошо работать на следующий день. Вы напустили в комнаты комаров и поэтому плохо спали. Это нужно иметь в виду при ночлеге в селениях, а ночуя в палатках, выкуривать из них комаров и спать с плотно застегнутыми дверными полотнищами.

С Мушкетовым во главе мы направились по дороге, которая вела вниз по реке вдоль правого берега, довольно крутого и местами представлявшего скалистые гребни с выходами коренных горных пород. На ходу профессор рассказывал нам, как отлагаются в морях большие толщи осадков из гальки, песка, извести, глины, как в них погребаются животные и растения, обитающие на морском дне и плавающие в воде, как их твердые частицы сохраняются в толще этих осадков, превращаясь в так называемые окаменелости, которые можно находить через многие миллионы лет в скалах горных пород, образовавшихся из этих отложений в воде, и по ним судить о возрасте данной толщи, так как каждой геологической эпохе соответствуют определенные виды и роды животных и растений.

— Поищите в пластах известняка, образующих эту скалу, — сказал Мушкетов, остановившись у одного из выходов горных пород возле дороги, — и найдете в них, может быть, окаменелости.

Утром нам были розданы геологические молотки, и мы рассыпались по уступам скалы. Мне удалось очень быстро найти камень, в котором сидело нечто очень похожее на раковину, и я понес его Мушкетову.

— Вот видите, — сказал он, осмотрев камень, — один из вас уже нашел раковину брахиоподы спирифер, как будто спирифер аносви, указывающей на девонский возраст этого известняка. Но чтобы точно определить род и вид этого животного, нужно его осторожно высвободить из камня, тщательно очистить и затем искать в книге с описанием разных моллюсков этого рода наиболее подходящие изображения к тому, который мы нашли. Это уже делается в кабинете по возвращении с геологической съемки. На дальнейшем пути вдоль Волхова профессор продолжал рассказывать нам, как на основании состава горных пород и находимых в них окаменелостей можно определить не только возраст, но и обстановку жизни и погребения, выяснить, было ли море здесь глубокое или мелкое, теплое или холодное, узнать, что эти породы были образованы не в соленом море, а в пресном озере, в спокойной воде или в полосе прибоя или в дельте.

Он рассказывал нам очень интересно, как поднимаются со дна морей в виде огромных складок толщи отложившихся в них осадков, превратившихся постепенно в горные породы, как слагаются из них горные цепи, как работает дождевая и снеговая вода, образуя ручьи и реки, врезааясь в толщи горных пород и образуя долины разного типа, которые дают нам глубокие поперечные разрезы горных цепей и отдельных складок и позволяют подробно изучать их форму и положение. Он упомянул, что сами горные цепи не вечны, а под воздействием жары и мороза, ветра и дождя и работы проточной воды постепенно понижаются и сглаживаются, превращаются в однообразные холмы и, наконец, в плоские увалы и даже равнины. Как пример, он назвал нам Урал, на месте которого некогда, много миллионов лет тому назад, тянулся огромный вечноснеговой хребет, подобный швейцарским Альпам или Андам Южной Америки. А теперь железная дорога пересекает однообразные холмы у Екатеринбурга (ныне Свердловск. — *А. Ш.*) и паровоз переваливает незаметно через бывшие горные цепи. У некоторых скал мы останавливались, и профессор показывал и объяснял нам, что и как нужно осматривать и описывать в них, какой величины и формы отбивать образчики горных пород.

Так прошло несколько часов. День был жаркий, и мы устали, иные отставали и плелись в хвосте, ничего не слушая. А Мушкетов, несмотря на то, что он все

время говорил и объяснял нам на отдельных скалах, стоя, нагибаясь и выпрямляясь, был бодр и шел ровным размеренным шагом, показывая нам своим примером, как нужно двигаться наиболее рационально во время геологической работы пешком...

На следующий день небольшой пароход повез всю экскурсию сначала вниз по р. Волхову, а затем по Ладожскому каналу и по р. Неве в Петербург.

Эта экскурсия, познакомившая студентов с содержанием и задачами геологии, произвела на меня большое впечатление. Я заинтересовался геологией, понял наконец, для чего я изучал различные минералы, определял руды паяльной трубкой, сравнивал друг с другом формы кристаллов и разгадывал их сочетания. Я решил продолжать учиться в Горном институте и сделаться геологом, подобно профессору Мушкетову. Геология придавала также смысл и значение путешествиям, которые манили меня еще в детстве, а теперь становились еще более интересными...

В Горном институте на IV курсе начинались лекции по физической геологии, палеонтологии и петрографии, которые меня сразу заинтересовали.

Очень тщательно излагал палеонтологию И. И. Лагузен, сумевший заинтересовать нас невзрачными трилобитами, кораллами и моллюсками, их жизнью, формой и особенностями. Он пояснял лекции показом больших таблиц и окаменелостей.

Не блестяще, но понятно и тщательно посвящал нас А. П. Карпинский в образование, состав и строение горных пород, демонстрируя шлифы их (тонкие разрезы на стеклышках) под микроскопом с увеличением от 20 до 40 раз и в поляризованном свете, при котором эти шлифы представляют красивую мозаику из кусочков разного цвета, формы и величины.

Физическую геологию, называемую также динамической, читал знакомый мне по экскурсии Иван Васильевич Мушкетов — молодой известный уже исследователь Туркестана. Он читал ее с увлечением и очень красноречиво, почему некоторые завистники из числа профессоров и студентов, интересовавшихся не геологией, а металлургией, называли его даже насмешливо «актером сталактитовых пещер».

Хорошего руководства по геологии на русском языке еще не было; приходилось пользоваться устаревшим переводным с немецкого — учебником Креднера. Слушая

лекции Мушкетова, я записывал их и задумал издать их литографским способом, которым в то время издавалось большинство лекций в высших школах. С этим предложением я обратился к И. В. Мушкетову, но получил ответ, что он сам готовит к печати полный курс физической геологии. Узнав во время разговора, что я очень интересуюсь геологией и хорошо владею немецким и французским языками, он предложил мне переводить геологические статьи для «Горного журнала», что, кроме знаний, давало и заработок. Я, конечно, согласился, получил немецкую статью, перевел ее и принес И. В. Мушкетову. Он остался доволен переводом, дал другую статью и взялся передать переводы в редакцию, а мне предложил прочитать первый том немецкого сочинения Ф. Рихтгофена «Китай».

Геолог и географ Ф. Рихтгофен в течение ряда лет в конце шестидесятых и начала семидесятых годов XIX века изучил значительную часть Китая.

В первом томе своего описания он дает яркую характеристику высоких и длинных горных цепей Внутренней Азии, увенчанных вечными снегами и ледниками, разделенных обширными сухими степями и песчаными пустынями. Увлекательно описано, как распадаются в пыль при выветривании в сухом пустынном климате породы горных цепей, как ветры и редкие дожди сносят эту пыль в долины и впадины между горами, заполняя их и образуя из пыли толщи желтозема, называемого лёссом и покрывающего не только впадины Внутренней Азии, но и весь Северный Китай и играющего огромную роль во всей жизни китайцев. Отметив открытия, сделанные русским путешественником Пржевальским во время его первого путешествия по Центральной Азии, Рихтгофен указывал, как мало мы знаем вообще об этих обширных странах и как много загадок представляет природа бесконечных цепей Куэнлуня, просторов пустынь Гоби, поясов оазисов, протянутых у подножия гор и вдоль рек, теряющих свои воды в глубине пустынь.

Эта книга оказала решающее влияние на выбор моего жизненного пути и совершенно очаровала меня грандиозными задачами, которые она ставила перед геологом в глубине обширного материка Азии. Я решил сделаться исследователем гор, степей и пустынь Внутренней Азии».

СТРАНИЦЫ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ

В 1886 году, когда Обручев закончил Горный институт, весь штат геологов России насчитывал... семь человек! Только за четыре года до этого был учрежден Геологический комитет — директор, три старших геолога и три младших.

Горный институт выпускал «горняков» (их направляли на рудники) и «заводчиков», то есть заводских инженеров. Но в 1886 году двое из тридцати шести выпускников избрали своей специальностью геологию — Владимир Афанасьевич Обручев и Карл Иванович Богданович.

«Я не стал искать место горного инженера на каком-нибудь руднике, прииске или заводе, как мои товарищи по выпуску, — пишет в воспоминаниях Обручев. — Я заявил И. В. Мушкетову, что хотел бы попасть в состав какой-нибудь экспедиции, которую будут отправлять куда-нибудь в глубь Азии. То же сделал независимо от меня и К. И. Богданович. К нашему счастью, это желание осуществилось очень скоро».

Как раз в это время начиналась постройка Закаспийской железной дороги, которая должна была соединить Среднюю Азию с европейской частью России. Ее предполагали начать на восточном побережье Каспийского моря, в районе Красноводского залива, и через пустыню Каракум вести на Ашхабад, Мерв (Мары), Чарджуй (Чарджоу), Бухару, Ташкент, Самарканд.

По тем временам строительство этой дороги было столь же сенсационно, как в наше время... ну, скажем, предполагаемое строительство туннеля под проливом Ламанш. Все было точно так же — десятки проектов и тысячи противников.

Один проектировщик считал, например, что для защиты от песков дорогу на всем ее протяжении — тысячи полторы километров — необходимо упрятать в специально выстроенный короб-туннель, как это делают в Альпах для защиты от лавин.

Другой предлагал соединить двумя каналами

Амударью и Каспийское море, потом обсадить эти каналы деревьями и только после этого проложить по зеленой аллее железнодорожное полотно.

А большинство просто считало всю эту затею авантюрой.

«Миллионы шпал и рельсов будут погребены под желтыми волнами песчаного моря, которые высыпают даже высокие тополя до самой верхушки», — писало «Новое время».

На заседании Государственного совета, где обсуждался вопрос о постройке Закаспийской железной дороги, дело решила энергия генерала М. Н. Анненкова, который, раскритиковав все проекты, имел мужество поручиться, что сумеет построить дорогу и что дорога эта будет работать.

Генерал просил И. В. Мушкетова рекомендовать ему двух молодых геологов в качестве «аспирантов при постройке железной дороги». Такая вот необычная должность. В первую очередь генерала интересовали водоносность и подвижность песков, а во вторую — предварительная разведка полезных ископаемых Туркестана.

В начале июля Мушкетов вызвал к себе Обручева и Богдановича, которые, узнав о предложении, с радостью согласились стать «аспирантами при постройке».

— Мы, геологи, — закончил разговор Мушкетов, — должны своими наблюдениями и указаниями помочь генералу Анненкову осуществить это огромное государственное предприятие...

Так началась первая самостоятельная экспедиция молодого геолога, и о ней, как и о последующих экспедициях, лучше всего расскажет сам Владимир Афанасьевич.

Однако прежде необходимо сделать небольшое пояснение.

Полевых дневников — тех удобных книжечек, что теперь столь привычны для геологов и других экспедиционных работников, — тогда просто не существовало. Именно Обручев, начав годы спустя впервые читать курс «Полевая геология», предложит и наиболее удобные размеры полевых дневников, и правила их заполнения. А тогда Владимир Афанасьевич ограничивался короткими заметками в записной книжке и длинными, почти каждоднев-

ными... письмами к невесте, в будущем — жене. Эти письма он впоследствии использовал фактически на правах дневника.

Читатель, конечно, обратит внимание — не только геология интересует Владимира Афанасьевича. Можно сказать, что он — особенно в ранних экспедициях — чувствовал себя в первую очередь Путешественником, а уже во вторую — Геологом.

Тексты, которые предлагаются читателю, написаны Владимиром Афанасьевичем уже после окончания экспедиций — по полевым записным книжкам, по письмам-дневникам. Но они строго документальны и сохраняют дневниковую свежесть восприятия.

Уместно заметить, что феноменальная память Владимира Афанасьевича — можно сказать, «память восприятия» — неизменно поражала всех, кто работал с ним.

Ученик его, геолог Б. А. Федорович, рассказывает:

«Ему было 25 лет, когда он изучал Западный Узбой. Когда Владимиру Афанасьевичу исполнилось 90 лет, я принес ему альбом фотографий по различным районам Туркмении. Показывая одну панораму, я спросил — не узнает ли он это место.

— Да как же не узнать? Ведь это Куртышский водопад на Узбое, — и начал проследивать все обрывы и скалы.

— А где же куст? Вот здесь, как раз здесь, рос большой куст саксаула, и на нем сидела какая-то крупная птица.

За 65 лет, за многие годы путешествий память сохранила даже такие детали!»

Очень хорошо сказал об этой удивительной способности Обручева его биограф В. А. Друянов:

«Все, что хоть раз попадало на сетчатку его глаз, навечно застывало в памяти. Небольшие серые глаза непрерывно на протяжении девяти десятков лет печатали дагерротипы окружающего мира, и в любую минуту, когда ему было нужно, Обручев вставлял отпечаток в проекционный аппарат своего мозга».

Назначение в «аспиранты» совершилось очень скоро. Через несколько дней Мушкетов представил меня и Богдановича Анненкову. Нам выдали деньги на закупку снаряжения и прогоны. Мушкетов указал нам, какие инструменты нужно приобрести, и дал каждому инструкцию по ведению исследований. В половине июля мы выехали по железной дороге в Царицын*, где сели на пароход, отправлявшийся вниз по Волге до Астрахани (...). В Астрахани мы сели на пароход, который ходил по нижнему течению Волги до пристани, называвшейся «Девять фут», в ее устье, куда могли приставать пароходы, совершавшие рейсы по Каспийскому морю (...).

Бакинские промыслы в то время переживали эпоху быстрого развития. По всем окрестностям Баку бурили скважины в поисках новых нефтяных площадей, покупали и продавали участки нефтеносной земли, и многие наживались на этой спекуляции(...).

Черный городок в Балаханах имел очень своеобразный вид: повсюду поднимались ажурные высокие пирамиды буровых вышек, черные от нефти. В них выкачивали из скважин густую зелено-бурую нефть. В промежутках были разбросаны такие же черные избушки, в которых жили рабочие, везде чернели озерки и лужи, наполненные нефтью, и между ними извивались тропинки от вышки к вышке, от избушки к избушке, также черные, пропитанные нефтью. Нигде ни дерева, ни даже кустика или пучка зеленой травы; все было черно, пропитано нефтью, и даже воздух имел специфический нефтяной запах. Приходило в голову, что если где-нибудь здесь загорится нефть, пожар должен быстро охватить весь городок, и людям невозможно будет спастись.

Осмотрев несколько скважин, в которых из трубы насоса вытекала тяжелой струей густая нефть в резервуар в виде нефтяного пруда, и понаблюдав приемы бурения на одной скважине, где работали смуглые черные персы в черной одежде, мы отправились в Сураханы на окраине промысловой площади, на плоских холмах возле морского берега. На одном из них возвышался храм огнепоклонников — небольшое квадратное здание с центральным куполом и четырьмя башен-

* В сопроводительном тексте все географические названия даны в современной транскрипции. В цитатах — в транскрипции В. А. Обручева, которая не всегда единообразна.

ками по углам, в которые из земли попадали горючие газы и прежде горели днем и ночью в виде больших факелов. В котловине среди холмов стоял дом; в нем жил управляющий этим промыслом, брат нашего товарища по Горному институту. К нему мы и направились.

Возле дома в фонаре на столбе горел газ, проведенный из земли по трубе(...).

В Баку нас поразило отсутствие пресной воды. В гостинице нам подали заметно соленый чай, так как во всех колодцах города и ручьях окрестностей вода была солоноватая. Но бакинцы так привыкли к соленому чаю, что и вне Баку прибавляли соль к чаю, который им подавали. Пресную воду добывали в небольшом количестве перегонкой в аптеках, и она стоила дорого(...).

Из Баку пароход доставил нас в течение одной ночи на восточный берег Каспийского моря, к пристани Узун-ада на берегу п-ова Дорджа (...). Узун-ада состояла из нескольких деревянных домов и амбаров, разбросанных вокруг небольшой бухты по склонам голых песчаных дюн, покрывавших весь полуостров и накалявших-ся днем под лучами южного солнца.

Скудная растительность на дюнах была уже истреблена людьми и животными; везде был виден желтый песок; ветер вздымал его тучами, засыпая мало-помалу дома. Это ужасное место было выбрано для пристани и начала железной дороги потому, что здесь большой Красноводский залив вдавался гораздо дальше на восток и сокращал длину рельсового пути километров на сто по сравнению с Красноводском, расположенным на северном берегу залива. Можно было представить себе, какова была жизнь работавших в Узун-ада, среди этих голых сыпучих песков, во время сильных бурь осенью, зимой и весной и в период летней жары. В Узун-ада приходилось доставлять все, начиная с пресной воды.

Мы провели на пристани несколько часов в ожидании отхода поезда; нам казалось, что мы попали в Сахару, и даже неоднократное купанье в теплой воде залива давало мало облегчения. Мы все-таки облазили несколько дюн в стороне от построек, чтобы познакомиться с этим авангардом песков Кара-кум, выдвинутым на берега Каспия. Мы впервые видели такие огромные скопления сыпучего песка.

Поезд отходил вечером, и путь до г. Кызыл-арвата, где было управление постройки железной дороги, мы не видели, так как проехали его ночью. Этот городок на-

зывавшийся в переводе на русский язык «Красная женщина», состоял из деревянных и глинобитных домов и домиков, разбросанных вокруг вокзала(...).

На юге, в нескольких километрах от города, возвышались скалистые горы первой цепи Копет-дага, а на севере, за железной дорогой, расстилалась выжженная солнцем полынная степь до горизонта, где желтели пески Кара-кум(...).

В мою задачу входило изучение песков Кара-кум, их подвижности и водоносности, особенно по южной окраине, где пески окаймляли пояс небольших оазисов с городами и линией железной дороги вдоль подножия гор Копет-дага от Кызыл-арвата до р. Теджен. Поэтому я наметил маршрут вдоль этой окраины с заездами то в глубь песков, то в глубь оазисов(...).

В назначенный мною день отъезда явились два казачка верхами и привели еще двух лошадей — верховую и вьючную. Последняя под вьюком, вероятно, еще не ходила; с трудом наложили на нее мои сумы, которые пугали ее своим объемом и ярким цветом. Едва мы тронулись в путь, эта лошадь начала бить задними ногами и подниматься на дыбы, чтобы сбросить вьюк, который ничем не был прикреплен. Это удалось ей очень скоро; сумы полетели на землю, а лошадь удрала в свою конюшню. Ее вернули и опять завьючили, но мой чайник при падении сум уже пострадал: носик раскололся, а бок был вдавлен. Все-таки поехали; лошадь после нескольких попыток снова сбросить вьюк успокоилась, и мы быстро миновали городок и направились по караванной дороге на север в Хиву(...).

Пустыней в точном смысле слова пески Кара-кум назвать нельзя, так как они были покрыты растительностью, хотя и не в виде сплошного ковра, а с многочисленными промежутками, в которых обнажался голый песок. Последний покрывал и все дно ложбины, по которой шла дорога. Растительность состояла из кустов и трав. Среди кустов было больше всего кандыма в виде зарослей тонких, почти безлистных веточек, образовавших редкую щетину, или кустов с ветвистой кроной, высотой в 1—2 м. На них уже созрели плоды — шарики, покрытые густыми щетинками, очень упругие и перекатывавшиеся по поверхности песка при малейшем ветерке. Часто виден был песчаный саксаул в виде кустов с неровными ветвями или деревьев в 2—3 м высоты с корявым стволом и длинными, висячими вниз зеле-

ными веточками, кое-где усаженными крошечными листочками. Эти виды растений поражали отсутствием листвы, функции которой в этом сухом и жарком климате, очевидно, заменяли зеленые веточки, мягкие и сочные, то есть содержавшие влагу, необходимую для жизни и роста, но слабо испарявшие ее благодаря своей ограниченной поверхности. Из трав обращали на себя внимание злак селин, росший отдельными толстыми и длинными пучками, хорошо выдерживающими засыпание песком, и какая-то мелкая травка, вероятно, песчаная осока (...).

Остановившись на гребне одной высокой гряды, я увидел, что и далее до горизонта местность имеет тот же характер, то есть состоит из длинных и высоких песчаных гряд, вытянутых с северо-северо-востока на юго-юго-запад и отделенных друг от друга долинами. В общем картина была утомительно-однообразная как по формам поверхности, так и по растительности(...).

Итак, я убедился, что пески Кара-кум не пустыня, так как они покрыты растительностью — травами и кустами, даже небольшими деревьями, хотя и мало разнообразными. А кроме того, они не лишены и животной жизни. Я заметил красивую саксаульную сойку, быстро бегавшую по голым песчаным площадям и прятавшуюся в кустах, мелких птичек, вероятно славку, и пустынных чекана и бегунка, порхавших по кустам. По песку перебегали ящерицы, одни полосатые, другие пятнистые, но все настолько похожие по своей окраске на цвет песка, что прижавшуюся к поверхности его неподвижную ящерицу нельзя было заметить. Ползали большие черные жуки, пробегали жужелицы. Два раза из-под куста выскакивал заяц и мчался вверх по склону, быстро скрываясь за гребнем. На юг пролетела пара ворон. Присматриваясь к поверхности голых песчаных площадок, можно было заметить следы, оставленные разными животными — лапками зайцев и лисиц, разных птиц, ящериц, ножками жуков; иногда попадался извилистый желобок, слегка вдавленный ползшей змеей. Ветерок, конечно, быстро заметал эти следы, хорошо заметные в тихую погоду. Казаки сообщили, что в песках нередко попадают джейраны (антилопы), но очень пересеченная местность сильно затрудняет охоту на них — они слишком быстро скрываются, перебегая через песчаные гряды. Встречаются и волки, и в камышах по низовьям рек Теджена и Мургаба много кабанов (...).

Мы ехали до полудня вдоль окраины песков на восток и остановились для отдыха вблизи колодца и туркменской юрты. Сварили чай, позавтракали холодным мясом, оставшимся от ужина, и сухим хлебом. Солнце пекло; тени не было нигде, так как на окраине песков крупных кустов нет, а в окрестностях каждого колодца, где живут кочевники, растительность вообще сильно страдает от пастбы скота и порубки кустов на топливо. Таким образом, человек также препятствует зарастанию и закреплению песков Кара-Кум.

По этой окраине можно было наблюдать наступление песков на степь. Грядовые пески теряли здесь свой правильный рельеф. Вместо гряд видны были отдельные холмы, почти лишенные растительности и часто представлявшие настоящие барханы, которые по форме похожи на сплюснутую копытную кость лошади или серп луны. Один склон, обращенный в сторону господствующих ветров, т. е. наветренный, всегда пологий, и песок на нем настолько уплотнен, что нога пешехода оставляет очень слабый след. По этому склону легко поднимаемся на плоскую вершину также с уплотненным песком, за которой круто падает подветренный склон, состоящий из рыхлого песка; здесь нога глубоко вязнет. В обе стороны от вершины по направлению ветров выдвигаются рога бархана, постепенно понижающиеся, с одинаковыми склонами и острым гребнем также из рыхлого песка. Под воздействием силы ветра барханы передвигаются; песчинки переносятся порознь и струйками вверх по пологому наветренному склону через вершину и скатываются по крутому подветренному вниз; одновременно другие на боках бархана переносятся вдоль его рогов. Так мало-помалу, песчинка за песчинкой, весь материал бархана передвигается по направлению ветра (...). Барханы на окраине песков имели различную величину, достигая от 1—2 до 4—5 метров высоты(...).

Ветры не всегда дуют в одном направлении, и ветер противоположного направления не только останавливает передвижение бархана, но и изменяет его форму. Рога у него сокращаются; ветер уносит их рыхлый песок; крутой подветренный склон, сделавшийся наветренным, сглаживается, становится более пологим; гребень передвигается по плоской вершине в обратную сторону, и если противоположный ветер дует достаточно долго, бархан, так сказать, переворачивается; на месте круто-

го склона образуется пологий, а крутой и рога появляются на месте пологого. Поэтому по форме бархана всегда можно определить, с какой стороны дули в последнее время ветры и какой они были силы или продолжительности.

На наветренных склонах барханов часто можно видеть мелкую рябь, представляющую многочисленные маленькие гребешки в 1—3 сантиметра высоты, разделенные плоскими ложбинками. Эти гребешки располагаются поперек направления ветра и представляют в миниатюре несколько извилистые барханные гряды с более пологим наветренным и более крутым подветренным склонами(...). Эту рябь на барханах создают ветры небольшой силы(...).

Теперь нужно познакомить читателя со степью, которая занимает более или менее широкую полосу между первой цепью гор Копет-дага и окраиной песков.

Эта степь имеет слабый, но достаточно заметный уклон на север, от гор к пескам, так как создана из рыхлого материала — валунов, гальки, гравия, песка и ила. Постоянные водные потоки в виде речек и ручьев и временные, образующиеся при таянии снегов на горах и при сильных дождях, выносят этот материал из гор и постепенно отлагают его у их подножия. Геологи называют такие отложения «пролювием».

Растительность степи не везде одинакова. Вблизи подножия гор, где дожди выпадают чаще, степь покрыта травой, среди которой теряются кустики полыни и других кустарных растений. С удалением от гор трава все больше редет, кустарные растения появляются в большем количестве, но все чаще проглядывают голые площадки пролювия, покрытые белыми выцветами солей(...).

У самой окраины песков часто исчезает скудная растительность степи, и огромные площади представляют «такыры». Этим тюркским термином обозначают совершенно ровные площади с голой почвой светло-серого или розовато-серого цвета, гладкой, как паркет, и настолько твердой, что подковы лошадей почти не оставляют на ней следа. Тонкие трещины разбивают этот «паркет» на неправильные многоугольники(...).

Такыры представляют сухое дно временных озер. Весной, при быстром таянии снегов или после проливного дождя, выпавшего в какой-либо части Копет-дага, временные потоки, вытекающие из горы, доносят воду

до окраины песков. Последние сразу останавливают их движение; потоки разливаются и образуют озера, которые существуют несколько дней, редко 2—3 недели, и высыхают. Вода этих озер очень мутная; потоки(...) приносят в озера много самого мелкого ила, который и оседает на дно тонкими слоями. Так, в течение многих тысячелетий образовались эти такыры, почва которых состоит из тонких слоев светло-серого или розовато-серого песчано-глинистого ила. Растительность на такырах не может развиваться потому, что семена растений, приносимые ветром, не могут удержаться на гладкой поверхности, укрепиться и прорасти; ветер уносит их дальше: или на пески, или на степь за границами такыра. Только в виде исключения на такыре можно увидеть маленький кустик или пучок травки, семена которых случайно застряли в тонкой трещине и проросли, а растение ведет отчаянную борьбу за свое существование, так как плотная почва такыра водонепроницаема, и слабым корешкам трудно пробиться через нее до более глубоких горизонтов, содержащих влагу.

Такыры тянутся вдоль окраины песков прерывистой цепью, достигая 500—1000 метров в ширину и иногда нескольких километров в длину (...).

Мое путешествие вдоль окраины песков Кара-кум продолжалось десять дней. Мы через день отходили от этой окраины и шли по степи к ближайшей станции железной дороги, чтобы запастись хлебом и мясом для себя и подкормить лошадей(...).

Вечером мы добрались до Пендинского оазиса, занимающего треугольник между Кушкой и Мургабом, выше устья первой. Здесь находился русский пограничный пост из полусотни казаков и роты стрелков — Тахта-базар, где мы провели два дня.

Этот пост еще не успел обстроиться, солдаты и офицеры жили в палатках. Я познакомился с офицерами; их было двое: подполковник и хорунжий. Вечером за ужином мы разговорились. Подполковник, уже пожилой человек, вспоминал свою молодость, шестидесятые годы, Писарева и Чернышевского, их идеи и влияние на русскую молодежь, оживление после Севастопольской кампании, отмену крепостного права и надежды на крупные реформы, постепенно поблекшие в конце царствования Александра II. Он сопоставлял его интересное время с современным режимом под тяжелой рукой Александра III.

Мне казалось странным, что подполковник, седой заслуженный офицер, командует только ротой стрелков в этом глухом углу на афганской границе. Позже казаки рассказали мне, что подполковник находится здесь как бы в ссылке под надзором хорунжего как «неблагонадежный». Хорунжий, впрочем, не производил впечатления надзирателя и принимал участие в нашем разговоре о недостатках самодержавного режима, вызвавших хождение интеллигенции в народ для проповеди революции, которое закончилось преследованием участников, об организации «Народной воли» и ее удачных и неудачных покушениях на представителей самовластия, кончая самим царем. Подполковник, восхищаясь героизмом народовольцев, однако не одобрял их деятельности. Он считал, что, несмотря на все препятствия, нужно продолжать пропаганду, особенно в городах; рабочие, число которых будет быстро расти в связи с развитием промышленности, гораздо скорее усвоят революционные идеи, чем крестьяне, у которых владение землей развивает собственнические инстинкты. Хорунжий, молодой человек, наоборот, надеялся на то, что террор заставит правительство пойти на уступки, а ждать восстания рабочих, по его мнению, слишком долго.

На следующий день за завтраком офицеры сообщили мне, что недалеко, в пределах Пендинского оазиса, есть признаки нефти, и предложили показать их. Мы поехали верхом по долине, покрытой зарослями кустов и чия, среди которых кое-где были заброшенные пашни и остатки бахчей; населения не было видно. В нескольких километрах мне показали на лужицах небольшого болотца черные пленки на поверхности воды, которые были приняты за нефть. Но это оказались пленки окислов железа, которые часто образуются на болотной воде и вводят в заблуждение людей, не знакомых с выходами нефти(...).

Более интересны были пещеры, расположенные возле Пендинского оазиса, на склоне правого берега Мургаба выше устья Кушки, довольно высоко над уровнем реки. Переехав через реку и оставив лошадей с одним из казаков у реки, я поднялся с другим казаком по крутому склону к отверстию одной из пещер. Оказалось, что пещеры эти не естественные, а искусственные, вырытые человеком в мягкой песчано-глинистой породе, из которой состоит весь склон(...). Через отверстие

мы вошли в длинный коридор, уходивший в глубь склона; в обе стороны от него открывались дверные отверстия ряда отдельных комнат. Коридор имел 40 м длины и от 2 до 3 м ширины и высоты; такую же ширину и высоту имели комнаты, которые не сообщались друг с другом, а имели выход только в коридор(...). Из некоторых комнат вела еще лестница вверх, в такую же комнату второго этажа.

Вся эта многокомнатная пещера была высечена в мягкой, но достаточно устойчивой желтой породе(...) и сохранилась прекрасно; потолки были сводчатые, стены и двери кое-где с незатейливыми украшениями и нишами; последние большею частью были закопчены, следовательно, в них ставили светильники. Одна из комнат, очевидно, служила местом молитвы: задняя часть была отделена от передней невысоким барьером под аркой, а в боковых стенах были четыре ниши с арками. У входа в эту комнату в породе были высечены грубые изображения рук и подобие креста(...).

Вторая пещера, расположенная ниже по склону, представляла только одну большую комнату, разделенную барьером на две части; в задней, в глубине, был выступ подобно алтарю с двумя ступенями. Третья пещера состояла из трех комнат, наполовину засыпанных. Устья остальных двух пещер против Тахта-базара и двух выше по Мургабу были видны в отвесном обрыве над рекой, так что забраться в них можно было, только спустившись сверху на канате. Они, очевидно, были того же типа, что и осмотренные.

Эти подземные жилища, конечно, не были вырыты туркменами. Знаки креста и формы некоторых комнат указывали на то, что в них обитали какие-то христиане, может быть, первых веков христианства. Современные туркмены не пользовались пещерами даже зимой, хотя в морозы в них гораздо теплее, чем в кибитке. Кроме мелких хищников, здесь обитали многочисленные летучие мыши, которые целыми десятками висели под сводами комнат вниз головой, просыпались при свете наших свечей и начинали бестолково летать по комнатам, натыкаясь на наши головы и плечи и очень мешая спокойному осмотру(...).

Чтобы закончить исследования первого года работ, мне нужно было из Мерва проехать до р. Аму-дарьи по участку железной дороги, который еще строился. Мы на-

правились на восток вдоль полотна, пролегающего по Мервскому оазису (...).

За ст. Уч-аджи мы прибыли на самую «укладку». Это был поезд, состоявший из ряда теплушек для солдат железнодорожного батальона и нескольких вагонов, переделанных из товарных и вмещавших кухню, столовую, канцелярию и купе для офицеров. Одно из них занимал сам Анненков, подававший пример жизни в скромной походной обстановке (...).

От укладки мы поехали дальше прямо по полотну железной дороги, уже проложенному через пески и окаймленному столбами телеграфа, доведенного до сел. Чарджуй на берегу Аму-дарьи, куда в этом году предстояло довести укладку. Песчаные бугры становились выше и оголеннее, а за ст. Репетек, которая уже строилась, начались барханные сыпучие пески (...).

Мы ночевали на голом песке у колодцев; сено для лошадей и немного топлива мы привезли с собой. Я взобрался на вершину самого высокого бархана, чтобы оглянуться. Во все стороны до горизонта видны были те же голые желтые гряды с волнистыми гребнями (...).

Весь следующий день мы ехали по этим барханным пескам, придерживаясь полотна железной дороги, без которого путь был бы гораздо утомительнее не только для наших лошадей, но и для нас (...).

После полудня подул сильный встречный ветер, и мертвые пески ожили. По пологим наветренным склонам побежали вверх струйки песка, а с гребней ветер срывал их в воздух, и барханы дымились. Воздух скоро наполнился мелкой пылью, солнце померкло и стало красным, без лучей. Хотя мы ехали по полотну, все же в лицо всаднику ударяли мелкие песчинки, несшиеся по воздуху. Пришлось надеть очки с боковыми сетками, защищавшими глаза от песчинок: без них против ветра нельзя было смотреть. Казаки, у которых очков не было, закрывали лица платками.

Наблюдая эту жизнь барханов и замечая другие признаки подвижности песков в виде песчаных кос, пересекавших полотно, и глубоких ложбин, которые ветер выдувал в нем, — полотно ведь целиком состояло из того же барханного песка, — я начал опасаться за будущность железной дороги в этой части края (...). Через полотно тянулись песчаные косы высотой до полуметра от соседнего бархана, а там, где полотно проходило

по котловине, его пересекал наискось глубокий желоб, выдутый ветром(...). Во время сильных ветров песок будет засыпать рельсы, а желоба, выдуваемые ветром между шпалами и под их концами, нарушат устойчивость пути и могут вызвать катастрофу. Строгий надзор за состоянием пути и частый ремонт казались неизбежными(...).

На укладке я явился к Анненкову, чтобы доложить ему об окончании полевой работы в пределах Закаспийской области и получить разрешение на выезд в Петербург для составления отчета. Генерал пригласил меня в столовую к общему ужину офицеров и инженеров, после которого предложил мне сделать доклад о своих наблюдениях по геологии края. Я охарактеризовал степи и пески, описал типы грядовых, бугристых и барханных песков, их происхождение и подвижность, признаки их наступления на оазисы и железную дорогу вдоль Копетдага и в заключение указал, что между Мервом и Амударьей пески постоянно будут угрожать движению поездов, если не будут приняты меры для закрепления их растительностью.

Концом доклада — об угрозе песчаных заносов — Анненков остался недоволен. Как известно, перед постройкой Закаспийской железной дороги в царском правительстве произошли большие споры. Многие считали, что безумно строить дорогу через пески Кара-кума, что это будет сизифов труд в виде постоянной борьбы с песчаными заносами, что воды на станциях в песках не будет и ее придется привозить издалека — с Мургаба и Амударьи, что туркмены будут снимать рельсы и сжигать шпалы. Но Ташкент(...) требовал уже прочной связи с империей, и дорога через Кара-кум была кратчайшей. Анненков в Государственном совете защищал возможность постройки дороги через пески и взялся выполнить ее. Поэтому мой вывод о подвижности песков ему не понравился. После моего сообщения он заявил, что я по молодости лет увлекаюсь и преувеличиваю опасность заносов и вообще наступания песков на оазисы и что с ними можно справиться (...).

Я уехал в Петербург, чтобы отбыть воинскую повинность, так как совместить это с геологической работой для железной дороги, как предполагали сначала, оказалось невозможным. Только в половине августа 1887 года, выдержав после лагерного сбора экзамен на прапорщика запаса, я освободился и в начале октября

вернулся в Закаспийский край, чтобы продолжать исследования.

Железная дорога была уже доведена до Аму-дарьи, и поезда от Узун-ада ходили регулярно, но медленно, так как полотно на большей части протяжения еще не было укреплено балластом. В купе мягкого вагона вместе со мной ехали офицер железнодорожного батальона, возвращавшийся из отпуска, и пожилой полковник, переменивший долголетнюю службу в Финляндии на новое место в Ташкенте, соблазнившее его крупным жалованьем и перспективой хорошей пенсии(...).

За первую ночь мы доехали до Кызыл-арвата; город после перевода из него управления постройки на восток показался мне менее населенным, чем год назад(...). Глядя на скалистые цепи Копет-дага с одной стороны, и унылую степь, окаймленную на горизонте песчаными холмами, то более близкими, то более далекими, — с другой, я вспоминал свое путешествие по их окраине и рассказывал попутчикам о происхождении песков и их наступлении на полосу оазисов. Полковник был удручен видом местности. По литературе и рассказам он составил себе представление о Средней Азии как о сплошном оазисе с пальмами, бахчами, фруктовыми садами и виноградниками, а целый день он видел унылую степь, пески и скалистые голые горы и услышал о грозном наступлении песков.

За вторую ночь мы миновали Мервский оазис. Я проснулся на ст. Уч-аджи, которую помнил в виде нескольких кибиток и землянок. Теперь здесь стоял хороший домик станции и несколько других возле него. Я заметил, что от вокзала в глубь песков на юг идут столбы телеграфа.

— Куда проведен телеграф? — спросил я у железнодорожного офицера.

— К колодцам в пяти верстах от станции. Оттуда вода по трубе проведена сюда, к полотну, в колонку. Наш паровоз набирает воду.

— Почему же линию дороги не провели вблизи этих колодцев, чтобы иметь воду тут же?

— Во время постройки об этих богатых колодцах ничего не знали; возле станции также есть колодец, но воды мало, и она солоноватая. Потом старый туркмен вспомнил, что на одной из караванных дорог из Мерва в Чарджуй были хорошие колодцы, и отыскал их. Но переносить всю линию было невозможно. У колодцев по-

строили водокачку, и там живет машинист с двумя рабочими, как настоящие отшельники в пустыне(...).

Вскоре за ст. Уч-аджи ветер, дувший с утра, усилился, и началась песчаная буря. Песчаные бугры задымались, воздух наполнился пылью, солнце померкло. Мелкие песчинки проникали в вагон через все щели окон и трубы вентиляторов. Скоро можно было заметить слой их на подоконниках и на столике в купе, и я набрал их в бумажный пакет, чтобы потом определить диаметр песчинок, переносимых по воздуху на высоте 2—3 м от поверхности земли. Поезд по временам замедлял ход и еле двигался.

— Он идет осторожно в больших выемках, где рельсы сильно заносит песком, — пояснил офицер. — А если занос будет большой, поезд остановится.

— И что же, он будет ждать, пока с ближайшей путевой казармы пришлют рабочих, чтобы расчистить путь? — спросил я.

— Это было бы слишком долго. Мы нашли более скорый способ. Когда поезд идет через пески между ст. Уч-аджи и Аму-дарьей, к нему в ветреную погоду прицепляют вагон с партией рабочих. Как только машинист остановит поезд перед выемкой с заносом, рабочие соскакивают, бегут вперед и очищают путь. Очистив его, они садятся, и поезд идет дальше до следующего заноса.

— Но это задерживает проход поезда через пески!

— Конечно, но обходится гораздо дешевле. Ведь иначе пришлось бы на каждых пяти верстах пути строить казармы и держать в них партии рабочих, которые были бы заняты только три-четыре дня в течение месяца на расчистке заносов. Бури, вызывающие сильные заносы, осенью и весной случаются довольно редко, а летом и зимой их почти не бывает.

— Действительно, поезд через некоторое время остановился, постоял минут двадцать, потом тронулся дальше, опять постоял и т. д. Поэтому до Чарджуя мы ехали целый день, тогда как в тихую погоду это расстояние проехали бы за четыре часа.

— Приняты ли какие-нибудь меры против выдувания песка из-под шпал? — спросил я. — На насыпях это опаснее заносов.

— Меры приняты, — ответил офицер. — Полотно защищено с обеих сторон пучками хвороста. Опыт показал, что эти пучки нужно втыкать горизонтально, а

не вертикально; тогда они держатся хорошо и предохраняют насыпь. Если втыкать их вертикально, ветер выдувает песок вокруг их основания, и они падают.

— Со временем, когда все полотно будет забалластировано, выдувания песка вообще не будет. А от заносов может помочь только насаждение растительности на песках. Сделано что-нибудь в этом отношении? — спросил я.

— Пока еще нет. У станции Репетек мы хотим устроить опытный участок и выяснить, какие травы и кусты скорее всего укрепляются и растут на песках. Предлагают также защищать полотно от заносов установкой решетчатых заборов, как поступают зимой для защиты от снежных заносов на дорогах в России(...).

Из Чарджуя мне пришлось вести свой караван в Мерв, откуда я собирался сделать большую экскурсию на север, осмотреть окончание Мургаба в песках, пройти через последние до впадин Унгуза и по ним на запад в Балханский Узбой. Мы прошли вдоль полотна действовавшей уже железной дороги, и я мог наблюдать те меры защиты полотна от песчаных заносов, которые служба пути применяла по распоряжению ген. Анненкова. Они состояли из решетчатых щитов того же типа, который издавна употребляется для защиты пути от снежных заносов на дорогах России. Эти щиты, поставленные вдоль полотна, задерживали песок, приносимый ветром, совершенно так же, как они задерживают снег, то есть по обе стороны щита. В случае со снегом сугроб нарастает, и, когда щит занесен почти доверху, его вытаскивают и ставят на гребень сугроба. То же имеет место и при песчаном заносе. Но только снежный сугроб даже высотой в 4—6 м весной тает и исчезает, тогда как песчаный остается. И если ставить щиты вблизи полотна, то в течение нескольких лет, переставляя щиты вверх по мере их засыпания, можно создать слишком близко от полотна искусственные барханы, которые неминуемо начнут захватывать и полотно дороги. Необходимо ставить щиты в нескольких саженьях от полотна, чтобы барханы, созданные ими, не захватывали путь даже при наибольшей высоте. Это правило на пути через барханные пески от Чарджуя до Репетека не было соблюдено, и щиты в дальнейшем должны были приносить не пользу, а вред. О защите полотна от выдувания песка из-под шпал пучками хвороста сказано выше. Пучки, горизонтально положенные,

защищают полотно; но эта мера требует постоянного надзора, периодической смены пучков. Полная балластировка полотна, то есть засыпка его щебнем, более дорогая, но радикальная мера, еще не была выполнена...

Вы помните, Обручев приехал в Туркестан, чтобы помочь генералу Анненкову. «Аспирант при постройке» должен был развеять сомнения в целесообразности строительства железной дороги. Но первые его выводы были самыми неутешительными.

Как видел читатель, уже на следующий год взгляды Обручева начали постепенно меняться. Но тогда, во время доклада в вагоне, он был резок и непримирим.

Мы знаем теперь, что Обручев по первым своим впечатлениям сильно преувеличивал опасность заносов, а поспешный вывод его об усыхании рек был просто ошибочен. Годы спустя сам Владимир Афанасьевич, рассказав о своей первой экспедиции, о первом своем научном докладе, в заключение честно признает ошибочность своих первых выводов: «Анненков был прав. Железная дорога существует уже 60 лет, и пески не засыпали ее».

Нас, однако, все это интересует с другой точки зрения. Обратите внимание — молодой геолог и не подумал смягчить резкости своих выводов, хотя от генерала в немалой степени зависело его будущее, во всяком случае — его материальная обеспеченность на ближайшее время. А через шесть десятков лет убежденный сединой патриарх советских геологов не сочтет зазорным признаться в своей ошибке...

На склоне лет Владимир Афанасьевич пишет: «С самого начала своей деятельности я всегда старался понять и объяснить наблюдаемые факты и явления самым естественным образом, согласно законам природы, не мудрствуя лукаво».

Он доверял фактам, а не гипотезам. И если факты противоречили гипотезе... Что ж, тем хуже для автора гипотезы, сколь бы авторитетен он ни был.

В то время считалось, что Узбой — древний морской пролив, соединявший когда-то Каспийское море с Аральским, что участки такыров — бывшие

морские лиманы или прибрежные морские озера, что сами пески пустыни Каракум имеют морское происхождение.

Этой точки зрения придерживался известный геолог А. М. Коншин, на протяжении пяти лет изучавший Закаспийскую область. Придерживался ее и учитель Обручева — И. В. Мушкетов.

Море Коншина плескалось когда-то на месте современной пустыни!

Но факты вступали в противоречие с этой точкой зрения.

Собственно говоря, «узбой» — слово нарицательное. Туркмены называют узбоем любое сухое русло реки. Уже одно это настораживало. Почему Келифский Узбой или Балханский Узбой надо считать порождением моря?

Весной 1888 года Обручев проехал по Келифскому Узбою, который пересекал восточную часть пустыни, и увидел цепочку впадин — «больших и малых, главных и побочных, с одними и теми же невысокими песчаными берегами, с тем же серым шелковистым песком на дне, совершенно подобным находящемуся в русле Амударьи». Ширина котловин достигала полутора километров, длина — десяти километров. Здесь нередко встречалась окатанная галька, а пресная вода почти неизменно обнаруживалась на незначительной глубине.

Затем Владимир Афанасьевич обследовал западный — Балханский — Узбой. На дне впадин белели солончаки, голубели пресные и соленые озера. «У Балханского Узбоя его прежнее речное происхождение видно еще явственнее, — писал Обручев. — Прежнее русло сохранилось еще лучше, несмотря на то, что на обоих берегах высятся песчаные холмы; русло врезано в часто твердые третичные породы — известняки и мергели — и представляет ряд уступов разной высоты, по которым прежде низвергались красивые водопады. У подошвы каждого уступа сила падающей воды выбила в этих породах впадины того или иного размера».

Может быть, все эти факты не замечали раньше именно потому, что они противоречили гипотезе?

Обручеву было ясно, что Узбой — отнюдь не морской пролив, а бывшее русло Пра-Амударьи —

реки Оксус древних географов, которая впадала когда-то в Каспийское море.

Речное происхождение имеют и такыры: «Размывая постепенно почву... Узбой местами промыл себе глубокое ущелье в толще красно-серых глин и сарматских пород, так что во многих местах воды его, даже во время половодья, не выходили из берегов; но местами, где русло было неглубоко... Узбой разливался во время половодья и образовывал временные озера, положившие начало огромным такырам в этих местах».

Характерно, что цепь такыров тянется вдоль подножия Копетдага. Обручев сам «подглядел», как они образуются здесь в наше время»: «Это было весной, мы ехали на окраине песков по такыру. В Копет-даге разразился ливень, и нам тоже досталось. С гор примчался поток воды, и в несколько минут такыр превратился в озеро с грязно-желтой водой глубиной в несколько сантиметров, протянувшееся далеко в обе стороны вдоль окраины песков».

Не было никаких свидетельств, что «море Копишина» когда-то существовало. Вывод мог быть единственным — его сделал Обручев: древние реки — Пра-Амударья, Пра-Теджен, Пра-Мургаб — веками блуждали по этим просторам, откладывая песчаные, глинистые, илистые частицы, которые они несли с гор. Пески — не морские, а речные отложения. Пустыню Каракум породили реки!

В 1887 году опубликована первая научная работа молодого геолога — «Пески и степи Закаспийской области», удостоенная серебряной медали Русского географического общества. За обобщающий труд «Закаспийская низменность» Обручев получил малую золотую медаль.

Летом 1888 года, когда Владимир Афанасьевич завершал отчет о своих работах, его вызвал Мушкетов:

— Только что утверждена штатная должность геолога при Иркутском горном управлении. Первый геолог в Сибири, заметьте! Могу представить вас, если вы согласны.

Что мог знать о Сибири геолог Обручев? То же, что и все, — ничего!

Писали: «Сибирь — золотое дно».

Писали: «Огромный пустырь, негодный для жизни и ценный для государства лишь как место ссылки».

Дикий, необжитой край. Не доведено было до конца даже картирование Сибири, а геологическое обследование еще и не начиналось.

Но уже начинали подумывать о стройке века — Великой Транссибирской железной дороге. Уже две трети русского золота добывалось в Сибири.

Были у Обручева и личные причины для сомнений. В феврале 1887 года он женился, в феврале 1888 года у них родился сын.

Согласится ли жена? Как перенесет нелегкую дорогу шестимесячный Волик? Что ожидает их в Иркутске, наконец?

Впрочем, в своих воспоминаниях Владимир Афанасьевич не упоминает ни о каких сомнениях. Два слова только: «Я согласился»...

1 сентября выехали из Петербурга — по железной дороге через Москву до Нижнего Новгорода (ныне — Горький). Потом на пароходе по Волге и Каме до Перми. Здесь через Урал до Тюмени была уже построена железная дорога. Потом опять на пароходах по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби до Томска.

Здесь пришлось купить тарантас, отсюда начинался знаменитый Сибирский тракт — «самая большая и, кажется, самая безобразная дорога на всем свете», как писал Чехов.

Антон Павлович проехал по Сибирскому тракту всего два года спустя, и, читая его письма «Из Сибири», легко представить себе это «путешествие»:

«На каждой станции мы, грязные, мокрые, сонные, замученные медленной ездой и тряской, валяемся на диваны и возмущаемся: «Какая скверная, какая ужасная дорога!» Один встречный говорит, что он четыре раза опрокинулся, другой жалуется, что у него ось сломалась, третий угрюмо молчит и на вопрос, хороша ли дорога, отвечает: «Очень хороша, черт бы ее взял!..» Утомленному проезжающему, которому осталось еще до Иркутска более тысячи верст, все, что рассказывается на станциях, кажется просто ужасным. Все эти разговоры о том, как какой-то член Географического общества, ехавший с женой, раза два ломал свой эки-

паж и в конце концов вынужден был заночевать в лесу, как какая-то дама от тряски разбила себе голову, как какой-то акцизный просидел 16 часов в грязи и дал мужикам 25 рублей за то, что те его вытащили и довели до станции... — все подобные разговоры отдаются эхом в душе, как крики зловещей птицы».

Может быть, как раз об Обручевых повествует изустное «предание», записанное Чеховым?

Семнадцать дней с утра до позднего вечера тащились они на перекладных. Владимиру Афанасьевичу пришлось и ночевать постоянно в тарантасе, но все-таки большую вещевую корзину, привязанную позади, по дороге украли — срезали прямо на ходу. Велико, наверное, было разочарование «грабителей» — в корзине хранились только пеленки Волика...

Иркутск в то время был центром Восточной Сибири, столицей генерал-губернатора, которому подчинялись Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская волости.

Через Иркутск шла оживленная торговля с Китаем и все снабжение ленских и забайкальских золотых приисков, дававших до 40—50 процентов ежегодной добычи золота в России.

В Восточную Сибирь ссылались ежегодно 8—9 тысяч человек. И если «взрослых» крестьян насчитывалось в Иркутской губернии около 100 тысяч, то ссыльных — около 50 тысяч.

Население «столицы», по сведениям губернского статистического кабинета, составляло на конец 1888 года 47 тысяч 407 душ. Славилась столица церквями («В этом отношении Иркутск может гордиться даже перед Москвою», — писал генерал-губернатор.) Славилась громадными пожертвованиями золотопромышленников и купцов на любые благотворительные цели. («В отношении благотворительных средств Иркутск стоит среди русских городов чуть ли не на первом месте».)

Стоит сказать, что иркутские меценаты, кроме того, вкладывали весьма значительные суммы в освоение Северного морского пути и щедро субсидировали многочисленные географические экспедиции.

Иркутск был и торговым и культурным цент-

ром Восточной Сибири. Здесь было 32 начальных училища, 7 низших учебных заведений и 6 средних, в которых в общей сложности обучалось около 4 тысяч человек. Для города с населением менее 50 тысяч — совсем не мало.

Еще в 1851 году в Иркутске был открыт Сибирский (впоследствии Восточно-Сибирский) отдел Географического общества. В число его членов входили прославленные географы и путешественники: Р. К. Маак, И. А. Лопатин, И. С. Поляков, Г. Н. Потанин, А. В. Потанина, И. Д. Черский, А. Л. Чекановский, Б. И. Дыбовский, В. А. Годлевский, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц и многие другие. Сибирский отдел издавал собственные «Записки», «Известия», здесь была отличная библиотека, музей. Правда, в июне 1879 года опустошительные пожары, уничтожившие чуть ли не половину Иркутска, не пощадили и Географическое общество — сгорели коллекции, книги, многочисленные рукописи, хранившиеся в архиве. Но в 1888 году и библиотека, и музей возродились. Здание музея — оригинальный каменный дом в восточном стиле, выстроенный на Большой улице близ Ангары, — было, можно сказать, культурным центром Иркутска. Здесь регулярно читались доклады, устраивались публичные лекции. Здесь, добавим, установлена ныне мемориальная доска с именем В. А. Обручева...

Обручевы поселились неподалеку, на Троицкой улице.

26 октября Владимир Афанасьевич писал первое письмо матери:

«Наконец-то мы в обетованной земле — в главном городе Восточной Сибири, в Иркутске! (...)

Ты, конечно, освободишь меня от подробного описания сорокатрехдневного путешествия. Дорога в Сибирь описывалась так часто и более опытным пером, чем мое, что о ней едва ли можно сказать что-либо новое. Железная дорога, пароход и гужевой транспорт следовали друг за другом, причем последний частично по совсем невозможным дорогам, коварство которых маленький Волик переносил с устыжающим нас стоицизмом. Следуя мудрому совету, мы сшили ему для этой последней части нашего путешествия мешок из овечьей шку-

ры, куда маленький турист засовывался до самой шеи, после чего продернутый в верхний край мешка шнурок затягивался под подбородком, как в старомодных табачных кисетах, оставляя рукам и ногам крохотного пассажира место для движения. Голова маленького человечка была покрыта капором из белой заячьей шкурки мехом наружу. Забавно было видеть его лежащим между нами в купленном в Томске тарантасе, и мы почти испытывали зависть, что благодаря этому снаряжению он так спокойно переносил толчки и тряску экипажа, которые, казалось, вытряхивали душу из тела, или даже спал так сладко, будто это было плавное колебание его люльки.

По прибытии в Иркутск я представился своему начальнику. Он сообщил мне, что предстоящей зимой моя работа будет заключаться преимущественно в приведении в порядок имеющихся минералогических коллекций, на лето же намечается экспедиция (...).

Итак, в настоящее время я довольно свободный человек и могу использовать свой досуг на то, чтобы познакомиться с краем и людьми, выяснить светлые и темные стороны новой родины и выбрать без спешки местечко для создания своего мирного домашнего очага (...).

Нам посчастливилось найти сносную квартиру за 30 рублей в месяц. Дом находится на тихой улице и состоит из двух комнат, побольше и двух поменьше и кухни в подвале(...). Вооруженные жизнерадостностью и нетребовательностью, снабженные теплыми шубами и большим запасом дров..., мы бодро встречаем приближающуюся сибирскую зиму в нашем вновь основанном жилище. У моей (жены) есть сынишка и хозяйство, требующее изобретательности и возбуждающее ее интерес своими весьма большими отклонениями от европейских форм. У маленького Воли есть папа и мама, соска и погремушка, так же как и дома в Петербурге, и, как подлинный философ, он ни одной минуты не заботится об остальных пяти частях света с их наслаждениями и лишениями. У меня — мои служебные обязанности и научная работа, прежде всего чрезвычайно интересное изучение геологического строения Сибири.

Библиотека Иркутского горного управления довольно жалка, зато библиотека здешнего отдела Русского географического общества богата и обещает мне приятное времяпровождение (...). Таким образом, я использую

длительный зимний плен для усиленной подготовки к летним работам, знакомясь с требованиями этих последних и изучаю теоретически свое будущее поле деятельности с тем, чтобы при наступлении весны с ее солнцем и длинными днями знать хорошо, где я нахожусь, а не брести ощупью в своем деле...

В то время как я взялся за перо, чтоб продолжать это письмо, из соседней комнаты послышался милый голос моей жены. Она зовет меня к столу. Через щели плохо сбитой двери столовой проникает сильный запах стерляжьей ухи — признак, что она подана на стол. Я слышу твоё неодобрительное восклицание: «Стерляжья уха! Какая роскошь для бедного геолога!» Это не такая уж роскошь, как ты думаешь, дорогая мама. Стерлядь стоит здесь у нас (как скоро я акклиматизировался!) лишь четырнадцать копеек фунт. Значит, я могу ее себе иногда позволять. Второй зов более настойчивый и уже менее мелодичный! Маленькая женщина становится нетерпеливой, еда остывает. Разве уже так поздно? Я вытаскиваю часы. Уже десять минут второго. У вас, на далеком западе — в России, как здесь обычно говорят, — сейчас всего лишь восемь часов утра. Солнце показывается на горизонте, а блестящий кофейник — на вашем столе с завтраком. Нас разделяют шесть тысяч верст! Бесконечное пространство для рукопожатия, кошачий прыжок для мысли...»

Работая в библиотеке отдела, Обручев вскоре убедился, что статьи, в которых в той или иной степени затрагиваются геологические вопросы, разбросаны по многочисленным журналам и другим изданиям. Он решил составить подробную критическую библиографию, чтобы облегчить будущим исследователям знакомство с геологией Сибири.

«Прочитывая книги и статьи, взятые в библиотеке отдела, я начал составлять аннотации к ним на отдельных четвертушках бумаги для позднейшей сортировки по содержанию и районам».

Эта работа была закончена... только через семь десятков лет. Вот вам еще один пример поразительной настойчивости и трудолюбия Обручева. Количество статей по геологии Сибири, естественно, постоянно возрастало. «История геологического исследования Сибири» была издана (начиная с 1931 года) в пяти томах, причем пятый состоял из

девяти отдельных выпусков, последний из которых появился уже после смерти Обручева.

Владимир Афанасьевич лично отреферировал всю литературу, изданную до 1917 года, — 4287 рефератов! И внимательно отредактировал 7600 рефератов, написанных его помощниками по литературе советского периода!

...Летом 1889 года начались полевые работы.

Вначале — разведка угольных месторождений по реке Оке. (У подмосковной Оки есть сибирский тезка — приток Ангары.) Потом обследование небольшого месторождения графита на байкальском острове Ольхон. Потом осмотр старых копей слюды и ляпис-лазури в районе южной оконечности Байкала. Кстати сказать, из байкальского лазурита сделаны колонны иконостаса Исаакиевского собора; камень добывали здесь еще в начале XIX века, но потом копи были заброшены. Уже осенью Обручев совершил небольшую поездку в Нилову пустынь для изучения геологического строения района минерального источника в долине Иркута.

Все эти работы, выполнявшиеся по распоряжению Горного управления, не вполне удовлетворяли Обручева. Ему хотелось основательно заняться изучением геологии района. Но можно понять и начальника Горного управления — нужды края требовали в первую очередь разведки полезных ископаемых, необходимых для скорейшего развития горнодобывающей промышленности края.

Два следующих полевых сезона Владимир Афанасьевич провел в Ленском золотоносном районе.

ЛЕНСКИЕ ПРИИСКИ

Осень, зиму и весну 1889—1890 гг. я провел спокойно в Иркутске, занимаясь составлением отчетов о работах, выполненных летом: о разведке угля на Оке (к которому присоединил перечень всех известных в то время в Иркутской губернии месторождений угля), о поездке через Прибайкальские горы на остров Ольхон, экскурсии на копи слюды и ляпис-лазури у южной оконечности Байкала и осмотре Ниловой пустыни(...).

Весной Л. А. Карпинский предложил мне начать летом геологическое исследование Олекминско-Витимского золотоносного района (теперь называемого Ленским. — А. Ш.), который уже в течение нескольких лет занимал первое место в России по годовой добыче россыпного золота. Геологическое строение его (как, впрочем, и других золотоносных районов Сибири) было очень мало известно, и сведения о нем были собраны 25 лет назад горным инженером Таскиным и геологом-географом Кропоткиным. Было интересно проверить эти старые данные, выяснить особенность золотых россыпей, залегающих под большой толщей наносов, вследствие чего в районе применялась добыча песков шахтами, почти неизвестная в других районах Сибири.

Район отстоял далеко от Иркутска, нужно было ехать сначала на лошадях по якутскому тракту, потом плыть на лодке и на пароходе вниз по Лене и на пароходе вверх по Витиму, и работа должна была занять все лето. По пути на прииски, на Лене в устье р. Куты находился казенный солеваренный завод, куда был назначен смотрителем горный инженер А. А. Левицкий. С ним и его женой мы познакомились зимой в Иркутске, и он пригласил мою жену с сыном приехать на лето погостить на заводе. Это меня очень устраивало: по пути на прииски я мог завести семью на завод, а возвращаясь в конце лета, — заехать за ней и увезти назад в Иркутск. Жене также хотелось попутешествовать, вместо того чтобы оставаться одной все лето в городе.

В начале мая мы выехали в своем тарантасе(...) и в первый день доехали до Хогота(...).

Из Хогота мы поехали дальше по Якутскому тракту, миновали с. Качуг на Лене, где начинается судоходство в весеннее половодье и где строили паузки — неуклюжие квадратные баржи из толстого леса, в которых купцы и золотопромышленники сплавляли вниз по реке разные товары и припасы для приисков и для торговли в приречных селениях и городах. Этот весенний сплав по Лене имел большое значение для приисков и для всего населения берегов реки до Якутска и дальше. Товары всякого рода, подвезенные за зиму из-за Урала, чай, поступавшие через Монголию, хлеб прошлого урожая, туши мороженого мяса и пр. — все это сплавлялось на паузках вниз по реке, население и прииски снабжались многим на целый год. Товары для при-

исков шли безостановочно до Витима и там перегружались на баржи; товары для населения плыли на паузках в виде плавучей ярмарки, которая останавливалась на всех станциях и селах для торговли. Эти ярмарки мы видели, плывя по Лене, в разных местах. Слабое в то время пароходство по реке имело для населения меньшее значение, чем весенний сплав в паузках.

Мы проехали еще две станции дальше Качуга до Жигаловой, где начинается постоянный водный тракт в Якутск. Отсюда проезжающим в теплое время года дают на станциях не экипаж с ямщиком и лошадьми, а лодку с гребцами, которые и везут путешественников как вниз по реке, так и вверх. В последнем случае к гребцам присоединяют еще лошадь и мальчика; лошадь тянет лодку с пассажиром и гребцами вверх по течению на бечеве, мальчик едет на ней верхом и управляет ею, гребцы правят лодкой, подгребают в помощь лошади в трудных местах и, сдав пассажиров на следующей станции, плывут на той же лодке домой, а мальчик едет назад верхом по тропе. Только зимой, когда Лена замерзает, почтовая гоньба ведется по ней при помощи саней; весной и осенью во время ледостава и вскрытия проезд труден: приходится ехать верхом, а вещи везти выюком от станции до станции.

Менять на каждой станции не только гребцов, но и лодку и перегружать вещи, конечно, было бы скучно. Поэтому мы в Жигалове купили небольшую лодку — шитик, по местному названию: ее средняя часть имела крышу, представляя небольшую закрытую каюту, а на носу был устроен очаг для разведения огня в виде ящика с песком и стояком для подвешивания котелка и чайника. Мы устроились в каюте, брали на станциях двух гребцов, за которых платили прогоны как за пару лошадей; жена варила чай и обед. Вечером — раньше или позже, в зависимости от расстояния, — останавливались на станции, жена с сыном уходили почевать в дом, а я оставался спать в каюте для охраны вещей. Плыть можно и ночью, меняя гребцов, но мы не торопились; кроме того, я хотел видеть весь путь по Лене при дневном освещении. Возле каких-либо интересных скал мы останавливались для их осмотра. Так мы делали четыре или пять станций за день, на станциях покупали хлеб и другую провизию; погода была уже теплая, и вся поездка, продолжавшаяся до ст. Усть-Кут дней семь, была очень приятная.

Долина Лены ниже села Качуг довольно живописна: на обоих берегах часто видны высокие, метров в 20—30 и выше, стены ярко-красного цвета; они состоят из песчаников, мергелей и глин, залегающих горизонтально. Террасы на берегах заняты редкими селениями, лесом и пашнями, а красные стены поднимаются над ними и также увенчаны лесом. Путешественнику, плывущему в лодке, кажется, что его окружают горы. Но, поднявшись на какую-нибудь из красных стен, он увидит, что его до горизонта со всех сторон окружает равнина, сплошь покрытая тайгой. Это Восточно-Сибирская плоская возвышенность, в которую Лена врезала свою долину; долины притоков Лены также врезаны в эту плоскую возвышенность, и только все эти речные долины нарушают ее равнинный характер.

Усть-кутский солеваренный завод расположен на берегу р. Куты, в километре с небольшим от ее впадения в Лену; нашу лодку затащили вверх по Куте на завод, и жена с сыном остались у смотрителя, а я вернулся в Усть-Кут, откуда в тот же вечер или ночью отходил большой пароход вниз по Лене в Якутск. Большие пароходы и в половодье доходили большей частью только до Усть-Кута, меньшие поднимались дальше до ст. Жигалово (...).

Через два дня пароход причалил у с. Витим, где нужно было пересестъ на пароход Компании промышленности, ходивший по Витиму до пристани Бодайбо, резиденции золотопромышленных компаний всего Олекминско-Витимского района. Витим — большое село на левом берегу Лены, против устья Витима, со времени открытия богатого золота в бассейне Бодайбо играл большую роль в жизни приисков как ближайший к ним жилой пункт. Золотопромышленники были обязаны вывозить уволившихся рабочих на пароходе в Витим, откуда все направлялись дальше по домам уже на свой счет.

Каждую осень по окончании летних работ сюда и приезжали сотни рабочих. Каждый дом этого села представлял кабак и притон, где за деньги или «золотишко», то есть утаенный при работе золотой песок, можно было получить вино, угощение, женщин. Здесь кутивших рабочих кормили, поили в обирали в пьяном виде, особенно ссыльнопоселенцев, составлявших главный контингент приискателей. Многие из них оставляли здесь весь свой заработок и опять нанимались на при-

иски на зимние работы. Крестьяне приленских и других сел, нанимавшиеся на лето на прииски, редко поддавались соблазну и увозили заработанные деньги домой. В Витиме кутили и мелкие золотопромышленники, хорошо закончившие летнюю операцию. Этими доходами существовали почти все крестьяне с. Витим, обстраивали свои дома, заводили мебель и скот и жили безбедно. На пристани на берегу Лены были комнаты для приезжих служащих золотопромышленных компаний, в которых можно было переночевать в ожидании парохода по Лене и вверх по Витиму.

Плавание по этой реке вверх по течению продолжалось два дня, так как пароход тащил за собой большую баржу(...). Среди реки кое-где поднимались острова, также покрытые лесом. Один такой остров, уже недалеко от резиденции Бодайбо, назывался Цинготный. На нем в изобилии росла черемша — растение с сильным запахом и вкусом чеснока. На этот остров в начале лета вывозили с приисков рабочих, больных цингой, которые жили в балаганах из корья, питались одной черемшой, которую сначала ели, передвигаясь ползком за отсутствием сил, и очень быстро поправлялись и вставали на ноги.

Бодайбо представляло большое село на террасе правого берега Витима, выше устья р. Бодайбо. Здесь была пристань, большие амбары, конторы крупных золотопромышленных компаний, мастерские пароходства; здесь жил горный исправник и при нем несколько казаков в качестве полицейских(...).

Я решил, что нужно познакомиться в общих чертах с геологией всего района и с составом золотоносных отложений и осмотреть подземные и открытые работы на приисках и выходы коренных пород на склонах долины, чтобы за одно лето собрать достаточный материал для общей характеристики геологии и условий золотоносности района.

Читателю, не знакомому с горным делом, нужно пояснить, что такое золотоносная россыпь и как из нее добывают золото.

Россыпное золото представляет маленькие кусочки самородного металла в виде чешуек и зернышек в 1—2 мм в диаметре, а в меньшем количестве более крупных, в 5—10 мм и больше, до 2—3 сантиметров, называемых уже самородками, изредка достигающими веса в несколько килограммов, даже до 30—40 кг. Эти че-

шуйки, крупинки, самородки рассеяны в большем или меньшем количестве в рыхлых отложениях: песках, илах, галечниках речных долин. Они попадают в эти отложения при постепенном выветривании и разрушении коренных месторождений золота, размываемых дождевой и речной водой на дне и склонах долин. Чаще всего эти коренные месторождения представляют жилы белого кварца, в которых золото вкраплено зернами, чешуйками, прожилками. Поэтому частицы россыпного золота часто содержат уцелевшие, крепко спаянные с ними зерна кварца.

В речных отложениях главная часть золота обыкновенно сосредоточена в самом нижнем слое, который залегает непосредственно на дне речной долины (...). Коренное дно под наносами называют «почвой» или «плотиком»; наиболее богатый золотом нижний слой рыхлых отложений называют «золотоносный пласт», «золотоносные пески» или, короче, «пески», а лежащие на нем рыхлые отложения, более бедные или пустые, называют «торфа». Пески имеют обычно от 0,5 до 1—2 м толщины, торфа — очень различную толщину: от 1 до 10—20 м и более(...).

Некоторое время добывали нижний богатый золотоносный пласт глубокими открытыми разрезами, вывозя огромную массу торфов в отвалы. Но затем подсчитали, что выгоднее добывать этот пласт подземными работами, углубляя шахты на некотором расстоянии одну от другой и проводя из них основные штреки (галереи) вдоль россыпи от шахты к шахте(...). Недостатком подземной отработки является то, что верхний, золотоносный, пласт(...) не добывается, то есть содержащееся в нем золото остается в наносах на дне долины(...).

Открытый разрез вблизи Успенского прииска подвигался уступами вверх по долине Накатами, речка была отведена в сторону. На верхних уступах рабочие разрыхляли кайлами и ломami торфа и нагружали их лопатами в таратайки, представлявшие собой полуцилиндрические ящики на двух колесах, запряженные одной лошастью; ямщики, большей частью мальчики или подростки, увозили этот материал, преимущественно мелкий или грубый галечник, на отвал. Эта верхняя часть торфов была сухая и рыхлая, и работа подвигалась быстро, таратайки подъезжали одна за другой, наполнялись и уезжали. Отвал располагался недалеко и представлял собой длинную серую насыпь.

Но второй снизу уступ состоял из тяжелой, мерзлой и очень вязкой глины с камнями, которую рабочие называли «месника», потому что она, оттаивая, месилась под ногами, как густое тесто, в ней вязли ноги, кайлы, колеса и копыта, и работа была грязная и тяжелая. Под этой месникой залегали пески, золотиносный пласт(...). Нижняя часть пласта содержала всего больше золота, и ее выбирали особенно тщательно между гребнями песчаника и сланца, составлявшими плотик. Эта работа велась под надзором служащего компании, так как в пласте попадались самородки золота, которое легко было подметить, выхватить пальцами из пласта и спрятать в карман. Рабочий, заметивший такой самородок, должен был поднять его и опустить в особую, запертую на замок кружку-копилку, стоявшую возле служащего на уступе. Это золото называлось «подъемным» и оплачивалось в конторе в доход всей артели, работавшей в разрезе, чтобы предупредить хищение золота.

Добытый пласт также нагружался в таратайки и отвозился на золотопромывательную машину, стоявшую далеко ниже, на дне разреза (...).

Познакомившись с составом торфов, пласта и плотика в этом разрезе, я в следующие дни посещал шахты на Успенском и других отводах этой компании. В шахты спускались по деревянным лестницам, освещая себе путь свечой (рабочие имели керосиновые коптилки). Рядом с лестничным отделом в сквозном пролете двигались на канате вверх и вниз две большие бадьи в виде ящиков из толстых досок, в которых пласт, добытый под землей, поднимался на поверхность — на-гора, как говорят горняки. Шахты имели глубину от 20 до 30 и даже до 40 м (...). В обе стороны вдоль по длине россыпи шел главный штрек, прочно закрепленный сбоку и сверху толстыми бревнами, составлявшими дверные оклады (...). По дну штрека были проложены доски, по которым в тачках выкатывали добытый пласт к шахте для перегрузки его в бадьи (...).

Упомяну, что при изучении приисков я впервые столкнулся с практическим значением так называемой вечной мерзлоты, то есть существованием на некоторой глубине от поверхности земли мерзлой, никогда не оттаивающей почвы, чем она и отличается от мерзлоты сезонной, возникающей ежегодно с наступлением морозов в зимнее время, охватывающей почву с поверхности и

на некоторую глубину в 1—2 м и весной опять исчезающей (...).

На Ленских приисках мощность вечной мерзлоты, то есть толщина слоев земли, скованных отрицательной температурой, достигает 100 м, если не больше. Сама по себе вечная мерзлота даже облегчает добычу золотоносного пласта подземными работами: шахты в мерзлоте стоят прочно, воду отливать при их углублении не нужно, а водоотлив стоит дорого. Хотя золотоносный пласт добывают пожогами или динамитом, то есть с некоторым расходом дров или взрывчатых веществ, но это дешевле водоотлива, необходимого при работе в немерзлой почве, и рабочие работают спокойно в валенках в сухих забоях (...).

При работе открытыми разрезами вечная мерзлота удорожает и замедляет вскрышу: ее нужно оттаивать разведением костров на поверхности мерзлого слоя или оставлять на некоторое время в покое, чтобы она оттаяла теплом воздуха, и потом снимать оттаявший слой и снова оставлять, то есть работать с перерывами (...).

В мае 1891 года я поехал вторично на прииски и попутно при плавании вниз по Лене выполнил задуманное беглое обследование берегов этой реки от Качуга до Витима (...).

Обследование приисков я начал снова с Успенского, где нужно было осмотреть некоторые новые шахты, а также прииски Андреевский и Водянистый, расположенные по Бодайбо ниже устья Накатами (...).

Рядом с Андреевским прииском, в низовьях крутой боковой пади правого склона р. Бодайбо, находился отвод мелкого золотопромышленника, на котором несколько старателей копались в маленьком разрезе. Можно было удивляться владельцу, который платил налоги за этот прииск, едва ли окупавший их. Но окружной инженер Штраус объяснил мне, что такие золотопромышленники, получившие отвод рядом с приисками крупной компании, занимаются скупкой краденого золота у рабочих этой компании, уплачивая за него немного больше, чем платит компания за так называемое «подъемное» золото, упомянутое выше. Мелкий золотопромышленник, конечно, может платить за это золото больше, чем крупный, так как не несет никаких расходов по его добыче. Уличить этих людей трудно: они записывают это золото как добытое на своем отводе, который держат ради этого и для отвода глаз ведут на

нем какие-нибудь работы. Большую часть купленного золота такие дельцы даже не записывали в книгу, а увозили в Иркутск и продавали китайским купцам, которых там было довольно много и которые имели лавки с китайскими товарами: чесучой, леденцом, чаем. В Иркутске на одной из улиц таких китайских лавок был целый ряд, и, заглядывая изредка в них, я всегда удивлялся отсутствию покупателей (...).

Ознакомившись основательно с приисками Ленского товарищества, я нанял у местного подрядчика-якута трех лошадей, получил от конторы в проводники конюха, знавшего дороги по дальней тайге, и направился на восток (...).

В долине р. Балаганнах было два прииска; один из них назывался Золотой бугорок и принадлежал мелко-му золотопромышленнику, который не позволил мне спуститься в шахту под предлогом того, что она ремонтируется. Пришлось осмотреть только небольшой разрез, в котором работали золотничники. Переночевав на прииске, я поехал дальше, в верховьях Балаганнаха поднялся на высокий водораздел, представлявший гольцы, то есть безлесные плоские вершины, и спустился с него в долину речки Бульбухты. И здесь на прииске в бортах старого разреза копались только золотничники.

В конторе владельца я увидел несколько больших бутылей, в которых водка настаивалась на красном перце. Этот мелкий золотопромышленник, очевидно, принадлежал к категории тех, которые существовали главным образом не добычей золота из глубоких россыпей, для чего у них не хватало средств, а торговлей из своей лавки и продажей водки своим золотничникам в обмен на намываемое ими золото. Отдаленность этого прииска от приисков крупных владельцев не позволяла подозревать его в скупке хищенного золота, от которой при случае он, конечно, не отказывался. Подобные золотопромышленники брали отвод, платили подесятинный налог и производили небольшие работы для отвода глаз, чтобы иметь право заводить лавку с товарами и иметь спирт для рабочих; последний они разбавляли водой и подкрепляли красным перцем, в общем, эксплуатировали жестоко золотничников и обманывали государство.

Осмотрев работы в разрезе и обнажения в берегах речки, я опять перевалил через гольцы в другом месте и спустился на север в долину речки Кигелан, впадаю-

щей в Жую, где также работалась россыпь, но шахтами.

Вечером на этот прииск прибыла большая кавалькада: горный инженер Н. И. Штраус и горный исправник Олекминского округа (то есть дальней тайги) Минин с конвоем из десятка казаков, которые на приисках являлись полицией горного надзора. Эти власти совершали свой ежегодный летний объезд приисков для проверки шнуровых книг по записи золота, осмотра горных работ в отношении их соответствия правилам безопасности, ревизии цен на товары в лавках, приема жалоб от рабочих, ведения следствия по уголовным делам и т. п. На этом прииске в начале лета был несчастный случай: один рабочий в шахте угорел насмерть после пожара для оттаивания вечной мерзлоты.

Этот способ разведения костров у забоев в подземных выработках, чтобы оттаять мерзлые пески россыпи для их легкой выемки и промывки, применялся на мелких приисках, вблизи которых было еще достаточно леса для дров; на крупных приисках для добычи мерзлых песков в забоях предпочитали уже взрывать их динамитом. Приехавшие инженер и исправник должны были провести следствие по поводу смерти этого рабочего; они торопились и выполнили это вечером при свете факелов, пригласив меня в качестве понятого. Возле шахты, в которой угорел рабочий, поставили стол, стулья, принесли бумагу, перья, чернила. Мы втроем уселись, и начался допрос рабочих для выяснения условий несчастного случая: когда разожгли пожар в забое, сколько времени ждали после его догорания, спустился ли угоревший по своей воле или по приказу десятника, был ли он трезв, не хворал ли чем-нибудь, не было ли драки или убийства. Труп был сохранен на леднике прииска; его принесли, осмотрели, убедились в отсутствии следов какого-либо насилия. Из показаний рабочих выяснилось, что покойник спустился в шахту слишком рано после пожара, когда угар был еще настолько силен, что он лишился чувств и задохся — его нашли рабочие, пришедшие своевременно, уже мертвым. Вывод следствия был такой, что преступления нет и что покойный сам был виновен. Владельцу и десятнику поставили в вину недостаточный надзор за входом в шахту и после пожара.

Это ночное следствие при свете факелов, освещавших лица рабочих и собравшегося всего населения при-

иска, раскрыло предо мной еще одну страницу из жизни и условий работы у мелких золотопромышленников.

На следующий день мы втроем спустились в шахту и осмотрели забой, у которого еще сохранились обугленные поленья и пепел. Дрова для пожара, очевидно, были сырые и горели медленнее, чем обычно, поэтому угоревший и ошибся в оценке времени. Мелкие золотинки в забое были видны. Подземные работы на этом прииске велись в вечной мерзлоте без водоотлива, работали в валенках. Сырость дров и отсутствие надзора за входом в шахту были поставлены в вину владельцу в заключении следствия, и его обязали, во-первых, уплатить пособие семье угоревшего, если таковая окажется, и, во-вторых, запира́ть спуск в шахту на замок после разжога дров и хранить ключ в конторе.

Горный инженер Штраус, узнав, что я собираюсь посетить остальные прииски дальней тайги, предложил мне присоединиться к их объезду (...).

Наш караван из 25 верховых и выючных лошадей вытянулся длинной лентой, которая вилась то по редкому лесу и кустам на склонах долин, поднимаясь на водоразделы или спускаясь в долины, то двигалась медленно по болотистому дну долин, где выючные лошади местами увязали до брюха, что вызывало остановки; казаки спешивались и помогали увязшей лошади подняться или развьючивали ее, вытаскивали из грязи и опять выючили. В лесу выюки нередко цеплялись за деревья и расстраивались, так что казакам было много работы. На склонах тропа также не везде была удобна для проезда; местами между переплетами корней зияли ямы с грязью, в которые лошадь должна была ступать. Гнус в виде комаров и мошки вился тучами над лошадьми и всадниками, лошади мотали головами, обмахивались хвостами, а люди ехали в черных сетках-комарниках, усиливавших, хотя знойного и влажного летнего дня, или все время обмахивались зелеными ветками. Переезд занял целый день до сумерек, и все были разбиты усталостью, когда добрались до прииска и можно было снять комарники, расправить отекавшие ноги, сбросить лишнюю одежду.

Читатель может спросить: как же по таким тяжелым тропам ездили старики, больные, вообще люди, не могущие держаться в седле? Их возили в волокушах. Это две длинные жерди, представляющие оглобли, в которые впрягают лошадь. Одни концы жердей

укреплены в хомуте, другие тащатся по земле. Ближе к этим концам прикреплено между оглоблями сиденье вроде кресла, в которое садится пассажир, поставив ноги на дощечку, соединяющие оглобли. Пассажир правит лошадью, которая тащит волокушу концами оглобель по тропе; оглобли мешают лошади глубоко вязнуть в болоте. Если пассажир не может править сам, лошадь ведет за собой всадник, едущий впереди (...).

Я хотел посетить еще самую западную группу приисков на р. Кевакте и сделать маршрут с них до Лены и обратно, а окружной инженер и исправник торопились вернуться на главные прииски дальней тайги.

Из долины Тоноды я вскоре поднялся на Патомское нагорье, как называют всю местность по течению рек Таймендры, Тоноды и Хайварки и до верховий Большого Патома (...).

С этого водораздела мы спустились в долину Кевакты, которая по всему верхнему течению была уже выработана мелкими золотопромышленниками, открывшими здесь золото еще в семидесятых годах. Видны были старые разрезы, затопленные и превращенные в пруды, а еще чаще галечные (...) и торфяные отвалы. Несколько приисков еще работалось, и я смог осмотреть разрезы на них. Все россыпи этой долины были неглубокие и сравнительно небогатые, и нынешние владельцы больше пробивались торговлей из своих лавок, чем добычей золота, то есть наиболее жестокой эксплуатацией золотничников-старателей, которым платили только за каждый золотник добытого золота и давали квартиру и инструменты. Один из золотопромышленников, поляк, сосланный в Сибирь за восстание 1863 года, жаловался мне, что он уже 15 лет работает на Кевакте, но все еще не может рассчитаться со своими кредиторами за деньги, полученные от них на обстановку скромного дела. Таково вообще было положение мелких частных золотопромышленников в Сибири. В надежде на «фарт», то есть открытие богатой россыпи, не имея никаких геологических знаний и собственных средств на закупку и доставку инструментов и припасов, на наем рабочих, они брали их взajem у купцов, получали от них в долг товары, продукты, все это за ростовщические проценты и всю жизнь работали, в сущности, на этих кредиторов, если не удавалось случайно открыть богатое золото, которое позволяло сра-

зу уплатить долги и стать независимым, получив оборотные средства (...).

Через Большой Патом мы переправили багаж на лодке, а лошадей вплавь и пошли вверх по долине речки Туюкан, в низовьях которой поднимались последние более высокие горы. Далее высоты резко понизились к Ленской плоской возвышенности, и неглубокие долины речек Пильки и Крестовки пролегали среди плоских гор, сплошь покрытых тайгой, и были сильно заболочены.

Здесь мы имели интересную встречу. Мы ехали лесом по тропе и впереди заметили несколько человек, которые, увидев нас, скрылись в кустах. Мой конюх рассмеялся:

— Это спиртоносы. Они увидели вашу форменную фуражку и светлые пуговицы, подумали, что едет горный исправник с конвоем, и спрятались.

— А чего им бояться его? — спросил я.

— Ну как же! Он бы отобрал у них спирт. Вольная продажа на приисках не дозволена.

Спиртоносы составляли отличительную черту приисковой жизни того времени. На приисках не было кабаков, никакой торговли вином во избежание спаиванья рабочих. Золотопромышленники могли иметь запас спирта пропорционально числу занятых ими рабочих, но не продавали его, а отпускали своим рабочим по крючку (жестяная мерка размером в небольшой стаканчик) ежедневно после работы. На крупных приисках был даже особый служащий, целовальник, отпускавший крючки рабочим по списку через окошечко в складе. На мелких приисках спирт отпускал сам хозяин (вспомним бутылки с красным перцем на речке Бульбукте). Золотничникам отпускали спирт в счет платы за золото. Дополнительными крючками поощряли работы в очень мокрых забоях. Но купить спирт или водку было нигде. Поэтому и возник промысел спиртоносов.

Предприимчивые люди из крестьян, или мещан, или из бывших рабочих, имея некоторые средства, закупали в городах спирт и компаниями, редко в одиночку, переносили его в плоских жестянках на спине и груди по таежным тропам к приискам, где в хорошем укрытии устраивали свой стан и обменивали у рабочих, знавших тропы к стану, спирт на похищенное золото. Казаки горного надзора преследовали их и отнимали спирт и купленное золото (...).

На Тихонозадонском прииске я пробыл еще несколько дней в Ленском товариществе, где горный инженер Грауман уже начал проводить новые порядки, а затем (...) выехал на резиденцию Бодайбо. Еще оставалась неделя летнего времени, и мне захотелось проплыть вниз по Витиму на лодке, чтобы осмотреть выходы коренных пород и связать этим маршрутом наблюдения в приисковом районе с наблюдениями на берегах Лены, выполненными в начале лета. На резиденции я в этот раз познакомился с горным исправником Витимского округа, человеком непомерной толщины и кутилой. Он служил раньше в гвардии или в кавалергардах; прокутился, задолжал и вынужден был занять должность полицейского начальника на Ленских приисках, чтобы поправить свои дела. По приискам он ездил всегда в тарантасе, так как ни одна верховая лошадь не выдерживала его тяжести. Рассказывали, что спиртоносы использовали это обстоятельство. Они положили бочку спирта в тарантас, закрыли ее офицерским пальто, один из них нарядился ямщиком и повез бочку на Успенский прииск. Когда горная стража остановила тарантас на перевале, ямщик объявил, что везет горного исправника, который спит и не велел себя будить до Успенского прииска. Казаки заглянули в тарантас, увидели офицерское полотно на огромном пузе и пропустили спирт.

Чтобы объяснить причины принятия гвардейским офицером полицейской должности на далеких приисках, нужно сказать, что в это время окружной горный инженер и горный исправник на золотых приисках не могли бы существовать на государственное жалованье ввиду дороговизны жизни на местах, где все было привозное. Поэтому они получали регулярно крупную сумму от золотопромышленников, которая раскладывалась по приискам данного округа в зависимости от числа занятых рабочих, и, кроме того, получали бесплатно квартиру и отопление. Естественно, что горный надзор смотрел сквозь пальцы на некоторые нарушения правил безопасности на горных работах, на снабжение и жилищные условия рабочих, на соблюдение такс на товары и припасы в приисковых лавках, на качество товаров, на продолжительность рабочего дня. Мелкие золотопромышленники больше считались с правилами горного надзора, чем крупные: они платили немного в счет субсидии, и к ним относились строже (...).

Изучение геологии Ленского района и его золотых приисков, выполненное летом в 1890 и 1891 годах, дало мне достаточно материала, чтобы составить общий геологический очерк этой местности и выяснить основные особенности золотоносных россыпей...»

Еще в середине шестидесятых годов прошлого века географ и геолог П. А. Кропоткин обратил внимание на явные следы прежнего оледенения Олекминско-Витимского района — характерная ледниковая штриховка на скалах, многочисленные эрратические (принесенные издалека) гранитные валуны. Когда поблизости нет выходов гранитов, совершенно ясно, что «доставить» валуны мог только отступающий ледник. Кропоткин считал даже, что оледенение Олекминско-Витимского района было двукратным.

Однако против выводов Кропоткина резко возражал известный исследователь Сибири И. Д. Черский. А не менее известный климатолог А. И. Воейков категорически утверждал, что в сухом сибирском климате образование ледников просто невозможно.

Факты убедили Владимира Афанасьевича со всей несомненностью — Кропоткин прав. Правда, оледенение, по мнению Обручева, было не сплошным, а «пятнистым». И это, как выяснилось, во многом определяло расположение участков золотоносных россыпей Олекминско-Витимского района.

Когда-то, еще в доледниковое время, считал Обручев, древнейшие осадочные породы, залегавшие здесь, были местами прорваны изливавшимися гранитами. Газы, которые выделялись из остывающих гранитов, пропитывали вышележащие осадочные породы, образуя одновременно и самородное золото, и кубические кристаллики серного колчедана — пирита.

Анализам нельзя было не верить — золото таилось в кубиках пирита!

С течением времени дожди, реки, грунтовые воды разрушали кубики, растворяли содержащееся в них золото, а затем вновь отлагали его на речных террасах.

В ледниковую эпоху долины рек были заполнены ледниковыми отложениями, которые предохранили глубокие россыпи от размыва. На какое-

то время ледники отступили, об этом свидетельствовала прослойка межледниковых отложений, затем вновь вернулись и вновь отступили. Реки зачастую вынуждены были менять свои русла, так как ледниковые и межледниковые отложения нередко «закупоривали» их долины.

Из этой вот схемы геологического прошлого района следовали простые практические рекомендации.

Во-первых, золото надо искать там, где коренные породы богаты кубиками пирита.

Во-вторых, глубокие россыпи могли сохраниться только там, где было оледенение; следовательно, контуры россыпей должны совпадать с границами «пятен» оледенения.

В-третьих, бесполезна разведка молодых долин рек; напротив, богатые россыпи можно обнаружить на древних речных террасах.

Конечно, эти рекомендации вызывали на первых порах недоверие, если не сказать, недоумение. Обручев вспоминает, как он посоветовал владельцу одного из приисков провести разведку россыпи на древней террасе в отдалении от современного русла:

«Я написал управляющему, но последний ничего не ответил, не пригласил меня для разговора, а, вероятно, посмеялся над молодым геологом, который осмелился указать ему, где можно найти россыпь, выгодную для работы, не производя разведок. Лет 12 спустя, когда этот прииск перешел уже во владение Ленского товарищества, на террасе левого склона действительно была открыта богатая россыпь — вдоль ручья Б. Чанчик, которая работалась ряд лет».

Рассказывают, что в начале века, стоило только Обручеву посетить какой-нибудь золотоносный район Сибири, акции компаний, ведущих там добычу, сразу же поднимались.

Четверть века спустя, изучая месторождение в долине реки Или, Владимир Афанасьевич высказывает еще более «крамольную» мысль. По его мнению, самородное золото в этом районе порождено извержением древнего вулкана! Тогда это казалось фантастикой, если не геологической неграмотностью. Сегодня рудные залежи вулканического происхождения общепризнанны!

...Еще множество работ посвятит Владимир Афанасьевич геологии месторождений золота, рудных месторождений вообще.

В 1942 году в третьем номере «Известий АН СССР. Серия геологическая» будут опубликованы сразу две его статьи: «Вероятные запасы золота в россыпях СССР» и «Запасы золота в отвалах приисков и возможность их извлечения».

Первую из них можно назвать программной. Обручев доказывал, что множество россыпей еще не учтено — и не только в малоисследованных, но и в обжитых уже районах.

Надо обратить особое внимание на террасовые россыпи. Если золото найдено на дне современных долин, то оно должно быть и в террасах.

Надо обследовать древние террасы, сохранившиеся зачастую на некоторой высоте над дном современных долин.

Надо заняться изучением россыпей погребенных долин, которые могут быть перекрыты более поздними отложениями...

Не стоит и говорить, как тогда, в грозном 42-м году, нуждалась наша страна в золоте. Не в перспективе — немедленно! И во второй своей статье Обручев предлагает конкретный путь увеличения его добычи.

Дело в том, что при промывке золотых россыпей образуются отвалы — горы пустой породы. Пустой?

«Можно утверждать с полным основанием, что ни одна из россыпей, которые считаются выработанными, в действительности не является совершенно пустой — в каждой сохранилось в отвалах известное количество золота».

Более того, золотоносные сульфиды или кварц со временем разрушаются, и старые отвалы постепенно обогащаются золотом.

«Целый ряд опытов, выполненных в разное время и на разных приисках Союза, выяснил с полной убедительностью, что в отходах промывки золотоносных россыпей содержится золото в количестве, часто в несколько раз превышающем количество, добываемое при промывке... Ни одну россыпь поэтому нельзя считать окончательно выработанной... Необходимо принять срочные меры для выяснения,

какие прииски заслуживают в первую очередь устройства фабрик для получения золота, сохранившегося в их отвалах... а затем приступить к постройке этих фабрик, чтобы увеличить золотодобычу Союза...»

Многие годы будет осуществляться долгосрочная программа поиска россыпей, составленная Обручевым. А конкретное его предложение позволило уже в годы войны существенно увеличить добычу золота в нашей стране.

И не случайно через месяц после Дня Победы — 10 июня 1945 года — Владимир Афанасьевич Обручев был удостоен звания Героя Социалистического Труда...

В апреле 1892 года, когда Обручев, завершив отчет по Олекминско-Витимскому округу, готовился к экспедиции по Саянам и в Урянхайский край (так тогда называли Туву), неожиданно, ночью, принесли телеграмму:

— Распишитесь, срочная! От великого князя!

Обручев развернул листок: «Научная экспедиция в Китай и Южный Тибет наконец снаряжена... Географическое общество желает единогласно, чтобы вы сопровождали экспедицию в качестве геолога. В случае вашего согласия немедленно телеграфирую генерал-губернатору».

Нужно, пожалуй, пояснить, что великий князь считался по традиции почетным председателем Русского географического общества. Предложение исходило, конечно, от Ивана Васильевича Мушкетова, от Григория Николаевича Потанина, с которым Владимир Афанасьевич познакомился в Иркутске. Оба они знали о давней мечте Обручева.

Экспедиция в Центральную Азию...

«Моя жена, заглядывающая в телеграмму через мое плечо, испускает тихий крик ужаса... Два года разлуки, говорит она, долгий срок, целая вечность»...

Были, конечно, слезы, но сомнений не было: «Отказаться от участия в этой экспедиции — значило бы похоронить мечты надолго, если не навсегда».

Все лето Обручев занимался подготовкой походного снаряжения, штудировал труды Рихтгофена, Пржевальского, Потанина.

В конце августа уехала в Петербург жена — у

родных ей будет легче эти годы. До Томска она отправлялась с караваном Горного управления — на ящике с золотом, в самом прямом смысле слова. Четырежды в год такие караваны увозили из Иркутска добытое на приисках золото: 12—15 повозок типа кибитки с рогожным верхом, в каждой прикован на дне ящик с золотыми слитками на 15—20 пудов. Караван сопровождали всего три охранника, и «для большей безопасности от разбойников» в кибитки охотно подсаживали благонадежных пассажиров. Трудно сказать, увеличила ли безопасность каравана женщина с двумя детьми, старшему из которых — Владимиру — было четыре с половиной года, а младшему — Сергею — полтора. Но для нее ехать с караваном было все же спокойнее, чем на перекладных...

Через неделю после отъезда жены покидал Иркутск и Владимир Афанасьевич. На пароходе через Байкал, потом по купческому тракту до Кяхты, где его гостеприимно приняли в доме Лушниковых. Здесь останавливались в свое время и Пржевальский и Потанин, и Ядринцев, и Клеменц. Обручеву помогли заказать легкие выючные ящики, сшили палатку монгольского типа — на байковой подкладке для тепла. В качестве переводчика и рабочего был нанят казак Цоктоев.

Из Кяхты маленький караван Обручева через Ургу (ныне Улан-Батор), через пустыню Гоби, через Калган (Чжанцзякоу) прошел до Пекина.

В русском посольстве Владимира Афанасьевича уже дожидался Григорий Николаевич Потанин с планом работ, с добрыми советами.

Потанин и его помощники двигались на юг, в провинцию Сычуань, где должны были провести этнографические работы. Обручев с Цоктоевым составляли самостоятельный отряд, их путь лежал на запад — в горную страну Наньшань.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЛЁССА

(...) Я высхал из Пекина 3 января после обеда.

Первые 10 дней мы ехали по Великой китайской равнине, представляющей мало живописного, в особенности зимой при отсутствии зелени. Почва равнины состоит из лёсса, и все здесь серо-желтое — дорога, пыль, взды-

маемая колесами и копытами, поля, еще не засеянные, стены домов в селениях и городах. Весной, когда все зелено, картина, конечно, другая (...).

Эта равнина не представляла интереса для геолога, и я торопился проехать поскорее первые 600 ли (около 300 км) до городка Хуо-лу (...).

От Хуо-лу большая дорога в Тай-юань-фу повернула на запад, в горы провинции Шань-си. В сущности, это высокое плоскогорье, которое обрывается уступами на восток к Великой равнине; эти уступы расчленены разрывом на горные гряды и группы (...).

Местность также густо населена, и почва везде возделана, где возможно; холмы и склоны покрыты лессом, и дорога часто представляет собой глубокую траншею или дефиле, врезанное в лесс, не вырытое человеком, а постепенно выбитое колесами и копытами в этой мягкой почве, которая рассыпается в пыль, уносимую ветром. Так в течение веков мало-помалу углубляется дорога, иногда на 10—20 м, и идет между двумя желтыми отвесными стенами. В этих дефиле две повозки не могут разъехаться; если дефиле длинное, то кое-где оно искусственно расширено, и здесь нужно ждать проезда встречной повозки, о чем возчики извещают громким криком. В коротких дефиле также предупреждают криком о въезде, чтобы встречные подождали (...).

Лесс, желтозем, по-китайски «хуан-ту» (желтая земля) — это смесь мелких песчинок и частиц глины и извести, то есть по составу это известковый суглинок; цвет его серо-желтый или буро-желтый; он очень мягкий, его легко можно резать ножом и давить между пальцами. Но вместе с тем он вязкий и хорошо держится в обрывах, даже в 5—10—20 м высоты. Лесс пронизан мелкими порами и вертикальными пустотами в виде тоненьких трубочек, оставшихся после истлевших растительных корешков; поэтому лесс хорошо фильтрует воду, а кусок лесса, брошенный в воду, долго выделяет пузырьками воздух, содержащийся в пустотах. Благодаря своему составу, содержанию извести и других солей и пористости лесс очень плодороден. В Северном Китае лесс покрывает толщей в 10—20 и даже 100—200 м склоны гор, плоскогорья и равнины; это остатки прежнего, еще более мощного лессового покрова, в который текучая вода дождей, ручьев и рек врезала уже многочисленные лога, овраги и долины и расчленила его на отдельные более или менее крупные части. Лесс —

господствующая почва Северного Китая; им покрыты горы, поля и дороги, из него в смеси с водой лепят ограды полей, стены зданий и делают кирпичи, черепицу, горшки; в толще лесса вырывают подземные жилища. Лесс играет огромную роль в жизни китайца; поэтому желтый цвет — священный и национальный цвет Китая (...).

Уже среди уступов плоскогорья, где толща лесса достигает местами 20—30 м, появились подземные жилища, составляющие характерную особенность страны лесса. В обрыве этой мягкой породы выкапывают вглубь галерею шириной в 4—5 м, длиной в 8—10 м и вышиной в 3—4 м; лесс прекрасно держится и в своде, и в стенах без подпорок. Спереди галерею закрывают стеной из кирпича-сырца или обожженного, сделанного из того же лесса; в стене — дверь и рядом окно. Внутри под окном устраивают кан*, который топится снаружи, и жилье готово; в нем летом прохладнее, чем в доме, а зимой теплее, потому что толща лесса защищает и от прогрева, и от охлаждения. Рядом выкапывают вторую галерею для домашних животных с отдельным выходом или же дверью в жилую галерею. Перед дверью устраивают ровную площадку, на которой складывают навоз, молотят хлеб, выполняют домашние работы; тут же бродят куры, свиньи. Целый ряд таких пещер друг возле друга составляют поселок, а если лесс опускается крупными ступенями по склону, то на каждой ступени располагаются пещеры, и дворики перед ними находятся над галереями соседнего вниз яруса.

В таких подземных селениях бывают и постоянные дворы, и позднее, путешествуя, мне приходилось ночевать в лессовой пещере: тут же, в соседней пещере, помещались и наши животные.

Пещеры служат десятилетиями без ремонта: если свод начинает сдавать и из него вываливаются глыбы, пещеру бросают. Единственный недостаток этих жилищ — при сильных землетрясениях они нередко разрушаются и засыпают своих жильцов...

Уступы плоскогорья, расчлененные на горы, занимают большую половину расстояния между Хуо-лу и Тайюань-фу, и мы только через три дня после заставы поднялись на высшую часть плоскогорья, достигающую

* Кан — низкая глинобитная лежанка, покрытая циновками, на которой и спят и едят. Кан одновременно и печка и зачастую единственная мебель.

1100 м. Здесь местность приобрела более плоский рельеф и почти сплошь покрыта толщей лесса, в которую местами врезаны глубокие овраги. Эта толща везде по склонам разбита на уступы, занятые пашнями. Естественное свойство лесса образовывать на склонах террасы-уступы используется и усиливается человеком, так как ровная поверхность ступеней гораздо удобнее для распахивания, чем косогор, а дождевая вода задерживается и впитывается в почву, тогда как на косогорах она стекала бы быстро вниз; террасы отделены друг от друга отвесными обрывами в 1—3 м и, кроме того, ограждены небольшим валиком. Этот остроумный способ китайских земледельцев возможен потому, что лесс почти во всей толще имеет один и тот же состав плодородной почвы, тогда как у нас при террасировании косогоров пришлось бы часто удалять растительную почву и вскрывать подпочву или даже твердые породы.

На высшей части плоскогорья деревьев было уже мало, они попадались только рощицами на кладбищах и у кумирен, и порознь на пашнях, так что вид был открытый; на севере и на юге поднимались еще метров на 100—200 плоские вершины; на востоке гряды и группы гор расчлененных уступов тянулись до горизонта, а на западе врезывались ветви глубокой долины и бесчисленные овраги среди террас лесса. По этой долине мы спустились два дня, причем дорога часто пролежала в глубоких дефиле лесса (...).

На одном из ночлегов на этом спуске наши извозчики меняли оси у телег. Как это ни странно, но на дорогах в следующей к западу части провинции Шань-си колеи были шире, чем на дорогах, пройденных нами из Пекина; поэтому нужно было раздвигать колеса телег, так как иначе одно колесо ехало бы по выбитой колее дороги, а другое — вне ее, и животным было бы труднее тащить телегу. Это раздвигание колес достигалось переменной осей у телег, и на постоялом дворе мы видели целую коллекцию осей с надписями имен их владельцев. На обратном пути каждый возчик находил свою ось и снова производил смену, которая избавляла от смены экипажей (...).

Из Тай-юань-фу мы выехали вычным караваном; багаж(...) повезли мулы, я ехал верхом на муле, посредник и Цоктоев — на ослах, а два погонщика при вьюках шли пешком (...).

Благодаря моему китайскому костюму уличная тол-

па не обращала на меня большого внимания, принимая меня за миссионера, к виду которого китайцы привыкли. Изредка только приходилось слышать произнесенный громко или вполголоса эпитет ян-гуйцзе, то есть заморский черт, как называют европейцев, даже не желая их обругать, а по привычке вместо ян-жен, то есть заморский человек, иностранец. На постоянных дворах любопытные иногда заходили в отведенную мне комнату, наблюдали, как я пью чай, как и чем пишу, но вели себя неназойливо; их особенно удивляло, зачем я собираю камни. О геологии они, конечно, не имели понятия, а при незнании языка объяснять значение ее было невозможно. Поэтому я говорил, что в нашей стране таких сортов камня нет и я собираю их, чтобы посеять дома. Это было им понятно и даже льстило их патриотизму.

Если любопытных набиралось слишком много, Цоктоев их выпроваживал. При наличии в комнате окна, конечно, заклеенного бумагой, в последней скоро оказывалось много дырочек, незаметно проделываемых языком, и через каждую смотрел чей-нибудь глаз(...).

В последний день этого пути дорога ушла из долины речки, превращавшейся в непроходимое ущелье, и сделала крутой перевал через горы, покрытые толщей лесса, в долину Желтой реки(...). Эта могучая река течет здесь почти в ущелье, врезанном в твердые песчаники и сланцы, покрытые лессом. Ввиду быстрого течения она поздно замерзает, и нам предстояла переправа; по реке плыло уже много льда. Переправляют в плоскодонных больших лодках очень грубой работы, напоминающих короткое и широкое корыто с тупым носом и такой же кормой; они сколочены из толстых досок, кривые весла привязаны веревками к бортам, руля нет. Мой караван разместился в двух лодках, и перевозчики перевезли нас очень быстро. Правда, что ширина реки здесь всего около 100 м и была еще сужена большими заберегами льда.

За рекой мы попали в очень глухую часть провинции Шень-си, представлявшую плато, покрытое большой толщей лесса и глубоко расчлененное долинами притоков Желтой реки(...).

На перевалах между Желтой рекой и г. Суй-де-чжоу пришлось видеть, как ветер приносит лессовую пыль из пустыни. На северо-западном горизонте появилась серая дымка, и через полчаса она надвинулась на нас и оку-

тала все окрестности при полном безветрии. Она была так густа, что недалекие вершины были еле видны, а более далекие совсем скрылись; солнце потускнело и стало чуть красноватым, а небо — серо-голубым в зените и серым на горизонте. Вскоре с северо-запада начался ветер, который сначала дул порывами, затем все сильнее и сильнее и бушевал всю ночь до рассвета. Таким образом туча тонкой пыли двигалась впереди ветра, который, очевидно, нес ее из больших песков Ордо-са. Такое же движение пыли впереди ветра я наблюдал еще не раз в Китае и затем в Джунгарии, и оно показывает, каким способом мелкая пыль выносятся из пустынь в окружающие степи, где оседает и наращивает толщу лесса, представляющую накопление подобной же пыли пустыни за минувшие многие тысячелетия.

Толща лесса слагает в этой части провинции Шань-си верхние $\frac{3}{4}$ — $\frac{4}{5}$ склонов долин и достигает от 80 до 100 м мощности (...).

В Су-чжоу я остановился за городом в доме бельгийца на китайской службе Сплингерда, чтобы организовать поездку в глубь Нань-шаня (...).

Родом бельгиец и по профессии каменщик, он попал в Китай в шестидесятых годах вместе с первыми бельгийскими миссионерами в качестве слуги; затем перешел в прусское посольство в Пекине, выучился говорить по-китайски и сопровождал в качестве переводчика немецкого исследователя Рихтгофена во всех его путешествиях по Китаю. Это дало ему большое знакомство с разными частями государства, а в сношениях с китайскими властями и с населением он обнаружил свои дипломатические способности.

Рихтгофен был очень доволен им и рекомендовал его европейским торговым домам, в качестве агента которых он несколько лет скупал шерсть и кожи в Монголии, продавал хлопчатобумажные товары и приобрел репутацию честного и одаренного человека. Ли-хун-чжан, генерал-губернатор провинции Чжили и крупный сановник при дворе богдыхана, которого называли китайским Бисмарком, обратил внимание на Сплингерда и помог ему получить должность таможенного чиновника в г. Су-чжоу, где ему поручался также разбор тяжб между китайцами, монголами и тюрками. Таким образом бельгийский каменщик сделался китайским мандарином, заведовал также городской оспопрививочной станцией и считался городским хирургом, так как у миссионеров

научился более простым операциям. Он женился на китаянке, воспитаннице миссионеров, и имел с ней трех сыновей и семь дочерей. Среди китайского населения он имел прекрасную репутацию справедливого и бескорыстного чиновника (...).

Сплингерд однажды захотел угостить меня настоящим китайским обедом. Конечно, отдаленность Су-чжоу от моря не позволила подать полный ассортимент блюд, характеризующих китайский парадный стол; акульки, плавники, трепанги и креветки отсутствовали, но остальное было соблюдено. В приемной хозяина мы уселись в кресла за квадратный стол, и слуги из ресторана, поставившего обед, начали подавать кушанья. Сначала подали чай. Китайцы пьют его из чашек без ручки вроде небольших полоскательных с крышкой, имеющей сбоку вырезку, так что можно пить, не снимая крышку; чай пьют без сахара, слабый и душистый. Пока мы пили небольшими глотками, на стол поставили десятка два блюдец с разными закусками: разнообразные пикули, ломтики редьки, ветчины, утиные лапки (собственно плавательные перепонки), кусочки мяса с уксусом и красным перцем, бобовая мазь и соленые яйца — все это было нарезано маленькими кусочками, чтобы можно было захватывать палочками, которые китайцы употребляют вместо вилок. Наиболее странные для европейца были: бобовая мазь из сои, коричневого цвета, кисло-соленого вкуса, напоминающего старый сыр; соленые яйца, у которых желток был бурого цвета, а белок — синего, чуть просвечивающий. Их варят в соленой воде, обмазывают известью и закапывают на два года в землю; они слегка пахнут аммиаком и не представляют ничего привлекательного, но китайцам нравятся. Обедающие брали своими палочками любые закуски из общих блюдец. Хлеб в виде вареных на пару булочек, нарезанных тонкими ломтиками, был также подан.

Затем закуски убрали и подали каждому в тех же чайных чашках, но без крышек, суп из ласточкиных гнезд — обязательное кушанье на парадном обеде. Эти гнезда морские ласточки вьют, как говорят, из водорослей, на труднодоступных береговых скалах; они ценятся на вес серебра; суп представлял почти бесцветную солоноватую жидкость, в которой плавают несколько волокон, по виду и вкусу похожих на визигу. Китайцы уверяют, что этот суп полезен для сохранения силы мо-

лодости. К супу подали небольшие фарфоровые ложки вроде совочков.

После этого супа по этикету следовало подать второй суп с акульими плавниками и трепангами, но хозяин извинился: в Су-чжоу их достать не удалось.

Затем подали жареного поросенка: на блюдечке, поставленном перед каждым из гостей, мясо было нарезано мелкими кусочками и все покрыто румяной, хрустящей кожей. В качестве приправы были кусочки каких-то черных грибов, древесных, как пояснил мне учитель.

Третье блюдо состояло из стружек соленой морской рыбы, а в виде приправы — вареные молодые ростки бамбука, на вкус напоминавшие спаржу.

Четвертое блюдо представляло поджаренные в масле ломтики свежих огурцов и вареную редиску. Последняя в вареном виде, облитая сухарями, поджаренными в масле, в большом ходу у китайцев и на вкус похожа на цветную капусту.

Далее следовала сильно разваренная курица с приправой из зеленых листьев китайской капусты, которая не завивает круглые кочаны, как наша, а растет длинным столбиком из толстых листьев.

Седьмое блюдо состояло из жареных пирожков с различной начинкой — из ягод джигды, сушеных абрикосов, арбузных очищенных косточек, грецких орехов.

Во время обеда пили китайскую водку, выгоняемую из проса; она плохо очищена, пахнет сивухой, но очень крепкая. Ее наливают горячей из маленьких чайников, стоящих на огне, в крошечные чашки, вмещающие один глоток.

Десерт состоял из китайского печенья — мелких пирожных или конфет разного фасона, но почти одного вкуса, так как в их состав входит плохо очищенный сахарный песок, приготовляемый из сахарного тростника. К десерту подали рисовое вино — желтое, слегка мутное, но вкусное питье.

Последним блюдом по обычаю был отварной рис: каждому гостю по целой чашке; его также нужно было есть палочками. Но в этом случае чашку подносят к губам и палочками только подталкивают крупинки риса в рот.

В Кяхте мне говорили, что последним блюдом китайского обеда являются остатки всех предшествующих блюд, которые сваливаются в сосуд, похожий на наш самовар, но без крана, разогреваются и в этом же сосуде

подаются на стол. Сплингерд пояснил, что в глубине Китая такое блюдо мало кому известно, тогда как вареный рис для дополнения всего остального обязателен.

Особенностью китайского обеда является также то, что время от времени гостям подают салфетку или просто тряпку, смоченную в горячей воде; ею обтирают лицо, что действительно освежает человека.

Закончив обед, мы закурили. Мандарин и учитель курили китайские водяные трубки вроде восточного кальяна, но с маленьким резервуаром, который держат в руке, и с порцией табака на 2—3 затяжки. Табак для них готовится особым образом; он красно-коричневого цвета и смешан с какой-то солью, поддерживающей слегка влажное состояние в сухом климате. Я курил голландскую трубку и табак из Манчжурии, подаренные мне миссионерами в Сяо-чао.

Мне показали также игру, которой китайцы развлекаются во время обеда. Она состоит в том, что двое играющих одновременно показывают известное число пальцев на поднятой руке или обеих руках и одновременно произносят фразу, в состав которой входит это число, в виде какого-нибудь любезного пожелания, например:

— Четыре времени года богатеть (желаю)!

— Семь здоровых сыновей иметь!

— Пять добродетелей украшать (вас)!

Эти фразы выкрикиваются во всю глотку одновременно, причем оба смотрят друг другу на руки, и тот, кто раньше произнесет фразу, заключающую число, равное сумме показанных обоими, пальцев, считается выигравшим, а проигравший должен выпить чашечку вина. При этой игре входят в такой азарт и так кричат, что со стороны можно подумать, что идет ожесточенный спор, который кончится дракой.

После обеда любезный хозяин устроил нам другое развлечение, показав бой сверчков — очень распространенную в Китае забаву. Он пригласил двух обладателей сверчков из своих знакомых купцов. На стол поставили большую чашку с ровным дном и отвесными боками, которая и представляла арену боя. В эту чашку выпустили сначала одного сверчка, потом другого. Сверчки одного пола относятся враждебно друг к другу и, заметив врага, немедленно вступают в бой; схватывая друг друга челюстями, они дерутся до тех пор, пока один не обратится в бегство или не будет выброшен из чашки. Вла-

дельцы сверчков и зрители держат пари и, говорят, проигрывают целые состояния. Сверчков ловят особыми приборами и содержат в чашке с крышкой, в которой имеется глиняный домик — жилище, одно блюдечко для риса и другое для воды. Руками их не трогают, а ловят в трещинах и щелях домов и пересаживают колпачком из проволочной сетки в чашку. Цена сверчка не менее рубля, а хороших бойцов значительно дороже.

Сравнительно с кровавыми боями быков и петухов, которыми развлекаются в Европе, бои сверчков, конечно, представляет невинную забаву и соответствуют миролюбивым наклонностям китайцев (...).

К концу мая благодаря существенной помощи Сплингерда мой караван для путешествия в глубь горной системы Наньшаня был организован: куплены верблюды для багажа, докуплены лошади, заготовлены сухари и дзамба, и найден проводник(...).

Я знал по опыту, что геологу работать, сидя на верблюде, трудно; чтобы слезть, нужно уложить верблюда на брюхо и повторить ту же операцию, чтобы влезть на него; все это требует времени и задерживает работу. Кроме того, ехать на верблюде утомительно, тем более догонять караван рысью; не всякий верблюд любит бежать и всякий очень трясет. На верблюда не надевают узды; его ведут на поводке, привязанном к палочке, пропущенной через прокол в носовой перегородке. Нужно уметь управлять верблюдом посредством этого поводка. Кроме того, верблюд неохотно отстаёт от каравана, а при посадке иной плюет жвачкой и ревет. Верблюды, хорошо обученные для верховой езды, смиренные, быстрые и непугливые, попадают не так часто.

Как вьючное животное верблюд имеет много достоинств. Он гораздо сильнее лошади и несет от 8 до 12, самый сильный до 15 пудов (то есть 128—190 и до 240 кг). Он довольствуется таким подножным кормом, который растёт почти в каждой пустыне, но который лошадь не станет есть, в виде полыни, колючки, хармыка и других кустарников. Он может обойтись 3—4 дня без водопоя, пьёт даже солоноватую воду. Его широкие лапы меньше вязнут в сыпучих песках, чем копыта лошадей. Он хорошо переносит и сильную жару, и морозы. Его легче вьючить, чем лошадь, так как он ложится при навьючивании на землю. Он идёт спокойным размеренным шагом со скоростью 4 км в час.

Конечно, верблюд имеет и недостатки. Он не любит

сырости, дождя; это типичное животное сухого континентального климата начинает болеть при продолжительной дождливой погоде, например, в горах. В начале лета он линяет, теряет всю шерсть, и его голую кожу легко поранить при неумелой выючке. В это время он также слабеет, и поэтому первые 2 месяца лета, пока не подрастет шерсть, верблюдам дают отдых.

На каменных осыпях в горах, на щебневой почве пустынь верблюд протирает подошвы до крови, и ему приходится пришивать к ним заплатки или делать башмаки. На голом льду и на грязи верблюд скользит. Через глубокий брод, когда вода доходит до брюха, он идет очень неохотно. Верблюд пуглив; заяц, выскочивший внезапно из-под куста, может вызвать переполох и расстройство целого каравана; порвав поводки, верблюды разбегутся в разные стороны, роняя на бегу выюки. Иной верблюд упрям и неохотно ложится под выючку, ревет и оплевывает людей жвачкой. Ускорить ход верблюжьего каравана невозможно, скорым шагом верблюд не идет, а на рыси трясет, расстраивает выюки и набивает спину.

Но сравнительно с его достоинствами эти недостатки не так велики, и для пустынь и степей Монголии верблюд(...) является лучшим выючным животным(...).

Я предполагал пройти из Су-чжоу прямо на юг к верховьям р. Бухаин-гол, пересекая все цепи Нань-шаня, затем объехать оз. Куку-нор и на обратном пути сделать второе пересечение цепей на пути из г. Синина в Гань-чжоу. Такой маршрут давал возможность изучить наиболее высокую и неизвестную среднюю часть Нань-шаня(...).

У озера Курлык-нор был расположен один из административных центров Цайдама — ставка монгольского князя Курлык-бейсе, которого посещал и Пржевальский для получения проводников и покупки животных и провианта. Я также возлагал на князя большие надежды: нужно было(...) найти проводников на Бухаин-гол или хотя бы до оз. Куку-нор и купить масла и дзамбы (поджаренной ячменной муки), заменяющей монголам хлеб. Цоктоев поехал к юртам монголов и узнал, что ставка князя расположена на восточном берегу озера, но сам князь находится еще дальше на восток(...).

На следующее утро к нам приехали два монгола в парадных китайских шляпах с красными кистями и заявили, что они посланы князем встретить «русского чи-

новника» и провести его в ставку вокруг озера, в прибрежных болотах которого эти посланцы сами чуть не увязли ночью, судя по черной грязи, покрывшей ноги и грудь их лошадей и забрызгавшей их одежду. Это обстоятельство едва ли доказывало знание дороги этими посланцами, присланными проводить нас, но можно было надеяться, что они по крайней мере не поведут по той дороге, на которой сами вязли так глубоко(...).

Только к полудню следующего дня мы добрались до лагеря князя, вблизи которого нас встретили другие посланцы в парадных шляпах и указали нам удобное место для стоянки возле болотистого луга с ключевой водой недалеко от лагеря, палатки и пестрые флаги которого ясно выделялись на зеленом фоне луга, усеянного пасущимися лошадьми(...).

Князю на вид можно было дать около сорока лет; прямой нос и мало выдающиеся скулы его бритого лица, а также прямой разрез глаз говорили, что он не монгольской крови. В правом ухе висела громадная серебряная серьга с кораллами и бирюзой, такая же подвеска к ней спускалась до плеча(...).

Князь пригласил нас сесть на коврик, разостланный на земле(...). Против нас, слева от князя, присели на корточки или на колени адъютанты и приближенные, все в красных халатах и парадных шляпах, ближе всех к князю старый жирный лама с седой бородой, обрамлявшей добродушное лицо. Моя беседа с князем велась так: я говорил, глядя на князя, по-русски; мой переводчик Цоктоев переводил по-монгольски вполголоса сидевшему возле него адъютанту, который громко докладывал князю; тем же порядком передавались и слова князя. После обычных приветствий, предложения табакерки и расспросов о здоровье и благополучном путешествии я поблагодарил князя за внимание, выраженное присылкой людей, знавших дорогу к лагерю, а затем просил дать мне проводника к Куку-нору.

Князь ответил, конечно, что путь туда идет по владениям разбойников-тангутов, что монголы в одиночку туда не ездят, так что одного проводника он дать не может. Он добавил, что, если мы все-таки рискнем идти туда, он поручиться за нашу жизнь не может(...). Поэтому он советует нам вернуться назад, но если я буду настаивать на своем намерении, то он, желая помочь русскому гостю, может дать мне надежный конвой, конечно, за вознаграждение, чтобы проводить через стра-

ну тангутов. Я возразил, что не имею с собой средств, чтобы платить жалованье большому конвою, и потому прошу назначить двух или трех человек, не больше. Я заметил, что до сих пор тангуты не нападали на иностранных путешественников и что в крайнем случае у меня есть оружие для защиты, так что конвой нужен не мне, а проводнику для его безопасности на обратном пути.

Князь обещал подумать и дать ответ на следующий день, на чем аудиенция и кончилась(...).

На следующее утро ко мне пришли два адъютанта князя в красных халатах и парадных шляпах, один с розовым, другой с синим шариком. Они поднесли мне(...) маленькую глиняную бутылку с молочной водкой и сообщили, что князь, обсудив мою просьбу, решил оказать мне содействие и назначает проводниками двух надежных людей из его войска, хорошо вооруженных (фитильными ружьями и старыми саблями)...

Изложив это, посланцы попросили показать им то оружие, которое позволяет мне не бояться страшных тангутов. Осмотрев берданку, дустволку и револьверы, монголы пришли в восторг от быстроты заряжания и разряжения и согласились, что одной берданкой можно обратить в бегство целую шайку, а револьверами отбить ночное нападение. Немало удивления вызвал и бинокль. Увидев на столике чернильницу и бумагу, они спросили, нет ли у меня лишней белой бумаги, пустых бутылок, банок и жестянок. Кое-что нашлось, и монголы были в восторге от этих ценных для них подарков. Для князя в ответ на его подарки я передал им записную книжку с карандашом и перочинный ножик, и посланцы уехали вполне довольные.

Но вскоре один из них вернулся и передал приглашение князя приехать к нему пить чай и просьбу послать ему на показ свое оружие. Я послал Цоктоева с берданкой и револьвером в лагерь, где происходила в это время стрельба, так что он мог показать князю стрельбу из этого оружия; я сам поехал уже под вечер, захватив бинокль, фотоаппарат и сочинение Пржевальского с описанием его третьего путешествия по Центральной Азии, в котором были изображены цайдамские монголы и животные(...).

В противоположность вчерашней торжественной аудиенции князь принял нас запросто(...).

Передо мной сейчас же поставили скамеечку, пода-

ли чашку с чаем, придвинули блюдо с лепешками и кадушку со сметаной, а наследник по знаку князя собственноручно насыпал мне в чай горсть мелких китайских сухарей из корзинки, стоявшей на троне возле князя, как большое лакомство, которым угощают только особенно почетных гостей. Соблазнившись сметаной, которой я не видел с тех пор, как оставил русские пределы, я тщетно искал глазами среди кадушек, горшков и бутылей какой-либо инструмент вроде ложки и наконец решился зачерпывать сметану краем лепешки прямо из кадушки.

Во время чаепития князь выразил свое удовольствие по поводу нашего знакомства и заметил, что мы хорошие люди, обходительные(...).

Далее князь похвалил берданку, которая все время лежала возле него. Он сказал, что, если бы у него был хоть десяток таких ружей, ни один тангут не смел бы показаться в Цайдаме. Революеры также понравились ему, и он просил продать один из них, но цена в десять лан (21 рубль), которую я спросил, показалась ему слишком высокой. Он, может быть, надеялся на подарок. Двустволка не произвела особого впечатления, князь отдавал предпочтение дальнобойному оружию. Бинокль вызвал большое удивление. Желая взглянуть через него вдаль, князь что-то крикнул, толпа, заслонявшая вход в палатку, опустилась на колени, и он мог любоваться видом на далекие горы через головы своих воинов. Все предметы князь после осмотра передавал адъютантам, и они переходили из рук в руки, затем все вернулось ко мне в целости, кроме пустой гильзы из двустволки, которую кто-то припрятал, вероятно, чтобы сделать из нее диковинную табакерку. Князь руководил осмотром, объясняя через адъютантов, как заряжается оружие, с которой стороны нужно смотреть в бинокль(...).

Затем я показал князю сочинение Пржевальского. Перелистывая его, князь мало обращал внимания на видовые картинки, но подолгу останавливался на изображениях различных народностей и животных. Он сейчас же узнал своих друзей хара-тангутов и отпустил по их адресу несколько комплиментов. Он узнал также своего соседа по Цайдаму, князя Дзун-засака, изображенного с четырьмя приближенными. Чтобы дать возможность взглянуть на наиболее интересные картинки всем присутствующим, князь поднимал книгу над своей головой, поворачивая ее во все стороны и объясняя, что

изображено, например: бамбарчи (медведь), оронго (антилопа-оронго), куку-яман (горный козел), сарлык (домашний як), и вся толпа повторяла разными голосами: бамбарчи, оронго, куку-яман, сарлык с возгласами изумления(...).

Вернувшись в свою палатку и отвешивая вечером серебро для уплаты князю за проводников и за обмен уставшего верблюда на двух лошадей, я пришел к печальному выводу, что остается слишком мало серебра для дальнейшего пути по Нань-шаню(...).

На следующее утро опять пришли гости: один из адъютантов со старшим сыном князя, ламой и еще какими-то родственниками. Они поднесли мне опять молочную водку, но в большой глиняной бутылки и хорошего качества и привели двух хороших лошадей в обмен на верблюда(...). Родственники князя выразили желание получить белой бумаги, пустые банки, бутылки и жестянки (от консервов). Кое-что я мог еще уделить им и отправил также князю подарки в виде куска мыла, фунта стеариновых свечей и дорожной чернильницы с пером(...).

После обеда меня посетил старший лама с добродушным лицом, присутствовавший на аудиенции. Он поднес мне хадак и фунта два масла в бараньей брюшине и в качестве княжеского врача просил уступить ему некоторые лекарства, именно слабительные, глазные и от «задержания крови».

Первые я мог дать ему в виде касторового масла, английской соли и борной кислоты, но лекарства «от задержания крови» у меня, конечно, не было. Заметив в моей аптечке клистирную трубку, лама спросил о ее назначении, которое ему так понравилось, что он просил уступить этот прибор. К сожалению, он был у меня единственный. Лама посоветовал мне привезти в следующий раз в Цайдам несколько штук, обещая им хороший сбыт. Он спрашивал также, почему я не иду в Лхассу, и предлагал дать туда проводника ламу, который будто бы сумеет провести меня в этот священный город буддистов, недоступный для европейцев. Возможно, что дружба с ламами и получение рекомендаций писем и проводников из монастыря в монастырь могли представлять в то время единственный способ проникнуть в Лхассу, что не удалось ни Пржевальскому, ни Роккиллю, ни принцу Орлеанскому, а позже и Свену Гедину(...).

Наконец письмо написано, к нему приложена печать князя в нескольких местах, и, сопровождаемые добрыми пожеланиями адъютантов, мы выехали за черту лагеря в унылую степь, уходящую на восток, за горизонт между двумя цепями скалистых гор, в которых живут тангуты. Благополучно ли пройдем мы через их кочевья?

(...) Перед Дулан-китом дорога свернула в горы по узкой долине р. Дулан-гол, где мы вскоре остановились возле кумирни, так как должны были получить новых проводников. Цоктоев и старые проводники отправились в кумирню, но местный начальник, тоже вроде князька, был в отлучке, и проводников назначил гэгэн, глава маленького монастыря(...).

Мне давно уже хотелось видеть буддийское богослужение. Под вечер, когда из кумирни донеслись звуки барабанов и труб, возвещавших начало вечерней службы, я отправился туда вместе с Цоктоевым. К зданию кумирни примыкали дворики, окруженные глинобитными стенами, вмещавшие юрты и фанзы лам и нескольких монгольских семейств. Проходы между двориками были загрязнены золой и всякими отбросами; кое-где зияли ямы, из которых была добыта глина для построек, так что ходить здесь ночью было небезопасно. В некоторых двориках теснились овцы и козы, пригнанные с пастбищ для вечернего доения, которым и занялись монголки. Блеяние этих животных и лай собак аккомпанировали музыке, доносившейся из храма. Во дворе перед фасадом последнего дымились два больших котла на открытом очаге; это варился ужин(...).

Старший лама встретил нас в этом дворе и повел в храм. Последний получал скудное освещение из небольшого купола, поддерживаемого четырьмя ярко раскрашенными деревянными колоннами. В левой половине на длинной веревке висели большие и маленькие старые, выцветшие и свежие хадаки, напоминая мелкое белье, вывешенное для просушки. На стенах виднелись нарисованные на тканях изображения разных божеств, перед которыми на скамеечках дымились жертвенные свечи. В промежутке между колоннами на красных плоских подушках, в два ряда, лицами друг к другу, сидели ламы в красных и желтых халатах, бившие в литавры или дувшие в длинные, сажени в полторы, жестяные трубы. В глубине храма на возвышении вроде трона, также красного цвета, сидел мальчик лет десяти,

гэгэн кумирни, то есть перевоплощение Будды, в красном одеянии, но с босыми ногами, как у лам. Перед ним на троне виден был металлический сосуд и какой-то предмет, закрытый белым покрывалом. Гэгэн сидел неподвижно, подобно восковой фигуре, с опущенными веками глаз, и только по временам можно было заметить, как его веки чуть поднимались и черные глаза из-под длинных ресниц бросали любопытный взгляд в ту сторону, где находился я. Перед каждым из лам стояла скамеечка, а рядом с их подушками войлочные сапоги, снятые ими перед службой. Кроме трубы барабанов, я заметил также колокольчики, бубенчики и большие раковины, участвовавшие в духовном концерте, а против гэгэна, замыкая проход между обоими рядами лам, сидели на корточках четыре послушника у больших барабанов, в которые они по временам ударяли кожаными шарами на бамбуковых палках, вызывая звуки, похожие на отдаленный гром. Вперемежку с громкой музыкой ламы тянули однообразный напев молитв, сопровождая его встряхиванием колокольчиков и бубенчиков; звуки труб и барабанов внезапно и резко врывались в это пение.

Меня усадили на коврик у стены в правой половине храма, позади молившихся лам, поставили возле меня скамеечку, и старший лама собственноручно налил мне монгольского чаю в чашку и положил кусочек масла, взятый из красного ящичка; масло оказалось настолько прогоркшим, что я с трудом проглотил чашку и попросил вторую без этой прибавки. К чаю подали сухие лепешки, похожие на еврейскую пресную пасхальную мацу, а после чаю лама поднес мне в качестве особого угощения тарелочку с кучкой дзамбы, украшенной ломтиками овечьего сыра и сушеными фруктами. В отличие от угощения у князя Курлыка-бейсе, характерного отсутствием всяких приборов для еды, здесь были поданы китайские костяные палочки и маленькая костяная лопаточка. Лама, сидевший на корточках возле меня, играл роль любезного хозяина, угощавшего гостя.

Богослужение и музыка продолжались без перерыва, и маленький храм наполнялся молящимися, которые, впрочем, больше интересовались уголком, где я сидел, чем молитвами, оглядываясь и перешептываясь друг с другом. Один только гэгэн сидел неподвижно, словно восковая фигура, на своем троне; его губы иногда шевелились то медленнее, то быстрее; иногда он протягивал

руку, брал небольшой тамбурин, обвешенный маленькими металлическими шариками на длинных нитях, и встряхивал его, но мелодичные звуки шариков совершенно заглушались громкой музыкой.

Нужно пояснить, почему ребенок может играть главную роль в буддийском богослужении. Гэгэн — это перевоплощение Будды, и каждый монастырь желает иметь его, так как он привлекает молящихся; гэгэн не умирает, а только меняет свою внешнюю оболочку. После смерти гэгэна совет лам выискивает по разным приметам, в какого ребенка должна была переселиться душа покойного, и депутация лам отправляется отыскивать этого новорожденного гэгэна иногда очень далеко от монастыря. Его находят, привозят и воспитывают для его будущей роли перевоплощенца. В большинстве случаев гэгэн играет роль послушного орудия в руках хитрых и властолюбивых лам, которые через него оказывали более сильное влияние на население Монголии и Тибета, чем светские князья.

Эти дети-гэгэны достойны сожаления. Мальчик вырастает, не зная ни материнской заботы и ласки, ни детских игр и шалостей, вообще счастливого детства, в мрачной монастырской келье, в обществе лицемерных и фанатичных лам, которые укрощают все его порывы. Вместо игр и веселья он узнает только молитвы, догмы непонятной ему религии и рано привыкает скрывать свои чувства под маской набожной сосредоточенности. Он пленник, птица в клетке, с той только разницей, что птица может изливать свое горе в песнях, а ему и это запрещено.

Эти мысли приходили мне в голову, пока я наблюдал во время богослужения за маленьким гэгэном.

По временам он поднимал руку, благословляя монгола из толпы верующих, подносившего ему хадак. Мне казалось, что мальчик предпочел бы самую простую игрушку, что он с восторгом соскочил бы с своего трона и подбежал бы ко мне, чтобы поближе взглянуть на заморского человека, посетившего этот унылый край на границе Тибета, приобщиться на минуту к чуждой, незнакомой жизни.

Но вот музыка затихла на короткое время, в течение которого несколько мальчиков, очевидно, послушников, будущих лам, принесли желтые остроносые шапки, по форме похожие на фригийские колпаки, но обрамленные бахромой, и надели их на головы лам. Старший лама,

ухаживавший за мной, надел такой же колпак, стал против гэгэна возле барабанщиков, и все инструменты слились в громогласном соревновании, в уши раздрающем концерте, составившем финал богослужения. И внезапно звуки оборвались, наступила тишина. Ламы отложили инструменты, надели сапоги, отерли пот, выступивший на лицах, рукавами своих халатов; мальчики сняли с них и унесли колпаки, гэгэн закрыл свой тамбурин зеленой и поверх нее белой тряпкой. Молящиеся начали выходить из храма, а вместо них появился, к моему изумлению, ужин. Послушники принесли со двора большие глиняные кувшины и доски с нарезанной на куски бараниной; каждый из лам вытащил из-за пазухи свою чашку, достал из футляра, подвешенного к поясу, монгольский нож и костяные палочки. Послушники налили в чашки какой-то густой суп, роздали куски мяса, и скамеечки перед сидевшими в два ряда ламами превратились в столики для еды. Меня поразила эта профанация храма и заинтересовало качество и количество вечерней еды лам в бедном монастыре(...). По моей просьбе мне налили чашку супа, который оказался жидкой ячменной кашей на молоке, достаточно питательной и вкусной. Гэгэн участвовал в трапезе; ему подали суп и большой кусок мяса на отдельной дощечке. Его лицо оживилось во время еды, и он протягивал свою чашку несколько раз для наполнения(...).

Я не дождался конца ужина и ушел, провожаемый старшим ламой (...).

На следующее утро(...) я послал гэгэну небольшой подарок; к сожалению, у меня не было ни детской книжки с картинками, ни соответствующей его возрасту игрушки, и пришлось ограничиться жестяной с русскими конфетами монпасье, оказавшейся еще в наличии.

Абаши вскоре вернулся и передал мне благодарность гэгэна, которому конфеты очень понравились.

— Но, — прибавил монгол, — я присоединил к вашему подарку кусочек серебра для старшего ламы, так как не годится при посещении монастыря не сделать хотя бы небольшое пожертвование на храм.

Таким образом добрый монгол счел нужным сгладить неприятное впечатление, которое произвела, по его мнению, моя скупость на почтенных лам.

Вскоре явились и три проводника, вооруженные фитильными ружьями и кривыми саблями, и наш караван направился на восток по унылой степи северной окраи-

ны Дабасун-гоби, к отрогам Южно-Кукунорского хребта. Среди этих отрогов на одном из притоков р. Усыба мы заночевали, на следующий день пересекли еще несколько отрогов гор и притоков той же речки между ними и по левой вершине ее поднялись на плоский перевал Сагастэ через этот хребет, достигающий 3700 м абсолютной высоты. С него открылся вид на обширную впадину, занятую синей гладью Куку-нора, среди которой белели два небольших острова. Наконец-то мы увидели это голубое озеро («Куку» — голубой, «нор» — озеро), которое знаменитый географ Гумбольдт считал расположенным в особом горном узле между Куэнь-лунем и Нань-шанем и к берегам которого он мечтал добраться сначала через Россию, чему помешало нашествие Наполеона в 1812 г., а затем — через Персию и Индию; ради этого Гумбольдт изучил даже персидский язык (...).

Спустившись немного с перевала, мы поставили свои палатки рядом со стойбищем тангутов по совету проводников, которые заявили, что эти разбойники никогда не нападут на караван, ночующий возле их жилищ и, так сказать, доверивший им свое благополучие.

Мы впервые увидели этих кочевников, рассказами о которых нас пугали на всем пути от хребта Гумбольдта. Интересно было посмотреть на них поближе.

Стойбище состояло из нескольких черных палаток, резко отличавшихся от монгольских юрт. Палатка тангутов и тибетцев сделана из грубой черной ткани, сотканной из шерсти яка; форма ее почти квадратная: крыша плоская, ее поддерживают внутренние колья и оттягивают веревки (...). Высота палатки в рост человека. В крыше длинный вырез для света и выхода дыма; под этим вырезом находится сбитый из глины квадратный очаг, на котором варят в плоском котле чай и еду. Вокруг очага разостланы шкуры, на которых днем сидят, а ночью спят. Вдоль стен складывают запасы аргала и другого топлива в виде длинной стенки, на которой лежат платье, домашняя утварь, запасы провизии. Утварь состоит из чашек, глиняных горшков и кувшинов, деревянных кадушек и бурдюков для кислого и свежего молока, творога и масла; посудой служат также рога яков. Против входа в палатку, у задней стенки, небольшое возвышение с глиняными или металлическими статуэтками буддийских божеств.

Тангуты стойбища не нахлынули к нашей стоянке

целой толпой, как сделали бы монголы. Нас посетили только три или четыре человека, вероятно, старшины. Лица их всего больше напоминали лица наших цыган и подтверждали присутствие тангутской крови в облике монголов Цайдама. Они были одеты в короткие до колен халаты грубого черного сукна, висевшие мешком поверх пояса; ноги их были обуты в шерстяные толстые чулки, внизу обшитые кожей, наподобие сапог; головной убор состоял из шапки на бараньем меху в виде плоского конуса, пряди черных волос выбивались из-под шапки, обрамляя смуглые безбородые лица. Мы угостили тангутов чаем. Вся обстановка моей палатки — столик, табурет, выючные ящики, бумага и чернильница на столе, двустволка, висевшая у заднего кола, — в дополнение к моему лицу и одежде показала гостям, что караван принадлежит иностранцу, и это произвело на них, конечно, больше впечатления, чем вооружение моего монгольского конвоя. Они вели себя очень сдержанно, ничего не трогали и не просили. Монгол Абаши, кое-как объяснявшийся с ними по-тангутски, наплел всякие небылицы о моем путешествии (как он признался позже) и сказал, что нас уже ждут в Си-нине (ближайшем к Куку-нору большом китайском городе, которому земли тангутов номинально подчинены). Когда гости ушли, он заявил мне, что все, рассказанное им, будет завтра же известно на всех стойбищах вдоль нашего пути по южному берегу озера и что никто не решится напасть на нас.

Мимо наших палаток взад и вперед прошли также несколько молодых тангуток, с любопытством оглядывая нас, но не решаясь подойти ближе. Одежда их была такая же, как у мужчин, но черные волосы были заплетены в множество мелких косичек; халаты были спущены с правого плеча, обнажая смуглые руки, грудь и шею, с которой спускались ожерелья из белых и желтых металлических блях; между грудями видна была черная коробка, вероятно, ладанка с каким-нибудь талисманом или тибетскими молитвами.

Перед закатом солнца с гор спустилось к стойбищу небольшое стадо овец и коз и несколько домашних яков. Последние у тангутов и тибетцев служат и в качестве выючных животных; они дают жирное молоко, шерсть, шкуры, мясо, рога. Несмотря на свою массивность, яки прекрасно ходят по горам и более приспособлены к сырому и холодному климату Тибета, чем верблюды.

На ночь мы пригнали верблюдов и лошадей к своим палаткам, и наши проводники поочередно сторожили их. Ночь прошла спокойно, и на следующее утро мы пошли дальше по долине Сагастэ и вскоре спустились к берегу Куку-нора. По дороге заметили странное сооружение: на горном ручье, под навесом, на четырех столбах, стоял большой цилиндр, обклеенный бумагой с тибетскими молитвами. Нижняя часть его представляла горизонтальное колесо с лопатками, опущенное в воду ручья, которая приводила цилиндр в медленное вращение. Это была молитвенная мельница, подобно виденным мною в Урге, но там эту мельницу вращали богомольцы, а здесь их роль выполняла вода, и молитвы возносились к небесам и днем и ночью без перерыва. Отмечу еще, что у тангутов были в ходу и ручные молитвенные мельницы в виде маленьких цилиндров с молитвами, которые вращались вокруг оси при круговых движениях руки: тангут при пастьбе скота носит и вращает такую мельницу в руке и, таким образом, усердно и автоматически возносит молитвы (...).

Озеро Куку-нор прежде было многоводнее и заливало берега почти до подножия гор (...). Это доказываются террасами (...) на южном берегу, достигающими 50 м над уровнем озера (...). Озеро медленно усыхает, хотя не имеет стока, а получает приток из многих речек с гор и из большой реки Бухаин-гол, впадающей в западный конец озера; но, очевидно, испарение несколько превышает приток благодаря сухости климата.

По берегам Куку-нора не только леса, но даже крупные кустарниковые растения отсутствуют, хотя в Южно-Кукунорском хребте на большей абсолютной высоте мы видели еловые и можжевельниковые леса. Поэтому отсутствие леса на берегах озера объясняется не абсолютной высотой, а, вероятно, сильными ветрами (...).

Вернувшись в Су-чжоу после почти трехмесячного кругового маршрута по Нань-шаню, я прожил месяц у Сплингерда, составляя отчет об этом путешествии и занимаясь организацией нового каравана (...).

К половине сентября отчет был написан, сухари заготовлены, куплены свежие верблюды и лошади, и мы могли отправиться в путь (...).

Из Су-чжоу мы направились на северо-восток, вниз по оазису этого города (...). Мы миновали остатки Великой стены и городок Цзинь-та-сы (монастырь золотой башни), в котором 200 лет тому назад была кумирня с

позолоченной башней. За ним пашни и селения начали редеть, чаще прерываясь солонцовой степью и небольшими кучевыми песками. На четвертый день появились уже барханы, и на севере показались плоские высоты первой цепи Бей-шаня, не имевшей отдельного названия; я назвал его хребет Пустынный(...).

На щебне и скалах хр. Пустынного я впервые заметил обширное развитие лака или загара пустыни, тонкого бурого или черного налета, скрывающего цвет горной породы и придающего местности очень мрачный вид. Этот лак на более твердых и мелкозернистых породах черный и блестящий, на известняках бурый матовый; даже белый кварц часто покрыт черным лаком. Но везде, где на дне долин были скопления сыпучего песка, щебень и нижняя часть склонов имели нормальный цвет и были даже отшлифованы, так как струйки песчинок, переносимых ветром, уничтожали лак и полировали камень.

Затем окраина гор отошла на запад, и между ними и рекой расстилалась площадь полной пустыни. Дорога подошла к Эцзин-голу, русло которого достигало от 200 до 1000 м ширины, но обиловало голыми островами и топкими отмелями, между которыми быстро струилась грязная вода цвета кофе с молоком. Легко себе представить мощность этого потока во время весеннего половодья(...).

На Эцзин-голе сильно чувствуется горячее дыхание пустыни, окаймляющей реку с востока и с запада; таких бесплодных гор и площадей, подступающих к реке с запада, я раньше еще не встречал во время путешествия(...).

Мы шли по подобной же местности с рощами, зарослями кустов, сухими руслами и песчаными буграми до ставки торгоутского князя Бейли-вана в урочище Хара-сухай.

Возле этой ставки мы простояли три дня, занятые переговорами с князем, мальчиком лет 15, которого я посетил(...). Я хотел получить проводника для прямой дороги в г. Фу-ма-фу в Алашани, чтобы пересечь совершенно неизвестную пустынную местность к востоку от Эцзин-гола. Но князь и его советники заявили, что по этой дороге давно никто не ходит из-за пятисуточного безводного перехода и огромных сыпучих песков. Один из советников, старый лама, рассказал, что давно, когда он был еще мальчиком, по этой дороге из Фу-ма-фу

пришел китайский купец, еле спасшийся со своими спутниками, потерявший всех животных и бросивший товары в песках. Я предлагал дать двум проводникам высокую плату, но это не соблазнило никого; торгоуты сказали, что зимой можно было бы сделать попытку, взяв лишних верблюдов с грузом льда и рассчитывая встретить скопления снега. Но теперь было еще слишком тепло, и даже взяв воду в бочонках для людей и надеясь, что верблюды выдержат 5 суток без воды, мы должны были бы иметь в виду, что потеряем всех лошадей в песках. Уверяли, что давно уже сношения с Алашанью происходят кружным путем: северным, через Центральную Монголию, или южным, вдоль подножия гор (...). Северный позволял пройти в совершенно неизвестную часть Монголии (...). Он очень удлинял мой путь в Восточный Тибет, но времени и средств было достаточно, и я решился на этот вариант (...).

8 октября мы двинулись дальше, но (...) на следующее утро выяснилось, что монгол Абаши, недомогавший уже в Хара-сухае, заболел: у него был сильный жар, все лицо вздулось и покрылось волдырями. Больной сам подозревал, и Цоктоев подтвердил, что это была оспа, которой Абаши заразился, очевидно у торгоутов выше по Эцзин-голу, когда заезжал к ним пить чай. Везти больного дальше в безлюдные места было рискованно. Пришлось нанять ему отдельную юрту, обеспечить уход, оставить лошадь для возвращения в Су-чжоу и письмо к Сплингерду с просьбой помочь ему вернуться в Цайдам к Курлык-бейсе. Молодой тюрк, нанятый в Сучжоу, который почти не знал ни по-китайски, ни по-монгольски и которому Абаши служил переводчиком, тоже отказался ехать с нами дальше, получил расчет и остался при больном.

Таким образом я сразу лишился двух рабочих и остался с одним Цоктоевым. Но сидеть на Эцзин-голе и ждать полного выздоровления Абаши было невозможно. Тогда пришлось бы отменить путешествие в Центральную Монголию (...). И я предпочел идти дальше с одним Цоктоевым и новым проводником, рассчитывая помогать им при выючке верблюдов, разбивке лагеря и других работах по мере времени и сил.

Эцзин-гол, прорвав Боро-ула, делится на три рукава — Мерин-гол, Ихэ-гол и Кунделен-гол. Хара-сухай расположен на первом, самом западном рукаве. Мы вскоре пересекли его; вода сохранилась только отдель-

ными лужами, но проводник уверял, что три раза в году — в середине весны, лета и осенью — воды бывает столько, что брод возможен не каждый день. Минував рукав, мы шли целый день по площади между двумя разошедшимися рукавами Эцзин-гола, представлявшей то возвышенные пустынные площадки, то понижения, занятые речными отложениями с более обильной растительностью. Кое-где попадались рощи, но небольшие, а тополя явно обнаруживали признаки вырождения. При высоте всего в 4—6 м стволы толщиной в обхват были покрыты очень толстой, растресканной и покоробленной корой, а древесина представляла пучки спирально скрученных волокон; ветви и сучья короткие, очень толстые у основания и быстро утонявшиеся к концам; листья очень мало, и вообще было ясно, что вследствие недостатка воды или засоления почвы развитие древесины идет в ущерб развитию листового покрова. Все чаще попадались мертвые и умирающие деревья, уродливые кривые стволы которых с огромными наростами и короткими толстыми ветвями представляли своеобразную особенность пейзажа в низовьях Эцзин-гола, напоминая изваяния фантастических людей и животных. Молодых деревьев не было видно; было также много мертвых кустов и деревьев саксаула. Приходится думать, что прежде местность была лучше орошена, уровень грунтовых вод был выше, а теперь он понизился и деревья вымирают (...).

На пути из Ордоса нам опять пришлось видеть, как с севера надвигается без ветра густая пыль, окутывающая всю местность, и как потом начинается ветер. Нужно упомянуть, что зимой морозы слабые, воздух сухой, снегопад незначительный. В Центральной Монголии мы еще видели снег в виде несплошного и тонкого покрова преимущественно во впадинах и на подветренных склонах, но уже в долине Желтой реки и на всем пути по Ордосу (...) снега не было, хотя температура часто была ниже нуля и речки были покрыты льдом. Таким образом, ветер везде находит материал для вздымания пыли. На плато дороги по лессу были совершенно сухие и пыльные, что облегчало проезд; летом во время дождей эти дороги были бы гораздо хуже (...).

Оставив Сан-ши-ли-пу, мы вскоре свернули в боковую долину притока р. Да-хэ и по ней поднялись на поверхность лессового плато, которое здесь, на протяже-

нии более 50 верст по нашему пути, совершенно не расчленено глубокими долинами. Этот почему-то уцелевший от размыва большой участок плато представлял совершенную равнину абсолютной высоты около 1300 м (от 300 до 400 м над дном речных долин, ограничивающих его с севера и с юга), покрытую пашнями, кое-где небольшими рощами или отдельными деревьями и фанзами. Только кое-где видны неглубокие овраги, очевидно, верховья более значительных, остававшихся в стороне; и здесь, в обрывах лесса, ютились пещерные жилища китайцев. Но так как таких мест было мало, а население достаточно густое, то мы увидели еще один тип пещерных жилищ, не замеченный нами нигде больше в Китае. Едешь по равнине и вдруг видишь, что несколько в стороне от дороги из какой-то кочки среди пашни вьется дымок. Подъезжаешь к нему, чтобы выяснить это странное явление, и что же оказывается? В равнине вырыта квадратная или прямоугольная яма в несколько сажень ширины и $2\frac{1}{2}$ —3 сажени глубины, и в ее отвесных стенках видны жилища того же типа, как и в естественных обрывах лесса: одни жилые, другие для животных и для хранения соломы, хлеба. Устья этих тоннелей закрыты кладкой из сырцового кирпича с окном и дверью или открыты. На дне ямы можно видеть кур, телегу, копну соломы, людей. Спуск в каждую жилую яму представляет круто наклонную выемку в лессе, переходящую глубже в тоннель. Лесс, добытый при рытье ямы и спуска в нее, не свален кучами, а рассеян по пашне, так что яма ничем не ограждена, и это жилье замечаешь, только подъехав к нему близко. Возле ямы на пашне обыкновенно выглажена площадка для молотбы хлеба, иногда сложены солома и удобрение (...).

Среди этой равнины расположен довольно большой город Си-фу-чен, в котором также имеются жилища в ямах. Воду на равнине достают из глубоких колодцев. На постоялом дворе, где мы ночевали, колодец имел около 36 м глубины (...).

Прежде чем покинуть страну лесса, с которой мы достаточно познакомились, (...) нужно рассмотреть вопрос о происхождении этой почвы, характеризующей весь Северный Китай (...). Наблюдения над ее распределением и распространением в Северном Китае привели меня к выводу, что лесс состоит из пыли, образовавшейся в пустынном сухом климате Центральной Азии при

процессах выветривания горных пород, вынесенной отсюда ветрами и отложившейся в условиях более влажного климата в Северном Китае. В Центральной Азии сухой климат с его резкими колебаниями температуры, летней жарой, зимними морозами при скудости или отсутствии растительности, защищающей склоны возвышенностей, обуславливает быстрое выветривание, распадение горных пород на их составные части и образование мелких продуктов этого распада — песка и пыли. Такой же материал дают отложения крупных рек, теряющихся в пустыне, и выносы временных потоков, вытекающих из многочисленных гор и холмов, а также почва широких долин, слабо защищенная растительностью от действия ветра, и плоские берега озер и озерков, периодически сокращающихся. Частые и сильные ветры, дующие в Центральной Азии и направленные главным образом от внутренней части к ее окраинам, выносят песок и пыль к последним.

Песок, как более крупный, тяжелый материал, передвигается медленнее и остается еще в пределах Центральной Азии в виде скоплений сыпучих песков, образующих, как мы видели, большие площади в Ордосе, вдоль Желтой реки, в южной Алашани, на р. Эцзин-гол и перед хр. Хара-нарин-ула в Центральной Монголии, то есть уже вблизи окраин Центральной Азии. Легкая пыль уносится дальше; она поднимается высоко в воздух и переносится целыми тучами; о надвигании пыльных туч впереди ветра мы упоминали не раз. Пыль поднимают с поверхности почвы и утесов не только ветры, но и вихри. В жаркие дни можно видеть, как то здесь, то там внезапно образуется вихрь в виде спирально поднимающейся вверх струи воздуха, которая засасывает пыль, песчинки, кусочки высохшей травы и другого мусора и, быстро крутясь, несется по степи или пустыне и, наконец, рассеивается; часть поднятого вихрем материала падает назад, но мелкая пыль плавает в воздухе очень долго. Такие вихри можно видеть и у нас в летние дни, но в Центральной Азии они представляют обычное явление; о них писал уже Пржевальский и дал даже рисунок вихрей разной формы.

За пределами Центральной Азии климат меняется; здесь больше атмосферных осадков, ветры ослабевают, встречаясь с противоположными воздушными течениями и высокими горами, пыли в воздухе меньше. Здесь и растительность гуще в виде травы и мелких кустов,

сплошь покрывающих почву. Пыль садится на растения, а с них стряхивается ветром и смывается дождями на поверхность почвы, где она уже защищена от уноса. Это происходит из года в год целые столетия и тысячелетия, и пыль, накапливаясь, уплотняясь и скрепляясь корнями растений, превращается в лессовую почву, в которую проникает дождевая вода и в которой происходят химические и механические процессы, создающие структуру лесса. И так как климат Центральной Азии и Северного Китая существенно не менялся уже много тысячелетий, то неудивительно, что из этой пыли, образовавшей в течение года слой меньше миллиметра, в конце концов создались толщи в десятки и даже сотни метров (3—4), которые скрыли совсем или смягчили неровности рельефа, существовавшего ранее в Северном Китае.

(...) между Калганом и Пекином, где тянется несколько горных хребтов, разделенных более или менее широкими долинами, лесс покрывает дно последних и поднимается высоко на склоны, только смягчая рельеф. В провинции Шань-си, где местность представляла плоскогорье, более или менее расчлененное размывом, лесс засыпал все долины и поверхность плоскогорья и почти скрыл рельеф. А на южной окраине Ордоса и в соседней части провинций Шань-си и Гань-су из лесса сложено уже целое плато, и толща его близ окраины пустыни Ордоса с его песками достигает 400—500 м, но на юг с удалением от источника пыли постепенно уменьшается до 300, 200 и 100 м. Здесь лесс создал новый рельеф — пылевой хребет — увал, под которым глубоко скрыт древний рельеф страны.

Но во всех этих областях бывают дожди, и накопление лесса идет рука об руку с его размывом; в толщи лесса врезаются рытвины, овраги и долины, которые расчленяют лесс и создают характерный рельеф лессовой страны. Вот это количество осадков в течение тысячелетий могло существенно меняться, и в одни эпохи расчленение лесса было сильнее, в другие — слабее или даже почти прекращалось.

Весьма характерно и доказательно, что вблизи границы области лесса, то есть вблизи области песков, состав лесса более грубый, в нем много мелких песчинок, а на поверхности лесса сыпучий песок даже образует скопления, как мы видели у окраины Ордоса. С удалением от этой границы в глубь области лесса состав по-

следнего становится все более и более тонким, пылевым.

Таким образом, лесс Северного Китая является продуктом пустынь и полупустынь Центральной Азии, который в виде пыли выносится из них ветром, оседает и накапливается в степях, ограничивающих эти области с юга (...).

По возвращении (...) в Су-чжоу я провел 11 дней в доме Сплингерда. Нужно было послать за верблюдами, находившимися на отдыхе на окраине оазиса, и организовать отправку всей собранной от Пекина коллекции (...). Я решил нанять большую китайскую телегу, нагрузить на нее коллекции и отправить вперед прямо в Кульджу — в русское консульство. Нужно было найти надежного возчика и получить для него из ямыня уездного начальника свидетельство, что он везет научные коллекции русской экспедиции и поэтому не подлежит реквизиции и таможенным сборам. Для упаковки коллекций были уже заказаны ящики, и теперь с утра до вечера я был занят укладкой, заполненные ящики зашивались в сырые бычачьи шкуры, чтобы образцы не подмокли и не растерялись (...). Наконец, все было кончено, телега отправлена, караван в сборе, нанят китаец — проводник до г. Хами, и мы простились с гостеприимным домом бельгийца, оказавшего большую помощь моей экспедиции (...).

Путешествие через Бей-шань, богатое геологическими наблюдениями, представляло мало интереса и разнообразия в отношении ландшафтов и путевых впечатлений. Почти на всем протяжении мы ехали в течение двух недель по гористой местности, причем то пересекали отдельные горные цепи, то промежуточные между ними группы и цепи холмов и рассеянные среди них долины и котловины. Нигде не было ни высоких перевалов, ни тесных ущелий; дорога шла прямо или слегка извиваясь по долинам, сухим руслам, логам, незаметно переваливая из одной в другую. Воду мы имели ежедневно из колодцев или ключей, окруженных небольшими оазисами зарослей тростника, кустов, иногда тополей; вода часто была солоноватая. Корм для животных давали те же оазисы. Дорога, по которой мы шли, вероятно, мало посещаемая; мы не встретили ни одного каравана и ни одной юрты кочевников; зато попадались антилопы и в одной местности, в глубине Бей-шаня, стадо куланов, давшее случай подновить запас прови-

зии. В зависимости от расстояния между источниками воды мы делали то большие, то маленькие переходы.

Общий характер местности напомнил мне Центральную Монголию; Бей-шань, подобно последней, нужно назвать холмисто-гористой полупустыней, в которой процессы разрушения и развевания господствуют. Благодаря им и крайне скудной растительности строение гор почти везде было совершенно ясно; мы могли видеть, как белый гранит внедряется неровной массой в серые гнейсы, а сам пересекается еще жилами темно-зеленого диорита, и в каких разнообразных отношениях встречаются эти породы. Процессы разрушения были особенно наглядны в горах у колодцев Мын-шуй, представлявших большой массив гранита, в котором выветривание создало бесчисленные карманы, впадины и целые ниши разной величины. Можно было проследить, как в нишах постепенно разъедается и разрушается свод, понижаются стенки и как в конце концов на месте холма остаются гребешки и кочки от стенок уничтоженных ниш. В этом месте я устроил дневку, чтобы изучить основательно ход развития этих форм разрушения твердой породы (...).

Через 12 дней наш путь, шедший в общем на северо-запад, резко повернул на запад. Мы миновали Бей-шань и уже перед тем несколько дней на горизонте видели хребет Карлык-таг, восточный конец Восточного Тянь-шаня, увенчанный вечными снегами вершинами (...).

Пересечение Бей-шаня подтвердило вывод, сделанный мною уже в Восточной и Центральной Монголии и в Ордосе, именно, что в Центральной Азии лесс образуется, но не накапливается, что степных котловин, заполненных лессом, которые предполагал Рихтгофен, нигде нет, что везде выступают коренные породы, выветривающиеся и дающие пыль, которая выносится ветрами из пустыни и осаждается на окружающих ее горах и степях. Бей-шань даже не содержал скоплений сыпучего песка, которые я видел в Центральной Монголии; здесь даже этот материал выветривания не мог накапливаться в достаточном количестве, а выносился ветрами на юго-запад — в хребет Курук-таг и к озеру Лоб-нор (...).

...Мы ехали шесть дней и еще день потеряли из-за бури (...).

...В этот день с утра дул порывистый ветер с юга, но к 3 часам дня его сменил резкий ветер с северо-северо-востока, который к 6 часам вечера перешел в бурю.

С началом этой бури белые тучи окутали гребень Тянь-шаня и засели на нем, спустившись в верховья всех ущелий; хребет нахлобучил белую шапку, из которой на верхней половине хребта выпал снег. Буря продолжалась всю ночь и весь следующий день: и достигала такой силы, что идти против ветра было совершенно невозможно. Моя палатка, выдержавшая два года путешествия и немало бурь, под напором ветра начала разрываться по швам (...). К закату солнца ветер резко ослабел и в сумерки прекратился. Эта буря не сопровождалась такой массой пыли, как в песках или в стране лесса на южной окраине Центральной Азии; воздух был сравнительно чистый, очевидно, на степях подножия Тянь-шаня ветер не находил много мелкого материала.

По словам жителей с. Ляо-дун, в этой местности бури не редки; весной и в июне из двух дней один бурный, летом и в сентябре из пяти дней один бурный, а позже осенью — из десяти дней один; только в январе — феврале бури редки. Бури эти налетают с севера и с северо-востока и достигают такой силы, что трясутся стены глинобитных фанз (...).

Особенно сильными бурями отличается местность к югу от второго участка подножия Тянь-шаня, где большая дорога уходит в горы от безводия и бурь. Из Ляо-дуна и других мест первого участка имеются более короткие дороги в Люкчун и Турфан, пересекающие пустыню по прямой линии, но ими пользуются только зимой, когда бури редки, а воду может заменить снег или взятый с собой лед, и пользуются только немногие; вся эта местность уже много столетий тому назад была названа китайцами «долиной бесов». По китайским описаниям, эта долина известна сильными бурями, которые (...) поднимают в воздух камни в яйцо величиной, опрокидывают самые тяжелые телеги и, развеяв рассыпавшиеся вещи, уносят и телегу. Людей и скот, застигнутых в дороге, заносит так далеко, что и следов нельзя найти. Перед ветром слышен глухой шум, как перед землетрясением.

Жители Люкчуна также рассказывают о невероятной силе ветра, срывающего с гор щебень в таких массах, что кажется точно идет каменный дождь; шум и грохот заглушают рев верблюдов и крики человека и наводят ужас даже на бывалых людей. Никто не в силах удержаться на ногах, ветер даже опрокидывает ар-

бы и уносит на десятки шагов. Известны случаи гибели целых караванов.

И все-таки, как сообщал путешественник Роборовский, не так давно через эту местность пролегла колесная дорога и на ключах и колодцах имелись станции. В начале XIX века по этой дороге шел казенный караван из Пекина, везший серебро в Восточный Туркестан, его сопровождали войско и чиновники. Поднялась страшная буря и разметала весь караван; посланные на поиски отряды не нашли никаких следов. Тогда по поручению богдыхана все станции были разрушены, колодцы закиданы камнями, а дорога наказана бичеванием цепями и битьем палками, а чиновникам, войскам и всем едущим по казенным делам было строго запрещено пускаться по этому пути (...).

Роборовский/.../ видел разрушенные станции и засыпанные колодцы, кости верблюдов и лошадей, испытал бурю, во время которой галька величиной с кедровый орех, поднятая ветром, больно била в лицо. Чтобы не унесло юрту, пришлось привязать ее к выюкам. Он отметил, что обрывы гор, сложенные из красных глин, разрушены и расчленены ветрами на странные формы, не поддающиеся описанию; местность страшно изборождена, изрыта и расчленена на столовидные высоты и глубокие котловины...

В начале второго участка дорога, постепенно приблизившаяся по пьедесталу Тянь-Шаня к предгорьям его, пересекает длинный отрог скалистых гор, протянувшийся на юго-запад в глубь пустыни и состоящий из двух десятков отдельных гряд (...). Мы ночевали на ключах, не доезжая этого отрога (...), пересекли весь отрог и выехали затем в обширную впадину Дун-иен-дже, ограниченную с севера самим Тянь-шанем (...).

Эта впадина достигает 40—45 км длины с востока на запад и от 5 до 10 км ширины с севера на юг (...).

В этой впадине также свирепствуют бури, срывающиеся с холодных высот Тянь-Шаня. Нам рассказывали, что лет десять тому назад со станции Цзи-ге-цзин-зе в восточной части впадины выехал обоз из 15 китайских телег. На станции предупреждали, что надвигается сильная буря, но китайцы ответили, что в телегах она им не страшна, и уехали. Но на следующую станцию Чоглу-чай они не прибыли. Очевидно, буря смела телеги, животных и людей вдоль подножия Чоглучайской цепи гор и погубила всех.

Мы сами испытали на третий день пути по впадине сильную бурю. С 6 часов утра поднялся сильный ветер с запада-северо-запада; к 9 часам он достиг такой силы, что трудно было держаться в седле, а при сильных порывах лошадь шаталась и сворачивала с дороги: мы шли на юго-запад, так что ветер был не встречный, а боковой. Даже завьюченные верблюды пошатывались при порывах и останавливались. Я пробовал бросать вверх камни в 1—2 фунта весом; обратно они падали не вертикально, а под углом в 60—70 градусов, а плоские плитки буря сносила на 10—20 м в сторону (...).

О силе ветров свидетельствовали также грядки, попадавшиеся на дне впадины на голой почве пустыни или солончака между зарослями. Эти грядки состояли из гравия и мелкой гальки величиной от 2 до 6 мм, достигали высоты 30 см и представляли гигантскую рябь, наметенную ветрами, переносившими не только песок, но и камешки указанной величины. Во время бури воздух над впадиной наполнился пылью, которая вздымалась столбами с голого солончака центральной части и с песчаных бугров среди зарослей, тогда как на окружающей пустыне, давно уже выметенной ветрами, только более сильные вихри вздымали небольшие столбы пыли.

Из этой впадины дорога переваливает по ущелью через отроги Тянь-шаня в другую впадину — Си-иен-чже гораздо меньшей величины, но также с солончаком посередине, окаймленным зарослями тростника с лужицами соленой воды, но без деревьев. Склоны этой впадины представляли необычайно сильное развитие пустынного загара, покрывавшего все скалы, обломки и щебень твердых коренных пород. На этом мрачном черном фоне выделялись только холмики у подножия гор, состоявшие из желтых глин и рыхлых песчанников, на которых загар в связи с их мягкостью и легкой разрушаемостью развиваться не может. Этот загар очень удручает геолога, так как совершенно скрывает под собой все разнообразие строения гор, которое в виду обнаженности склонов было бы легко быстро установить. А при загаре приходится облазить весь склон, отбивая молотком шаг за шагом выступы пород, чтобы увидеть их цвет и состав.

Это необычайное развитие загара на южном склоне Тянь-шаня я также ставлю в зависимость от силы и обилия бурь в этой области: пылинки, переносимые ветром, полируют загар и сообщают ему его блеск.

Из этой впадины (...) дорога выходит по длинному и

извилистому безводному ущелью, пересекающему передовую цепь Тянь-Шаня (...), направляясь на юго-запад... Пьедестал в начале сильно расчленен оврагами и сухими руслами на столовые высоты, усыпанные щебнем и галькой, но далее, к югу, представляет черную пустыню (...). Растительность состоит из редких и мелких кустиков по неглубоким сухим руслам, слегка врезанным в поверхность пустыни, тогда как промежуточные между ними площади в сотни и тысячи квадратных метров совершенно голые. Усеивающие их галька и щебень сплошь покрыты черным блестящим загаром, и при взгляде на запад или юг под косыми лучами поднявшегося солнца поверхность пустыни сверкала миллионами синеватых огоньков, а при взгляде на восток против солнца, она подавляла своим мрачным цветом (...).

За день мы спустились по пьедесталу незаметно на целых 700 м. Только на следующий день пьедестал кончился (...) довольно высоким обрывом и откосом, у подошвы которого выбиваются ключи. Тут дорога спустилась в широкую впадину, ограничивающую с севера длинную цепь плоских холмов и увалов Чиктым-таг, сложенных из третичных песчаников и конгломератов. Благодаря выходам этих пород во впадине появляется вода в виде ключей, питающих несколько оазисов и образующих даже ручейки, текущие на юг по долинам, промытым в Чиктым-таге (...).

По этой впадине (...) мы шли этот и следующий день. Затем Чиктым-таг кончился, и от подножия черной пустыни на юг протянулся большой оазис городка Пичан, орошаемый более обильной речкой, образуемой ключами из-под толщи наносов. Обширные заросли разных трав, колючки тростника, рассеянные среди них отдельные пашни, фанзы, группы деревьев занимают большую площадь, которая протягивается на юг до подножия высот Кум-тага. Ради посещения последнего мы остановились среди зарослей недалеко от его подножия, и я сделал пешком экскурсию в глубь его. Оказалось, что Кум-таг действительно представляет собой целые горы из сыпучего песка, как показывает его название («кум» — песок, «таг» — гора, хребет). Они поднимаются на 150—200 м над оазисом и состоят из огромных сложных барханов, занимающих обширную площадь длиной с запада на восток около 60 км и шириной с севера на юг около 40 км, заполняя значительную часть западного конца огромной впадины, которая отделяет пьедестал Тянь-

шаня от поднятия Бей-шаня и его западного продолжения — Курук-тага. Эти барханные горы сыпучего песка совершенно голые, лишенные растительности, которая появляется только на северной окраине их. Вдоль северного подножия Кум-тага тянется пояс бугристых песков обычной высоты в 5—10 м, которые кажутся карликами по сравнению с самим Кум-тагом (...).

Это огромное скопление сыпучего песка скорее всего продукт бурь, дующих в «долине бесов», расположенной непосредственно к востоку от Кум-тага. В этой долине, как мы уже знаем, происходит сильное развевание мягких глин и песчаников частыми бурями. Песок уносился бурями на запад и юго-запад и постепенно накопился, заняв огромную площадь.

Дорога из Пикчана в следующий оазис, Люкчун, протекает по долине, ограниченной справа обрывами скалистой гряды Сыр-кып-таг, а слева — барханными горами Кум-тага. Люкчунский оазис расположен на речке, прорывающей Сыр-кып-таг. В этом оазисе я хотел посетить метеорологическую станцию, устроенную экспедицией Роборовского на два года, чтобы выяснить климат обширной впадины, открытой еще экспедицией Грум-Гржимайло в этой части подножия Восточного Тянь-шаня (...).

По наблюдениям метеорологической станции, абсолютная высота этой части впадины к югу от оазиса Люкчун оказалась около 17 м ниже уровня океана, а самая глубокая часть впадины с озером Боджанте, по нивелировке, выполненной Роборовским, достигает 130 м ниже уровня океана (с вероятной ошибкой в 25 м). Эти наблюдения подтвердили, что в центре материка Азии поверхность земли значительно вдавлена в виде крупной впадины ниже уровня океана (...).

В программе моей экспедиции стояло также изучение группы Богдо-ула в Восточном Тянь-шане, которую не посещал еще ни один геолог. Но выполнить эту задачу я был не в состоянии. Шла вторая половина сентября, и в Богдо-ула выпал уже глубокий снег, так что идти в глубь гор было слишком поздно (...).

Приходилось думать только о том, как доехать скорее до Кульджи (...).

Два года продолжалась экспедиция. 27 сентября (9 октября) 1892 года Обручев вышел из Кяхты, а 10 (22) октября 1894 года прибыл в погра-

ничный китайский город Кульджу. За это время, как подсчитал сам Владимир Афанасьевич, было пройдено в общей сложности 13 тысяч 625 километров. На протяжении 12 тысяч 705 километров проводилась планомерная геологическая съемка, собранная коллекция включала в себя 7000 образцов, в том числе 1200 отпечатков ископаемых животных и растений.

Единственный спутник его — Цоктоев — не оправдал, к сожалению, надежд. Его пришлось рассчитать и отправить в Кяхту. Фактически все эти два года Владимир Афанасьевич был совершенно одинок в чужой стране. И все экспедиционные заботы почти полностью лежали на нем.

«Я настолько устал от двухлетней, почти непрерывной работы, что уже на пути от Сучжоу приходилось заставлять себя вести правильно наблюдения... Многие предметы снаряжения пришли в негодность, как, например, обувь, которую уже в Люкчуне кое-как починили туземные сапожники, или были израсходованы, как, например, записные книжки, тетради и бумага, так что еще недели две работы — и мне буквально не на чем было бы записывать наблюдения и вести дневники...»

И еще: «Пожалуй, больше всего я страдал от своего одиночества: ведь кругом меня не было ни одного русского человека. Долгие месяцы я был оторван от родины, не мог получать даже известий от своей семьи. Иногда бывало очень тяжело и тревожно. Только горячий интерес к работе, страсть исследователя помогали мне преодолевать все лишения и трудности».

Общая протяженность маршрутной топографической съемки составила 9432 километра. С помощью анероида и гипсотермометра было определено 838 абсолютных высот. Более пяти с половиной тысяч километров Обручев прошел по местам, до него не посещавшимся европейскими путешественниками.

Главным географическим результатом работ стало, пожалуй, обследование Наньшаня. Несколько раз пересек Владимир Афанасьевич эту горную страну. На картах появились хребты Русского географического общества, Мушкетова, Семенова, Потанина, Зюсса.

Оживленную дискуссию вызвали взгляды Обру-

чева на происхождение лесса — читатель уже познакомился с ними.

Не стоит говорить о многочисленных теориях образования лесса, существовавших до Обручева, — их количество уже тогда превышало десяток. И не стоит утверждать, что эоловая теория Обручева стала общепризнанной.

Более того, собственные его взгляды менялись со временем. Владимир Афанасьевич постепенно признал, что в образовании лесса могли принимать участие и вода, и почвообразовательные процессы, что «в Азии образование толщ лесса ясно связано с оледенениями». Но главная мысль эоловой гипотезы оставалась неизменной — тонкие пылевидные продукты выветривания переносятся вместе с песком господствующими ветрами и откладываются уже за поясом песков, где сила ветра окончательно иссякает.

К настоящему времени насчитывают уже более семидесяти (!) гипотез о происхождении лесса. Но не существует даже общепризнанного определения термина «лесс». Ученые спорят: порода это или почва?

Однако на каких бы позициях ни стоял автор очередной статьи о лессе, он непременно процитирует работы Обручева. «Все его выводы о роли ветра прошли жесткую проверку — временем и стали незыблемой классикой», — пишет геолог В. А. Друянов в своей книге об Обручеве...

Вернувшись из экспедиции в Китай, Владимир Афанасьевич и сам, пожалуй, не заметил, как из скромного провинциального геолога он начал становиться ученым с мировой известностью. Еще до его возвращения в «Известиях Русского географического общества» были опубликованы восемь его писем, предварительных отчетов. А потом — год за годом — все новые и новые статьи.

В 1894 году Русское географическое общество присудило В. А. Обручеву премию имени Пржевальского, в 1898 году Парижская академия наук — премию имени Чихачева. А в 1901 году двухтомный труд Владимира Афанасьевича о его путешествии по Центральной Азии был удостоен высшей награды Русского географического общества — Константиновской золотой медали.

Особенно большой интерес, а в дальнейшем большой резонанс вызвала одна из находок Обручева, сделанная еще в самом начале экспедиции — в пустынях Внутренней Монголии.

Рихтгофен считал, что в третичное время на месте пустынь плескалось огромное внутреннее море Хан-хай. Это мнение было общепризнанным, ни у кого не вызывало сомнений.

«Я нашел какие-то острые и длинные кости, — писал Обручев, — и, конечно, подумал, что это кости какой-то неизвестной рыбы, жившей в этом море».

Открытие могло бы и не состояться, если бы на месте Обручева оказался другой, менее педантичный, менее «въедливый» исследователь.

Боясь ошибиться в своих предположениях, Владимир Афанасьевич послал обломки известному австрийскому геологу, президенту Венской академии наук Эдуарду Зюссу.

Ответ не заставил себя ждать:

«Позавчера пришла маленькая посылка — № 2 и сегодня большая — №1. Мне надо рассказать Вам нечто весьма неожиданное... Удалось некоторые обломки зубов соединить, и выяснилось, что они, без всякого сомнения, принадлежат большому травоядному наземному млекопитающему... Может быть, удастся в ближайшие дни соединить еще несколько обломков и получить еще более точные результаты... Но для понимания Гоби эта вещь очень важна».

Три недели спустя Зюсс пишет вновь:

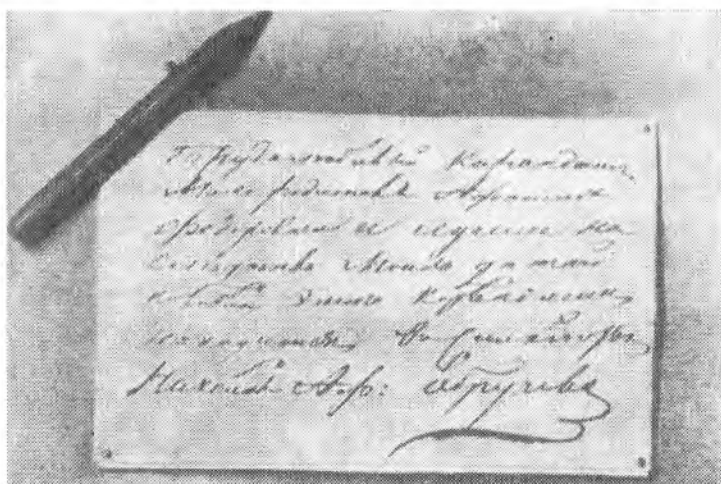
«Это, без сомнения, носорог, и, также без сомнения, это пресноводные отложения, которые, наверно, не старше среднетретичного возраста. Это чрезвычайно замечательно, и Вы доставили этой неожиданной находкой очень существенный материал для дальнейшего понимания Гоби, во всяком случае, в направлении, мною совсем не ожидавшемся».

Многие годы спустя американские и советские палеонтологи обнаружат в пустыне Гоби — именно там, где указал Обручев — целое кладбище останков ископаемых животных — титанотериев, динозавров, пресмыкающихся, даже целые гнезда окаменевших яиц. Но вопрос о существовании третичного моря в центре Азии будет уже безоговорочно решен той самой первой находкой Владимира

Владимир
Афанасьевич Обручев
после возвращения
из экспедиции по
Центральной Азии.
Декабрь 1894 г. —
март 1895 г.

«Трудолюбивый
карандаш» уже без
малого два столетия
передается по
наследству в семье
Обручевых.

Дед — Александр
Афанасьевич Обручев.

Бабушка — Эмилия
Францевна
(урожденная
Тымовская).

Отец — Афанасий
Александрович.

Мать — Полина
Карловна
(урожденная Гептнер).

Клепенино,
1862 год.
Эмилия Францевна
положила руку
на плечо
дочери — Марии
Александровне.
Стоит — Петр
Иванович Боков.
На траве —
Владимир
Александрович
Обручев.

Иван Васильевич
Мушкетов — Учитель.

Петербург, конец августа 1888 года. Елизавета
Исаакиевна с сыном Володей перед отъездом
в Сибирь.

Барханный ландшафт.

**Григорий Николаевич
Потанин.**

1892 год, Иркутск. Горный инженер —
В. А. Обручев.

Караван в пустыне.

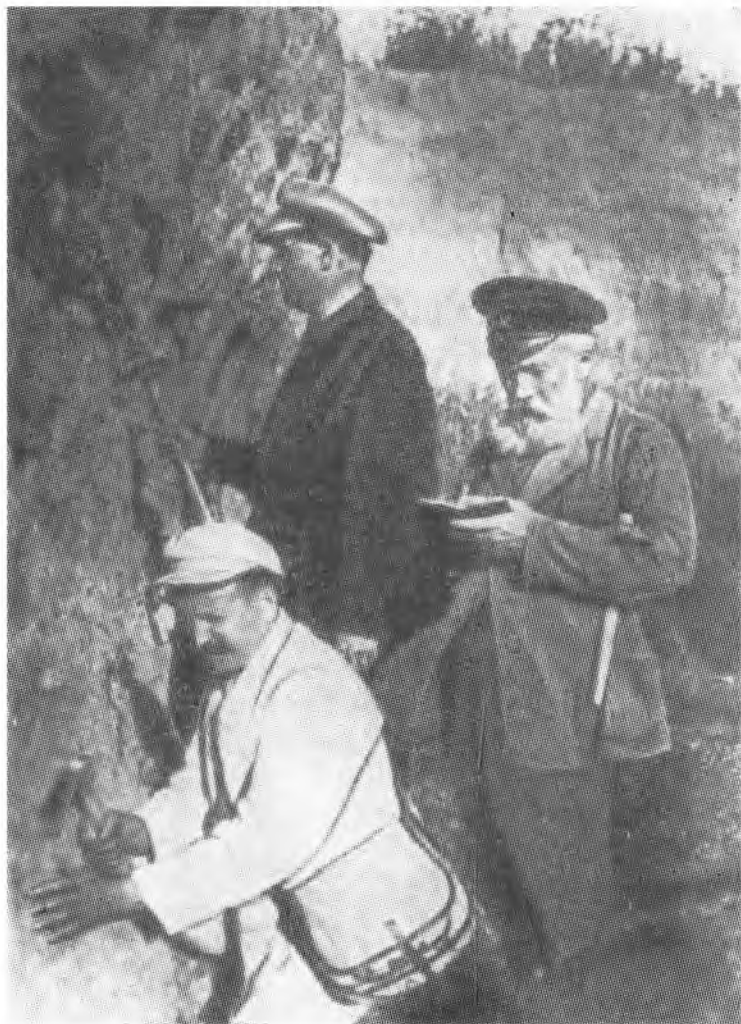
В. А. Обручев в Китае.

**Томский
технологический
институт.**

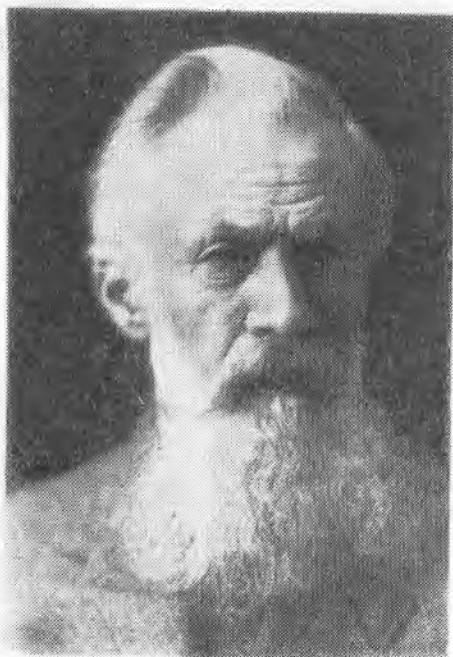
**В кабинете.
1912—1914 гг., Москва,
Калошин переулок.**

На обнажении.

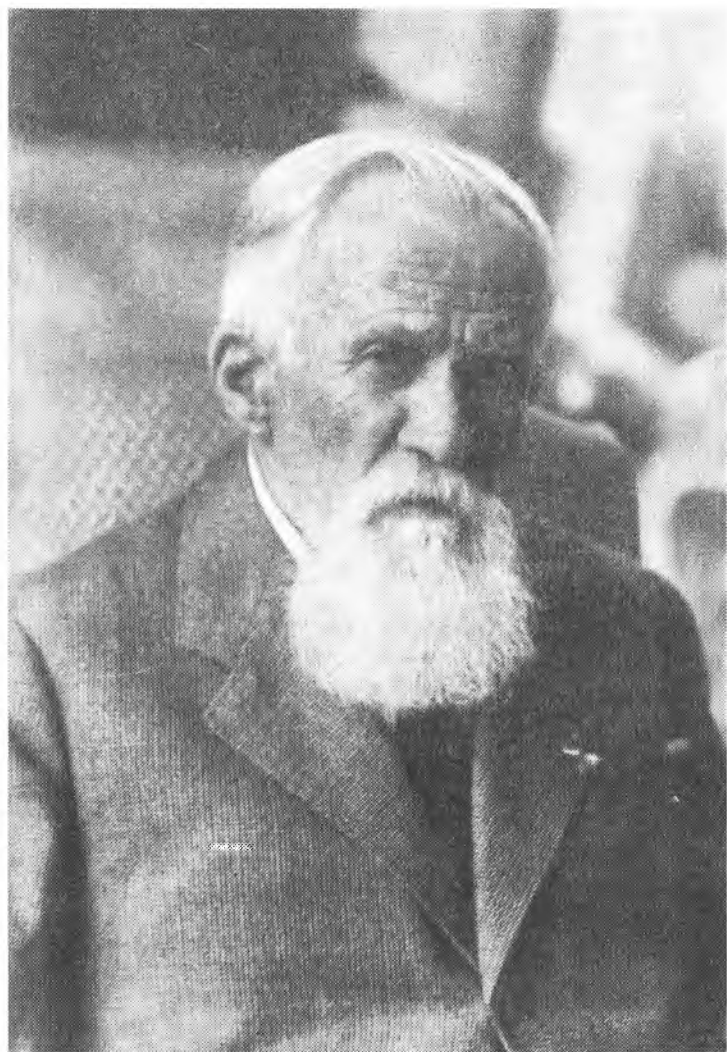
Сибирскому Отделению Геологического
Комитета

В. В. Вульф

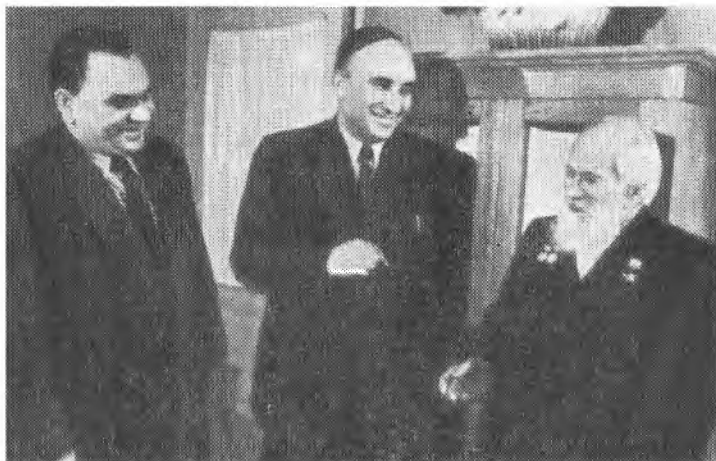

Сорок лет тому назад - в 1888г. - я был первым
и единственным штатным сибирским геоло-
гом. Теперь в Сибирь работают десятки
молодых сам и геологов великой страны
дающих огромные успехи. Шлю сердечный
привет сибирским товарищам. /- 1928

1928 год.

1948 год.

Поздравить Владимира Афанасьевича с девяностолетием приехали в Можжинку президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов и ученый секретарь академик А. В. Топчиев.

1954 год. Внучка — Наталья Владимировна Обручева — ныне кандидат биологических наук.

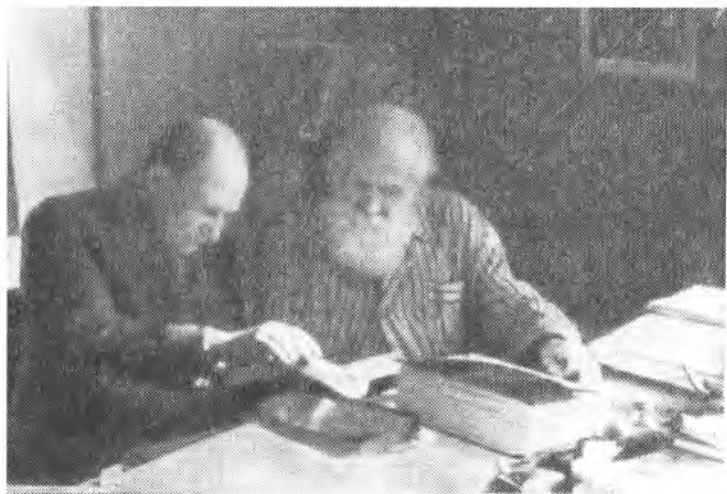

2
Дорогие друзья!
В день Вука Караджича, старейшего русского
университета, мне хочется высказать всем
уважаемым и уважаемым геологическому факультету
искренние приветствия и пожелания, поддерживать
и в новом столетии славы трудящихся научной и
учебной работы, устанавливающей в Московском
университете уже со времен первого русского мо-
лодого - великого Ломоносова в годы организации
Петра Великого всей государственной жизни
новых начинаний, созидания науки и труда.
Желаю всем уважаемым и уважаемым сохранять много-
тупо активные и энергичные стремления постоянно
улучшаться и совершенствоваться в своем творческом
своей научной работе, по усовершенствованию и дальнейшему
развитию новых достижений во всех областях
научных призывающих к прилежной деятельности
Инициалы молодежи должны брать пример в том
отношении с выдающимися учеными, укрепившими
надежно состав геологический факультет - академика
В.И. Вернадского, профессоров А.И. Павлова и его
ученики Ч.В. Павлова, А.Д. Архиповича и не-
мало забывая также о работе ученых прошлого
столетия, как исследователи Алтая и Урала Г.Е.
Шууровские и др.

Всем уважаемым геологическому факультету
желаю успехов многим с отличием, к окончанию
курса учиться и продолжать и в новом (т.е. в на-
стоящем) столетии с той же любовью, энергией и упорной деятель-
ностью, поддерживая на первом месте в Советском
Союзе науки и техники, геологическому факультету
Московского Университета.

7 мая 1955г. Академик В.А. Обручев.

Обращение к студентам-геологам Московского
государственного университета.

Последняя фотография. Мозжинка, 1956 год.
Владимир Афанасьевич и Владимир
Владимирович Обручевы.

Афанасьевича — море Хан-хай никогда не существовало!

Переписка Обручева с Зюссом началась еще в 1891 году и продолжалась почти четверть века.

Эдуарда Зюсса по праву считают одним из основоположников современной геологии. Его многотомную монографию «Лик Земли» сравнивают с такими эпохальными трудами, как «Космос» Александра Гумбольдта и «Происхождение видов» Чарльза Дарвина.

Как раз в те годы Зюсс готовил к печати том, посвященный Азии, и Владимир Афанасьевич еще в рукописях, корректурах посылал ему свои рефераты, статьи, карты. К сожалению, мы не можем процитировать письма Обручева: архив прославленного австрийского геолога погиб во время второй мировой войны. Но в архиве Владимира Афанасьевича сохранились письма Зюсса, которые дают представление о содержании их переписки, о вкладе Обручева в Азиатский том монографии.

3 апреля 1893 года: «Вашим любезным письмом из Пекина от 9 января Вы доставили мне большую радость и сообщили весьма интересные сведения.

Я благодарю Вас сердечно, что Вы в этой дали сохранили память обо мне, и радуюсь Вашим выдающимся достижениям...

Теперь я составляю карту основных линий азиатской горной системы, и любое любезное сообщение имеет для меня величайшее значение... Я пожелаю Вам счастливого выполнения работ Вашей великой экспедиции. Я не знаю, где это письмо Вас застанет, но будьте уверены, что Ваши коллеги-геологи следят за Вашими работами с большим интересом и сердечным признанием».

17 января 1894 года: «Эти строки имеют целью с благодарностью подтвердить получение Вашего столь содержательного письма из Сучжоу от 2—4 сентября... Раньше чем через год я не опубликую своего труда, но Ваши любезные сообщения позволили мне в процессе моей работы находиться все время на высоте современных исследований Азии... Мне хочется поблагодарить Вас от всего сердца и пожелать счастья в исследованиях Наньшаня, которые, несмотря на все путешествия предшествовавших ученых, столь плодотворны, что обеспечивают Вам заслуженное и выдающееся место в

истории географии в ряду исследователей Центральной Азии на все времена. Вы достигли этой цели в молодые годы, и наша наука должна еще многое ожидать от Вас. Я бы хотел, чтобы Вы повсюду, на Вашей родине и вне ее, получили признание, которое Вы заслужили своими выдающимися работами».

5 ноября 1894 года: «Вчера мне было очень приятно получить через Пекин Ваше любезное письмо из Сучжоу... Надеюсь, что Вы уже счастливо достигли Петербурга. Там, конечно, Ваши специалисты не откажут Вам в том признании, на которое Вам дают право Ваши исключительные достижения. Между исследователями Центральной Азии теперь имя Обручева будет во все времена называться в числе первых, и своим путешествием Вы создали славу не только себе самому, но и Вашему народу...

Тем, что Вы дали одной из крупных азиатских цепей мое скромное имя, Вы доставили мне большую радость и отметили столь особенным отличием, что, по правде, я не знаю, как Вас благодарить, чтобы выразить вполне мои чувства. Я рассматриваю это как величайшую честь для себя и как ценнейшую награду, подобной которой я до сих пор еще не получал. Она будет в моей старости высоким поощрением за истекшие годы моей работы».

2 мая 1896 года: «После того как я недавно так нерешительно спрашивал Вас о связи Хамар-Дабана и Саянского хребта к югу от Байкала, я обязан Вам сегодня сообщить, что мне после долгих поисков удалось найти молодого человека, который хорошо говорит по-русски и немецки, так что при его помощи я ознакомлюсь с русской литературой... Мне теперь многое сделалось ясным, что я раньше не понимал. С удивлением слежу я за объяснениями Черского и Чекановского и счастлив разнообразными данными, в то время как до сих пор был ограничен сведениями из скудных немецких и французских резюме.

Ваши любезные письма о Забайкалье имеют для меня еще большее значение; наконец-то исполнились мои многолетние стремления, долго остававшиеся без результата, — ознакомиться с замечательными трудами русских специалистов. Конечно, это требует терпения и времени, но я каждый день все глубже проникаю в сущность предмета, и интерес мой растет с каждым отрывком».

22 июня 1898 года: «Я получил Ваше содержательное письмо от 12/24 мая и недоумеваю, как я должен выразить Вам свою благодарность за столь обильные и любезные сообщения...

Ваше послание не могло прийти более своевременно: я только что заказал в Лейпциге вычертить речную сеть части Центральной Азии... и подготовить ее гравировку, чтобы нанести главные линии. А теперь я получил Ваши важнейшие дополнения.

Так как Вы любезно обещаете мне, что осенью Вы предполагаете прислать еще дальнейшие сообщения о Чите, то я решил окончание моей карты отложить до этого времени; то, что Вы сообщаете об отклонении разлома Яблонового хребта в направлении Малханского хребта, так интересно и неожиданно, что каждая новая деталь будет важна».

3 сентября 1898 года: «Я принял полностью Ваши взгляды на дизъюнктивные линии в этой области и позволил себе нанести большую часть Ваших линий на карту основных структурных линий Внутренней Азии, которая находится в работе... С величайшим интересом ожидаю Ваши дальнейшие любезные сообщения...»

4 августа 1899 года: «Последние присланные мне корректурные листы «Китая» долго ждали меня, так как я сам совершил маленькую поездку...

Можете ли Вы сообщить мне на открытке, лежит ли вулкан Мушкетова или вулкан Обручева к западу от Витима? Я отметил только, что по обе стороны колена есть по вулкану».

14 октября 1899 года: «Вы мне опять доставили много радости. Прежде всего я должен поблагодарить за доклад и карту. ...Во-вторых, спасибо за новые корректурные листы. Я очень рад, что у меня есть Алашань...

Благодарю также за интересный китайский лист XXI. Когда я получил его, я был несколько удивлен формой Сулайхэ и искаженным южным очертанием Бейшаня. Ваше любезное письмо успокоило меня. Гранитную топографию я также получил и благодарю за нее».

13 февраля 1900 года: «Вы так любезны и дружелюбны ко мне, что все мое письмо должно превратиться в благодарность. Я благодарю Вас сердечно за конец (корректур) 1-го тома «Китая», с окончанием которого я сердечно поздравляю, так же, как с началом 2-го, а также в высшей степени важным забайкальским

отчетом. Сейчас я погрузился целиком в альпийскую главу... Мне очень желательны Ваши дальнейшие сообщения о Хингане».

17 августа 1900 года: «Только что я получил листы 43—54 великолепного второго тома и сердечно благодарю. Ваш прекрасный опрокинутый профиль Алашаня в т. 1, а также все вплоть до Ланьчжоу я тщательно изучил. Ваши карты и, в частности, карта лессовой области Наньшаня были мне чрезвычайно полезны. Не будет ли это чересчур неучтиво с моей стороны, если я попрошу прислать какой-нибудь использованный оттиск карт к этим последним таблицам».

6 февраля 1901 года: «Я только что получил Ваши последние листы корректуры и таблицы и тороплюсь поблагодарить Вас. Вам удалось путем этой большой и серьезной работы уже в молодые годы стать в ряды важнейших исследователей Азии, оказать большие услуги нашей науке, повысить признание научной работы Вашей родины и обеспечить себе благодарность и высокое признание со стороны всех специалистов... Теперь никто не может говорить о структуре этой большой части света без того, чтобы не назвать Ваше имя».

Многие годы спустя академик Вернадский, вспоминая свои встречи с Зюссом, напишет академику Обручеву: «От него я слышал, что он считал том, посвященный России, больше Вашим, чем своим».

Надо только исправить небольшую ошибку Вернадского — том, о котором говорил Зюсс, был посвящен Азии в целом...

Вернувшись в ноябре 1894 года из Китая, Владимир Афанасьевич недолго пробыл в Петербурге. Уже в мае всей семьей вновь выехали в Иркутск — вновь пароходами по рекам, вновь по Сибирскому тракту.

Уже начиналась постройка Транссибирской железной дороги, и Владимир Афанасьевич, оставаясь геологом Иркутского горного управления, был назначен начальником Восточносибирской горной партии, которая должна была обследовать будущую трассу.

Четыре следующих полевых сезона прошли в маршрутах по Южному Забайкалью — до устья Шилки включительно. Вместе с двумя помощниками Обручев провел планомерную, хотя и не де-

тальную, геологическую съемку; были описаны главные месторождения полезных ископаемых — золота, железа, угля, который в первую очередь требовался для строящейся железной дороги.

Конечно, Обручева интересовали и общие вопросы геологии Забайкалья. Как считал Зюсс, весь этот район представляет собой некий первичный участок земной коры — «Древнее темя Азии». Геологические данные, собранные к тому времени, свидетельствовали о полном отсутствии морских отложений в этом районе. Следовательно, высокое нагорье Забайкалья за всю геологическую историю никогда не затоплялось морем. По мнению Зюсса, при позднейших складчатых движениях к этому нагорью присоединялись более молодые горные цепи — алтаиды, которые постепенно наращивали площадь Азиатского материка.

Подытоживая собственные наблюдения в Забайкалье, Обручев писал:

«Отсутствие палеозойских морских отложений позволяет думать, что вся область после образования складок из архейских (то есть древнейших) и метаморфических пород осушилась, больше не затоплялась морем, а подвергалась разломам, которые расчленили ее поверхность на возвышенности (горсты) и впадины (грабены). По трещинам разломов в разное время прорывались вулканические излияния. Во впадинах некоторое время существовали большие озера, в которых отложилась угленосная толща; она была нарушена только слабыми складкообразовательными движениями, а больше — разломами, по которым изливались базальты. В четвертичное время во впадинах опять образовались большие озера, воды которых заливали склоны горных цепей на значительную высоту; они представляли целую сеть, имевшую сток в Байкал, уровень которого стоял значительно выше современного, что обнаружил уже Черский. По этой сети озер в Байкал могли пробраться жители моря: тюлень, губка и др., появление которых в пресном озере, расположенном среди обширного материка, иначе трудно объяснить.

В общем, наши наблюдения в Селенгинской Даурии как будто подтвердили вывод Черского относительно большой древности этой области, отсутствия в ее пределах палеозойских и более молодых морских отложе-

ний и ее вхождение в состав высокого плоскогорья, которое с востока... ограничено Яблоновым хребтом; было выяснено большое развитие угленосных третичных и четвертичных отложений, а высокое залегание последних на склонах согласовалось с его выводом о прежнем, более высоком уровне Байкала. Среди новых данных наибольшее значение имели наблюдения относительно распространенных разломов и вертикальных движений земной коры, создавших современный рельеф, а также связанных с ними излияний вулканических пород (...).

На основании всех имеющихся данных нужно думать, что Селенгинская Даурия в вышеуказанных границах представляет очень древний участок материка Азии, сложенный из докембрийских отложений, подвергшихся складчатой дислокации в конце докембрия. С тех пор, с начала палеозоя, эта область оставалась сушей и подвергалась вертикальным движениям. Ее древние складчатые хребты были уже размыты в течение палеозоя, в конце которого... эти движения в нескольких местах создали впадины, в которых образовались озера и отложились осадки, кое-где с углем, перемежаясь с обильным вулканическим материалом происходивших одновременно излияний и извержений. Рельеф, созданный этими движениями, к половине мезозоя был уже сглажен, и в конце юры новые движения того же типа опять создали впадины, еще более многочисленные, с озерами, в которых образовались угленосные отложения. Омоложенный рельеф снова сглаживался и еще несколько раз подновлялся вертикальными движениями в третичное и четвертичное время, сопутствуемыми излияниями базальта. Последние поднятия четвертичного времени вызвали оледенение высших цепей, во всяком случае двукратное.

Но интересный вывод, вытекающий из наличия молодых вертикальных движений, омоложавших рельеф Селенгинской Даурии, состоит в следующем: нахождение угленосных толщ на перевале железной дороги через хребет Цаган-дабан, слоистых галечников и песков высоко на склонах современных хребтов теперь уже нельзя считать доказательствами прежнего высокого стояния уровня вод как в мезозойских, так и в четвертичных озерах, заполнявших впадины между этими хребтами. Эти водные отложения при молодых поднятиях могли или даже должны были быть подняты выше

своего первоначального положения, и судить по их современному положению о высоте уровня озер, в которых они отложились, над дном современных долин, нельзя. И так как горные цепи, образующие раму оз. Байкал, принимали участие в молодых поднятиях, то вывод Черского о прежнем высоком уровне этого озера, сделанный на основании нахождения озерных песков и галечников на высоте до 330 м над современным уровнем, требует пересмотра с новой точки зрения...»

Древнее темя Азии — одна из проблем, которые интересовали Владимира Афанасьевича всю жизнь. Почти полвека спустя он писал: «Приходится отметить, что этот вопрос о древнем темени, главную часть которого составляет Селенгинская Давурия, до сих пор еще не решен окончательно, так как все позднейшие исследования этой области не смогли собрать достаточно материала для этого решения... Хотя на Витимском плоскогорье уже найдена морская фауна среднего докембрия, но временное затопление части древнего темени морем еще не доказывает отсутствия этого темени».

На протяжении многих десятилетий проблема древнего темени вызывала оживленные, даже ожесточенные споры. Порой Обручев был полемически резок: «...отсутствие этого темени еще никем бесспорно не доказано, и, пока этого не будет сделано, я не имею основания отвергать его».

Только после кончины Владимира Афанасьевича новые геологические данные позволили наконец решить этот спорный вопрос. По современным представлениям, древнее темя Азии никогда не существовало. И сам этот термин сдан теперь в архив истории геологии...

Осенью 1898 года Обручев возвращался в Петербург уже на поезде. Восточно-Сибирская партия полностью завершила свои полевые работы. Надо было заканчивать разборку геологических коллекций — забайкальских и китайских, надо было готовить к печати дневники путешествия по Центральной Азии...

«Петербургский период» длился три года. Обручев побывал в Вене, наконец-то лично познако-

мился с Зюссом. В 1899 году принимал участие в работе VII Международного географического конгресса, а год спустя — в работе VIII Международного геологического конгресса. Вышли в свет два тома его «Дневников», удостоенные Золотой медали Русского географического общества.

Весной 1901 года Владимир Афанасьевич получил неожиданное предложение — возглавить кафедру геологии и стать деканом горного отделения, которое создавалось в только что распахнувшем двери Томском технологическом институте.

Дважды уже предлагали ему перейти на преподавательскую работу — в Москве, в Петербурге, но он отказывался.

«К преподавательской деятельности у меня большой склонности не было и возникало опасение, что профессура сильно затруднит мою исследовательскую работу, которая составляла уже основную задачу моей жизни. В этом отношении Е. Л. Зубашев (директор института. — А. Ш.) успокоил меня указанием, что летние каникулы давали возможность уезжать на полевые работы, а границы Центральной Азии, которая все еще привлекала меня, были от Томска только немного дальше, чем от Иркутска. В смете Томского технологического института имелись суммы на научные экспедиции.

Жена согласилась ехать в Сибирь... В отношении ученья сыновей, о котором уже приходилось думать, я узнал с удовольствием, что в Томске имелось реальное училище, так что не было необходимости отдавать детей в классическую гимназию, к которой я по личному опыту питал отвращение. Обдумав все «за» и «против», я дал свое согласие».

Как он мог не дать согласия, когда и горное отделение, и кафедра геологии должны были стать первыми в Сибири! Но...

Обручев, уже всемирно известный ученый, не имел до сих пор никаких ученых званий, кроме единственного — геолог. И это самое «но» чуть было не возникло.

«Всеподданнейший доклад Министра Народного Просвещения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа, согласно постановлению Совета Томского технологического института... ходатайствует о назначении состоящего при Главном

Горном управлении горного инженера, Надворного Советника Обручева и т. д. ординарного профессора по кафедре геологии названного Института.

ЗАКОН. На основании ст. 8... Положения о Томском Технологическом Институте на кафедры по предметам, для которых установлены ученые университетские степени, назначаются лица, имеющие ученую степень доктора.

СООБРАЖЕНИЯ. В силу сего закона горный инженер Обручев не может быть назначен профессором геологии в названный Институт. Усматривая, однако, что по отзыву специалистов о научных работах Обручева он является выдающимся геологом, знатоком Сибири и вообще Азии в геологическом и географическом отношениях и что благодаря его трудам, главным образом, и изучена геология Сибири, я находил бы возможным назначить горного инженера Обручева и. д. ординарного профессора по кафедре геологии...

ИСПРАШИВАЕТСЯ. Не благоугодно ли будет ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ **ВЫСОЧАЙШЕ** повелеть исполнить как предложено. Генерал-адъютант Ванновский».

Его императорскому величеству было, к счастью, благоугодно. В сентябре 1901 года в Томском технологическом институте появился новый и. д. ординарного профессора. Поясним — таинственное «и. д.» в переводе с канцелярского означает «исправляющий должность»...

Всего-навсего семь десятков горных инженеров насчитывалось к этому времени в Сибири. Бывая на рудниках, приисках, Обручев видел, насколько неграмотно велись зачастую работы. Разведкой новых месторождений, по существу, никто и не занимался.

Трудные задачи стояли перед деканом горного отделения. Все приходилось начинать действительно с нуля. Владимир Афанасьевич участвовал в разработке проекта здания, в котором должно было разместиться горное отделение. По его инициативе началось создание музеев — горного и отдельно геолого-минералогическо-палеонтологического, который, как писал Обручев, «явится первым в своем роде во всей Азиатской России».

Чуть ли не впервые в России в Томском техно-

логическом институте была введена узкая специализация на старших курсах. На горном отделении: горная (рудничная), металлургическая, маркшейдерская и по предложению Обручева разведочно-геологическая.

Перед последним курсом учебная программа предусматривала геологическую практику. Кажется, тоже впервые в России. Практика проводилась в районе знаменитых Красноярских Столбов. Студенты, разделившись по парам, проводили самостоятельные маршруты и составляли геологическую карту района.

В качестве дипломной работы студенты-геологи должны были выполнить петрографическое описание коллекции горных пород определенного типа или района, или провести разведку какого-либо месторождения полезных ископаемых.

Для наглядности обучения Владимир Афанасьевич лично изготовил и раскрасил пять с половиной тысяч (!) диапозитивов, которые демонстрировались во время лекций с помощью «волшебного фонаря». Сам Обручев читал физическую геологию, петрографию, геологию рудных месторождений. Впервые ввел он в программу обучения курс «Полевая геология».

«Необходимым условием успешной работы геолога в поле, помимо его личных качеств как исследователя, является соответствующее снаряжение — прочное, удобное и полное...»

Сегодня, может быть, даже наивными кажутся некоторые строки вводной части курса:

«Геологический молоток является самым необходимым орудием геолога. Наиболее употребителен и практичен следующий фасон: один конец головки молотка тупой, другой заострен клином...

Наиболее удобен формат записных книжек: 9 или 10 см ширины, 12—13 см длины и 1 см толщины...»

Но ведь все это — и оптимальную форму геологического молотка, и наиболее удобные размеры полевого дневника или мешочков для геологических образцов — все это установил патриарх советских геологов Владимир Афанасьевич Обручев.

«Весь его богатейший полевой опыт, — пишет

биограф, геолог по профессии, — был обобщен и изложен в виде курса «Полевой геологии» — обширного свода правил и приемов работы в пустыне, тайге и горах, осмотра, измерения и зарисовки обнажений, классификации палеонтологических находок и т. д. Сегодня редко кто из сотен тысяч геологов страны знает, что большинство этих приемов внедрил в практику Обручев. Не все их он изобрел, не все придумал, но первым обобщил и классифицировал, выделил как самостоятельную область геологических работ и стал им обучать студентов».

За всеми этими учебными делами, за административными хлопотами не так-то легко было обратиться в поле самому. Но все-таки он трижды побывал в Пограничной Джунгарии — в 1905, 1906 и 1909 годах.

Еще Зюсс при первой их встрече обратил внимание Обручева на Джунгарию:

«Вот область Центральной Азии, о строении которой ничего не известно. На карте здесь нанесены горные цепи, но принадлежат ли они еще Алтаю или относятся уже к системе Тянь-шаня — никто не может сказать определенно. Здесь эти две огромные горные системы соприкасаются. Сюда следовало бы послать русскую экспедицию. Ведь эта местность так близка к вашей границе с Китаем, что туда нетрудно попасть».

Некоторые трудности были, но русским консулом в Джунгарии оказался, к счастью, бывший переводчик русского консульства в Кульдже, хорошо знакомый Обручеву. Разрешение китайских властей было получено, помощь в организации экспедиции — обещана.

Три полевых сезона провел Владимир Афанасьевич в Джунгарии. В первом путешествии с ним работал старший сын Владимир, в двух последних — любимый ученик Михаил Антонович Усов. Сын Сергей принимал участие во всех трех экспедициях, а проводниками неизменно были Гайса Мусин Мухарямов и его сын Абу-Бекир.

За три полевых сезона Обручев оконтурил и многократно пересек всю Джунгарию. Были открыты месторождения нефти, угля, золота, жилы особой разновидности самородного асфальта, ко-

торый позже назван в честь Владимира Афанасьевича — «обручевитом».

Еще об одном удивительном, в своем роде уникальном открытии рассказывает сам Обручев:

ЗОЛОВЫЙ ГОРОД

...Мы долго шли по равнине южного подножия Хара-сырхэ, составляющей длинный и полого понижающийся пьедестал этого небольшого хребта, сложенный из пролювия, вынесенного временными потоками из гор. Такие наклонные равнины, окружающие со всех сторон изолированные горные гряды или примыкающие с одной стороны к длинным хребтам, монголы называют «бэль» (...).

Этот длинный спуск привел наконец к широкой долине с крупными кустами и солончаковыми впадинами, в которых весной, очевидно, скоплялась вода. Миновав ее, мы начали подниматься на цепь Хара-арат; она параллельна Хара-сырхэ, но длиннее ее и тянется от р. Дям до р. Кобук. Это плоские скалистые горки и холмы с котловинами и долинами в промежутках между отдельными грядами и группами, с очень скудной растительностью и большим развитием черного лака пустыни. Мы долго шли по извилистой тропе на юго-запад, пересекая горы наискось, и только к закату вышли из них в местность совершенно другого характера. Она была сложена из песчаников и глин, но не таких пестрых, как юрские огложения, а желтоватых, розоватых и зеленоватых, лежавших горизонтально и расчлененных оврагами и ложбинами, похожими на улицы и переулки, на отдельные холмы с крутыми или отвесными боками, напоминавшими здания — дома, башни, столбы, отдельные стены в 3—4 м высоты. Мы ехали по этим улицам и переулкам, и нам казалось, что мы очутились среди развалин большого города. На стенах видны были как бы карнизы, и нередко в них торчали шарообразные камни, похожие на ядра, застрявшие при бомбардировке. Я вспомнил, что в старых стенах г. Ревеля* видел подобные ядра. Но некогда было останавливаться, чтобы изучать свиту этих пород и формы выветриванья. Солнце уже село, а, по словам Гайсы, до воды и корма было еще далеко.

* Ныне город Таллин.

Уже смеркалось, когда мы вышли из этих развалин в большую впадину, по которой были разбросаны большие бугры с кустами тамариска, очевидно, солончак. Здесь в сумерки среди бугров Гайса потерял дорогу, и пришлось ночевать без воды и корма. Развьючили ишаков, но не отпустили ни их, ни лошадей. Вода для людей у нас была с собой; мы сварили чай, но палатки не разбивали и улеглись, не раздеваясь, между выюками. Ночь была теплая и прошла спокойно. Чуть свет все были на ногах и пошли дальше. Скоро вышли из бугров на ровную голую площадь, которая весной была залита водой, судя по вязкости почвы, но через нее шла протоптанная тропинка. Если бы мы ночью пошли дальше без дороги, мы бы попали на топкие места и намучились с ишаками, которые вязли бы на каждом шагу.

За этой площадью началась густая растительность по долине р. Дям — высокая трава, кусты, рощи тополей. Долина имела больше километра в ширину и на западе была ограничена довольно высоким обрывом розоватого цвета, разрезанным крутыми оврагами и рытвинами. Под этим обрывом, по словам Гайсы, было русло реки; но он повел нас к одной из рощ на восточной окраине долины, где знал колодец. Это было удобно и для меня, так как с востока долину ограничивало продолжение тех «развалин», которые мы прошли в сумерки и не успели осмотреть. В роще мы нашли колодец, развьючились, поставили палатки. Но когда достали воду, она оказалась очень мутной, солоноватой и с сильным запахом тухлых яиц, то есть сероводорода.

Наши животные, ночевавшие без водопоя после длинного перехода, воду эту пили очень неохотно и мало. На дне колодца осталась густая вонючая грязь. Абубекир разделся, взял заступ и ведро и спустился в колодец, который имел около 2,5 м глубины. Всю грязь выбрали и затем вычерпали еще раз воду, которая набралась на место грязи. После этого вода стала такой, которую животные пили хорошо, а после их водопоя набравшаяся вода годилась и для нас; она чуть пахла сероводородом, но при кипячении этот запах исчезал.

В этой роще мы простояли дней пять. Большие тополя давали тень, корм и топливо были в избытке, а осадочная свита, слагавшая берега долины р. Дям и расчлененная на ее восточном берегу южнее гряды Хара-арат на странные формы, похожие на развалины, требовала изучения. Гайса называл эту местность Урхо, или Орху,

а я наименовал ее «эоловый город», то есть город, созданный эолом. Красивые или оригинальные формы выветриванья я встречал уже не раз во время своих путешествий, но такое обилие их на ограниченной площади и разнообразие форм я видел впервые и не жалел затратить несколько дней, чтобы изучить и описать их подробнее.

В течение этих дней мы налегке выезжали с утра со стоянки втроем с кем-нибудь из рабочих. Я фотографировал и описывал формы города, Усов и Сережа вели маршрутную съемку; в два или три часа пополудни мы возвращались, чтобы написать дневник, рассмотреть и определить образцы, вычертить съемку.

Отложения, из которых состоял этот эоловый город, представляли глинистые мелкозернистые песчаники и песчанистые глины более однообразных цветов — розоватого, серо-желтого и зеленоватого — и более мягкие, чем юрские породы, почему они легче подвергались выветриванью. Они содержали большое количество конкреций, то есть стяжений, богатых известью и потому более твердых, чем остальная масса. Эти конкреции, то шарообразные, похожие на крупные ядра для стрельбы из пушек, то неправильной формы и различной величины, а также более твердые прослои мергеля обуславливали появление карнизов, выступов и вообще разнообразных форм выветриванья. Отложения эти покрывали площадь в несколько квадратных километров, поднимаясь на востоке и юге очень плоской возвышенностью над остальной частью. Вся эта площадь была расчленена долинами и логами, похожими на улицы, переулки и площади разной величины, ограниченные массивами зданий, квадратных и круглых башен, длинных стен. Попадались формы, живо напоминавшие египетские сфинксы, обелиски, столбы, иглы, часовни, памятники. Кое-где в стенах торчали круглые конкреции, похожие на ядра, а на улицах часто блестели пластинки прозрачного бесцветного гипса, похожие на осколки оконного стекла, что еще увеличивало сходство с развалинами.

Улицы и переулки большей частью были совершенно лишены растительности и покрыты слоем рыхлой глинисто-песчаной почвы в несколько сантиметров толщины, в которой ноги оставляли глубокие следы. Эта почва представляла материал, сдутый ветрами и смытый дождями с похожих на здания выступов коренных

пород; с поверхности она была покрыта тоненькой, более твердой корочкой, результатом смачивания ее дождями и снегом. Некоторые более широкие улицы и некоторые площади представляли солончак с рыхлой соленой почвой в промежутках между бугорками, с кустиками солянок и других растений, растущих на соленой почве. Попадались также песчаные бугры с кустами тамариска, изредка деревья саксаула, кусты кандыма (...).

В улицах, лишенных растительности, никакой жизни не было, но при наличии растений попадались ящерицы, насекомые, мелкие птички, впрочем, в очень небольшом количестве.

Объезжая золотой город, мы каждый день находили новые формы и новые сочетания форм улиц и зданий, но поражались мертвой тишиной, скудостью жизни. Это была пустыня, но ее нельзя было отнести ни к одной из известных категорий пустынь — песчаных, глинистых, каменистых, гористых, так как она соединяла особенности всех этих категорий (...).

Возвышенность восточной части города обрывалась к центральной равнине откосом, разрезанным многочисленными ложбинами и напоминавшим большой замок, получивший название Замка хана. У его подножия совершенно отдельно возвышалась огромная квадратная башня, названная Бастилией. Эти здания выходили к западу на обширную площадь, совершенно голую и усыпанную щебнем и галькой, среди которых можно было собрать красивые образчики, отшлифованные песком.

Перед возвышенностью южной части мы увидели холмы, усыпанные черным щебнем и имевшие черные гребни. Я подумал сначала, что это выходят пласты угля, но осмотр показал, что это жилы своеобразного асфальта, получившегося при затвердевании нефти в трещинах, пересекающих свиту тех же отложений. Мы насчитали 11 или 12 жил мощностью от 2—3 см до 0,75—1 м и длиной до нескольких сот метров. Асфальт этот легко растрескивался на мелкие кусочки, которые и усыпали склоны холмов. Но вдоль жил песчаники этой свиты были пропитаны нефтью, то есть закированы, и гораздо лучше сопротивлялись выветриванию, чем незакированные. Поэтому холмы, содержавшие жилы, выделялись среди остальных и местами выдвигали целые плиты и грубые балки этих закированных пород. Эти

жилы асфальта, круто пересекавшие осадочную свиту, лежавшую горизонтально, позволяли думать, что в глубине имеется залежь нефти. Мы увезли много проб этого асфальта. На стоянке пробовали жечь его на костре; он загорался хорошо, горел сильно коптящим пламенем и при этом расплавлялся. Его изучение позже показало, что это новый вид асфальта — он совершенно черный, сильно блестящий, с зернистым изломом и нехрупкий. Специалист, изучавший жильный асфальт, назвал его обручевитом — по имени открывателя месторождения. Асфальт холмов был известен(...). Асфальта жил никто не знал до нашего путешествия; он является прекрасным материалом для изготовления особых лаков.

В другом месте среди площади с кустами разного рода возвышался изолированный холм, очень похожий на небольшую часовню, а вокруг него расположились остатки холмов, похожих на надгробные памятники и саркофаги.

В самой долине р. Дям, недалеко от рощи с нашей стоянкой, была другая роща, возле которой возвышался уединенный холм столовой формы, похожий на китайское сооружение — глинобитную стену, окружающую небольшое селение или хутор. Сходство усиливалось еще тем, что наверху в одном месте имелось возвышение, похожее на дымовую трубу, а в другом — монгольское «обо» из хвороста. На карте к описанию путешествия в Тибет М. В. Певцова, экспедиция которого(...) при возвращении прошла вдоль р. Манас, мимо оз. Телли-нор и затем вдоль р. Дям, в этой местности (Орху) показан «форт». Но мы не видели здесь никакого форта, то есть крепости, и постройка укрепления вдали от границы и городов, в оазисе, населенном только немногими(...), и на окраине пустыни в стороне от реки как будто не имела смысла. И можно думать, что экспедиция приняла этот уединенный естественный холм, не осмотрев его ближе, за форт. Замечу, что эта экспедиция прошла по р. Дям очень близко от золотого города, некоторые башни и иглы которого хорошо видны из долины этой реки, и не обратила на него никакого внимания, даже не упомянула о нем. Это можно объяснить только тем, что экспедиция, в составе которой был молодой геолог, очень торопилась домой после полутора лет трудных работ на окраине Тибета и проходила здесь в декабре, когда снег мог скрывать многое.

Итогом работ стал монументальный трехтомный труд «Пограничная Джунгария», который, по мнению современных исследователей, «и в наше время остается самым полным физико-географическим и геологическим описанием этой обширной области Центральной Азии».

Вопрос, который поставил Зюсс, был окончательно решен.

«Я пришел к выводу, — писал Обручев, — что к системе Алтая ни один из хребтов Пограничной Джунгарии отнести нельзя. Дело в том, что Восточный Тарбагатай продолжается далеко на запад в виде Западного Тарбагатая, который далее (...) тянется в глубь Киргизской степи и явно принадлежит к системе киргизских, а не алтайских складчатых гор. Расположенная к северу от него цепь Манрак-Саур имеет то же направление, отделена от Алтая широкой долиной Черного Иртыша и Зайсанского озера и также скорее принадлежит к системе киргизских гор (...). Остальные же цепи Пограничной Джунгарии бесспорно принадлежат к системе Тянь-Шаня...»

Томский технологический институт чуть ли не с момента его создания приобрел репутацию «крамольного».

«Гнездо местных революционных деятелей», «высшее неучебно-забастовочное заведение», — доносил попечитель Западно-Сибирского учебного округа.

Студенческие забастовки следовали одна за другой, явным вольнодумством отличались и профессора института.

«Кровавое воскресенье» в Петербурге всколыхнуло всю Россию, 18 января 1905 года на улицы Томска вышли сотни и тысячи демонстрантов:

«Время настало. Своей борьбой, своей кровью должны мы разбудить тех, кто еще спит. На улицу, товарищи, во вторник 18. На улицу под красное знамя социал-демократии. Все, как один. Кровь петербургских рабочих лилась не напрасно. Долой царскую монархию. Долой войну. Да здравствует всеобщая стачка по линии Сибирской железной дороги. Да здравствует революция во всей России».

Как и в Петербурге, демонстрация томских ра-

бочих и студентов была жестоко подавлена. Как и в Петербурге, лилась на улицах Томска кровь.

«Мы, нижеподписавшиеся, члены педагогического персонала Томского технологического института, собрались восемнадцатого января сего года для обсуждения возмутительнейшего происшествия, бывшего сегодня, и, выслушав свидетелей происшедшего, единогласно постановили просить совет института ходатайствовать через Господина Министра Народного Просвещения перед Господином Министром Юстиции, о гласном, всестороннем и беспристрастном расследовании недопустимого ни при каком способе правления страной зверского усмирения демонстрации полицией и казаками. Уже после окончания активных действий со стороны демонстрантов, полиция и казаки производили избиение холодным и огнестрельным оружием, нагайками, кулаками и сапогами — арестуемых демонстрантов и посторонней незащитной публики во всей окрестной местности: на улицах, дворах, не разбирая ни возраста, ни пола; безжалостно избиты и изранены женщины и дети; нападали на спокойно стоящих на месте, на лежавших и убежавших. Все это в такой степени идет вразрез с нравственным чувством современного общества, до такой степени далеко до хотя бы слабого представления о законности, что ни один уважающий себя человек не может оставить без протеста такого вопиющего произвола. Помимо этих соображений, мы не считаем возможным оставаться безучастными к этому прискорбному происшествию и ввиду того обстоятельства, что среди пострадавших имеется много наших студентов, которые вправе ожидать, чтобы институт выступил в защиту их законных интересов».

Среди подписей под этим письмом первой стоит подпись профессора Обручева. Кажется, и в самом стиле письма явственно чувствуется рука Владимира Афанасьевича. Естественно, протест профессоров и преподавателей ни к чему не привел. А Томский технологический институт был вскоре закрыт до начала следующего учебного года.

Из воспоминаний В. А. Обручева:

«В 1906 году в Томске начала выходить либеральная газета «Сибирская жизнь», в которой принимали

участие некоторые профессора университета и Технологического института, в том числе и я, в качестве фельетониста... Я писал фельетоны на политические темы в сатирической форме — конечно, под псевдонимом. Но в провинциальных условиях скрыть это было невозможно, и автор, конечно, был известен попечителю.

Мероприятия министерства Кассо в отношении высшей школы вызвали в конце 1910 года большие забастовки студентов и прекращение занятий на целые недели. Попечитель приходил в Технологический институт и заставлял профессоров читать лекции в аудиториях перед несколькими штрейкбрехерами из организовавшегося в это время союза аполитичных и реакционных студентов — «академиков». На этой почве возникли столкновения. Вслед за тем последовало увольнение около 370 студентов по распоряжению министерства. Я протестовал в Совете института против этого огульного увольнения и сообщил о нем томскому депутату в Государственной думе».

Депутат, хорошо знавший Обручева по Томску, помочь, однако, ничем не мог.

Летом 1911 года был исключен из института старший сын Володя «ввиду вредного направления и опасной для общественного порядка деятельности в сфере забастовочного движения в среде учащейся молодежи». А осенью и Владимиру Афанасьевичу предложили подать в отставку. Ему припомнили все — и протесты его, и фельетоны...

Пришлось всей семьей перебираться в Москву. Сергей уже учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, Владимира приняли в Коммерческий институт, младший — Дмитрий — поступил в частную гимназию. Поселились на Арбате, в Калашниковом переулке. Путь на университетскую кафедру для Владимира Афанасьевича был закрыт, поскольку он по-прежнему не имел ученой степени. Горное ведомство выплачивало только небольшую 250-рублевую пенсию за выслугу в 25 лет, но хороший заработок давали различные экспертизы — особенно для Российского золотопромышленного общества, — так что семья не нуждалась.

Обручев вошел в состав Геологического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в редколлегия

журнала «Природа». Много писал, занимался обработкой материалов по геологии Азии, готовил обзоры по геологии Сибири. Как всегда, десять часов в день за письменным столом...

А Россия шла к семнадцатому году. Кровавая бойня мировой войны окончательно расшатала царский престол. Поражения русских войск, смещение двора, Распутин, министерская чехарда, полный хозяйственный развал... Потом — Февраль. Потом — Октябрь! Как встретил Обручев революционный семнадцатый год?

В общем-то Владимир Афанасьевич был далек от политики, но о своих политических симпатиях и антипатиях — если уж приходилось высказываться — говорил всегда честно. И в воспоминаниях он не считал нужным ничего приукрашивать, не считал нужным умалчивать о своих тогдашних сомнениях. В них, в воспоминаниях — Время.

«Вспоминаю свой разговор с инженером Н. В. Некрасовым (тем самым думским депутатом. — А. Ш.), ставшим министром путей сообщения Временного правительства. Я спросил его, скоро ли будут объявлены выборы в учредительное собрание, почему все еще тянется неизвестность, вызывающая всеобщее беспокойство.

— Потерпите еще немного, — сказал он. — У нас положение тяжелое, нелады между Керенским и командующим армией. С одной стороны, реакция начинает набирать силы и шевелиться, а с другой — приехал из-за границы Ленин и призывает ко второй, уже пролетарской, революции.

— Каковы же ваши перспективы? — спросил я.

— Если не возьмут верх Ленин и большевики, все, может быть, уладится...

Мое впечатление было таково, что и сам министр не знает, чем все кончится... Россия бурлила, как котел, от столкновения противоречивых высказываний и требований (...).

В сентябре движение отряда генерала Корнилова к Петербургу показало, что реакция в государстве собирает силы, чтобы захватить власть в свои руки и не допустить слишком радикальных преобразований. Тучи на политическом горизонте сгущались, предвещая грозу, которая и разразилась в октябре восстанием большевиков под руководством Ленина. Что мог думать о нем мирный

гражданин — ученый-геолог, не знакомый ни с силами и намерениями Временного правительства, ни с планами революционного пролетариата?

...И вот мы сидели дома, слышали грохот орудий, трескотню пулеметов, видели на небе облачка дыма при разрыве гранат и шрапнелей. В стену нашего дома попала граната, некоторые стекла были разбиты залетающими пулями... Газеты, конечно, не выходили, радио еще не было...

Утром, 2 ноября, мы узнали, что белые войска сдались... Дворник нашего дома принес известие, что буржуев будут резать, но не мог объяснить, кого подразумевают под термином «буржуй» — всех ли состоятельных людей, или только определенную часть их.

Тревожно прошла зима... Материальное положение становилось трудным, цены на съестные продукты повышались, а размер моей пенсии за выслугу лет по горному ведомству не увеличился. Выдачи с текущего счета в банке, в котором у меня еще оставались средства, полученные при экспертизах, были приостановлены. Но я все-таки колебался...»

Летом 1918 года Обручев принял предложение начальника горного отдела, созданного незадолго перед этим Высшего совета народного хозяйства и, получив удостоверение ВСНХ, выехал 1 сентября на юг.

Планы Владимира Афанасьевича по-прежнему оставались неопределенными. Он согласился провести разведку огнеупорных глин и мергелей для некоего цементного завода в Донбассе, который еще оставался в частном владении. Он подумывал о кафедре геологии в Таврическом (Симферопольском) университете и послал туда заявление. Хотелось одного — работать! Но где?

Семью разбросало. Сергей, блестяще окончивший университет, работал в Москве, в Геологическом комитете. Старший сын уехал в Ялту, к своей невесте, младший — в Харьков, чтобы поступать в университет.

Харьков, куда с трудом, кружным путем, добрались Владимир Афанасьевич и его жена, был уже занят немцами, которые оккупировали большую часть Украины. До ноября Обручев успел провести разведку в Донбассе, но путь в Москву был к этому времени уже отрезан. В декабре при-

шла недобрая весть из Ялты — умерла молодая жена Володи, давно болевшая туберкулезом. Немцы уже уходили с Украины, и Обручевы в конце декабря сумели добраться до Ялты. В Симферополе была Советская власть, в Ялте — Временное правительство. В конце зимы Советская власть установилась и в Ялте, но весной девятнадцатого года весь Крым был занят армией Врангеля. Два года Владимир Афанасьевич преподавал в Таврическом университете, а вернуться в Москву удалось уже после окончательного освобождения Крыма — весной двадцать первого.

«Мы все были рады тому, что гражданская война и все связанное с ней кончилось и начинается новая жизнь, гражданский порядок в условиях победившего в таких трудных обстоятельствах социалистического строя. Теперь нужно было включиться в работу, честно поддерживать этот строй».

Обручев становится членом вновь организованного Московского отделения Геологического комитета, начинает читать лекции в Горной академии. По заданию ВСНХ составляет очерк угольных месторождений Крыма и обзор месторождений нефти и газов Керченского полуострова, выступает на годовичном собрании Горной академии с обзорным докладом об ископаемых богатствах России...

«Мне пятьдесят восьмой год. А как много еще нужно сделать. Мне дорог каждый день...»

С полным основанием можно сказать, что только при Советской власти работа, труды и заслуги Владимира Афанасьевича были оценены по достоинству. В 1918 году он получает звание доктора геологических наук — *honoris causa* без защиты диссертации. В 1921 году — избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1926-м — удостоен премии имени В. И. Ленина за книгу по геологии Сибири, в 1929 году избран академиком. В эти же годы происходит еще одно знаменательное событие — издан научно-фантастический роман «Плутония. Необычайное путешествие в недра Земли».

Владимиру Афанасьевичу уже за шестьдесят, но он фактически только начинает свою литературную деятельность.

Литературная слава академика Обручева еще впереди.

СТРАНИЦЫ КНИГ

Вы помните, в студенческие годы Владимир Афанасьевич чуть было не бросил горное отделение. Начал писать стихи, маленькие рассказы, задумал роман...

Литературные его наклонности можно считать семейными. Неопубликованные воспоминания оставили бабушка Владимира Афанасьевича — Эмилия Францевна, его отец. Дядя, Владимир Александрович, в годы ссылки подрабатывал литературным трудом, опубликовал повесть, а на склоне лет — интересные воспоминания — «Из пережитого». Тетушка Мария Александровна, оставив врачебную практику, зарабатывала на жизнь переводами исторических романов и научной литературы — она впервые познакомила русского читателя с трудами Дарвина, Брема, Спенсера.

Несомненным литературным талантом обладала и Полина Карловна. «Я думаю, — писал сам Владимир Афанасьевич, — что свои писательские способности наследовал от матери».

Первые литературные опыты его получили одобрительный отзыв М. М. Стасюлевича — редактора журнала «Вестник Европы». А вдобавок к отзыву еще и совет продолжать литературную работу.

Некоторые биографы утверждают, что Обручев начал публиковаться еще в студенческие годы и тем подрабатывал на жизнь. Однако сам Владимир Афанасьевич никогда не упоминал о своих литературных заработках в это время и первой своей публикацией считал рассказ «Море шумит», появившийся на страницах газеты «Сын Отечества» в июне 1887 года, когда институт был уже закончен. Правда, написан рассказ еще в студенческие годы — Владимир Афанасьевич пометил собственноручно: «26 декабря 84 г. — 5 января 85 г.».

Современный критик может отметить и некий налет романтичности, и излишнюю, если так можно

выразиться, «литературность» рассказа. Надуманной кажется и философская концовка.

И все же читателю будет интересно познакомиться с первой пробой пера молодого литератора.

МОРЕ ШУМИТ

Был канун рождества. Хмурое небо с утра угрожало снегом, северный леденящий ветер налетал порывами и свистел в обнаженных ветвях деревьев. По улицам города теснились люди, торопясь сделать покупки к празднику, катились сани, весело гремя колокольчиками, грязные желтоволосые чухонцы тащили на плечах елки вслед за какой-нибудь нарядной дамой или смазливой горничной. Все суетилось, спешило, готовилось.

Такой же веселый, как встречавшиеся мне прохожие, шел я по узкому, скользкому тротуару и напевал вполголоса какую-то арию. Да и с какой стати хмуриться, какое горе в мои годы? Приехал на праздники домой, всякую заботу об экзаменах, науке и тому подобной скучной материи оставил в столице и теперь наслаждался отдыхом.

Шел я на окраину города провести старика дядю. Он уже с лета прихварывал, и доктора говорили, что зимы он не переживет; но старик не верил им и уверял меня, что лет пять еще проскрипит. Я относился скептически к его словам, так как при взгляде на его исхудалое лицо, обрамленное густой белой бородой, на впалую грудь, на костлявые руки с прозрачной кожей, мне казалось, что и теперь передо мной не живой человек, а мертвец. Только глаза его жили еще; они не потеряли ни выразительности, ни блеска и, как бывало в давно минувшие времена, в упор устремлялись на собеседника.

По мере того, как я приближался к цели, прохожие попадались мне все реже, одеты были беднее и их лица были сумрачнее; каменные трехэтажные громады уступили место деревянным домам, а эти, в свою очередь, покривившимся лачужкам с крохотными оконцами. Наконец я вышел на шоссе: справа начинались ряды дач с заколоченными окнами и дверьми, с палисадниками, засыпанными сугробами снега, из которых кое-где печально выглядывали засохшие стебли прошлогодних цветов; тут было уже совершенно пусто. С левой стороны в пятидесяти шагах от шоссе у подошвы пологого

склона шумело море и длинные волны с белыми гребнями набегали на прибрежные валуны, одетые льдом, словно белой гладкой корой.

Вот на этом-то склоне, в полуверсте от города, стоял дядин дом; он был обращен фасадом на север, к морю; небольшой сад тянулся возле дома и двора. Дом был деревянный, но выстроенный очень прочно, так что северный ветер безуспешно ударял о стены, стремясь проникнуть в какую-нибудь щелочку и забраться в теплые комнаты.

Я вошел со двора в дом; на мой вопрос, как поживает дядя, старый слуга, снимая пальто, ответил: «Сидит в кресле, как обыкновенно».

Отворив осторожно двери кабинета, я остановился: у окна, лицом к свету, сидел в кресле дядя; мне видна была только его седая голова, утопавшая в белой подушке; я сделал несколько шагов.

— Здравствуйте, дядя!

Молчание. Только ставни за стеной фасада похлопывали, море глухо шумело, и в соседней комнате мерно тикали часы.

«Не случилось ли что-нибудь с ним?» — подумал я и быстро, но без шума подошел к креслу.

Нет, старик спал. Он был одет в теплый узорчатый халат, подпоясанный широким кожаным поясом; вытянутые вперед ноги лежали на скамейке из медвежьей шкуры, а голова слегка склонилась на грудь; обе руки покоились на ручках кресла; тусклый свет декабрьского дня падал на худые щеки с выдавшимися скулами, обтянутыми желтоватой кожей, на тонкий нос и пушистые, почти сросшиеся брови, и от этого света лицо с закрытыми глазами казалось еще мертвеннее, землистее. Неровное дыхание, прерывавшееся порой, порой переходившее в легкий хрип, вырывалось из груди спавшего.

Я вышел в соседнюю комнату и сел у окна читать, но, прочитавши несколько страниц, взглянул на море, шумевшее в двадцати шагах от окна, и задумался; поневоле мысли мои вернулись к дяде, дыхание которого сливалось с тиканьем часов и шумом морского прибоя.

Станный человек был этот дядя. Я его помнил всегда таким, как теперь: высокий, худой, с тем же загадочным, пристальным взглядом под пушистой каймою бровей. Только лысина была меньше и борода не белая, а с проседью, когда я познакомился с ним пятнадцать лет тому назад.

Жил он один-одинешенек с камердинером, бывшим матросом, и кухаркой; вставал рано и, невзирая ни на какую погоду, гулял ежедневно часа три по взморью. Остальное время проводил за книгами или в кресле у окна. Знакомых он имел немного и вообще больше любил детей, чем взрослых; детей он таскал с собой на прогулки по взморью или в окрестные холмы и умел занимать их. Скрытный, молчаливый, он ни с кем не беседовал откровенно, никому не поверял своих размышлений; со знакомыми ограничивался самыми общими разговорами и тщательно избегал касаться своей личности.

Молодость свою он провел на море — сначала матросом, потом капитаном купеческого судна... Во время одной из его поездок с ним случилось несчастье: по случайной оплошности доверенное ему судно разбилось, и весь почти экипаж утонул в бурном море. Спаслись только капитан и один из матросов.

Этот случай глубоко поразил дядю, и с тех пор он сильно переменился. Веселый, разговорчивый, не унывавший никогда моряк, посидел в одну ночь и стал задумчивым, молчаливым, скрытным человеком. Он бросил службу, невзирая на то, что его не считали виновным, и купил себе дом на взморье, в котором поселился безвыездно. Это было двадцать лет назад, теперь дяде было шестьдесят...

В соседней комнате раздался сухой кашель и затем какой-то шорох. Я встал и подошел к креслу, из глубины которого пронизательные глаза дяди уже поглядывали на меня. Я пожал его исхудалую руку.

— Здравствуй, мой мальчик, — сказал он, — спасибо, что наведался.

Он все еще называл меня мальчиком, хотя мне было двадцать пять лет. Это по старой памяти — с тех времен, когда я, десятилетний шалун, ходил с ним на прогулку или рассматривал модели кораблей, украшавших его кабинет.

— Вам лучше, дядя? — спросил я.

— Да, да, конечно, лучше. Помаленьку поправляюсь, славно вздремнул теперь. Что же ты скажешь новенького? У вас сегодня елка?

Дядя любил слушать; я стал у окна и, глядя на море, начал рассказывать ему о наших замыслах по части праздничных удовольствий.

Дядя изредка прерывал мой рассказ каким-нибудь

вопросом, не отрывая глаз от окна. Наконец я замолк. В комнате опять воцарилась тишина.

Ветер крепчал, и море, насколько хватал взор, стало покрываться белыми гребнями, которые быстро скользили по черной изрытой поверхности; на горизонте темное море и темное небо совершенно сливались; тучи неслись по небу сплошными свинцовыми массами одна за другой. Грозные волны длинными рядами набегали на последние ступеньки лестницы, спускавшейся от дома вниз, и разбивались на тысячи брызг, высоко взлетающих над белой каймой берега. Непрерывный злобещий грохот и плеск вместе со свистом ветра и торопливым хлопанием ставней доносился до нас, составляя странный контраст с полной тишиной, царившей в доме.

— Слышишь, как море шумит? — как-то торжественно спросил дядя. — Шумит, как двадцать лет тому назад, когда оно поглотило мое судно и вместе с ним мою жизнь...

Я обернулся и с удивлением взглянул на дядю — до сих пор он ни разу не рассказывал мне о своей прежней жизни, ни словом не упоминал о постигшем его несчастье. Теперь, приподнявшись из подушек, упираясь исхудалыми руками в ручки кресла, он устремил глаза, сверкавшие каким-то странным блеском, на бурное море и стал рассказывать медленно, вполголоса, словно говоря с самим собою:

— Да, мою жизнь... Разве я живу теперь? Разве я жил эти двадцать лет? Я жил только прошедшим...

Тогда был тоже канун рождества; мы спешили доплыть до здешней гавани, чтобы провести праздники дома, у своих. Противный ветер в течение двух дней задерживал нас, и мы сильно запоздали; уже начинало смеркаться, а город только что показался на сумрачном горизонте, самые опасные места были еще впереди.

Следовало бросить якорь и переночевать в море; я понадеялся на свою опытность, на свое знание здешних мест и велел идти вперед. Слишком уж хотелось быть дома — ведь со мной ехала моя невеста и мы собирались провести этот вечер вдвоем в своей уже устроенной квартирке. Через неделю назначена была наша свадьба...

Когда почти совсем стемнело, а оставалось еще часа полтора до гавани, я стал колебаться — не лучше ли не рисковать. Но она протестовала, она так много ждала от этого вечера. А тут взамен уютной комнаты, за-

жженной елки, тепла и света, целого вечера с милым — ночь на бурном море, в тесной каюте нагруженного купеческого судна... Она просила попытаться.

Скрепя сердце я решил рискнуть и сам взялся за штурвал — она, завернувшись в непромокаемый плащ, стояла подле и, невзирая на мои просьбы, не хотела уйти с палубы. «Какая я буду жена моряка, если стану бояться всего; я там, где и ты», — твердила она.

С час все шло хорошо, мы быстро приближались, и на темном горизонте ярко блистали уже огни города.

На повороте к гавани килевая качка перешла в боковую; я не успел предупредить Катю — огромная волна стеной набежала на судно и опрокинулась на палубу целым потоком воды. Я едва удержался на ногах, ухватившись за колесо, оглянулся — подле меня никого не было, Катю снесло в море. Как сумасшедший, не помня, что делаю, я бросил штурвал и кинулся к борту... сквозь рев волн я услышал только отчаянный пронзительный крик: «Спаси меня, Саша!..» Новая волна сшибла меня с ног, я ударился головой о какой-то тук и упал без памяти...

Человека, стоявшего со мной у руля, также откинуло в сторону; не управляемый никем корабль стало быстро относить к берегу, он ударился о подводный камень, и мы стали тонуть. Я очнулся... На корме матросы спорили, спуская лодку; я схватил спасательный пояс и бросился в море; заливаемый волнами, то поднимаясь на гребни, то опускаясь вниз, я прислушивался, надеясь услышать еще раз — «Спаси меня!..», но нет, ветер свистел, море ревело кругом и волны уносили меня; я опять лишился чувств... Меня принесло к гавани, и здесь сторожа заметили и вытащили меня, я провел ночь в сторожке. Матросы погибли вместе с лодкой, и только один, ухватившись за бревно, добрался до берега. Ты его знаешь — это мой камердинер.

Едва только рассвело, я бросился на взморье — полуживой, еле волоча ноги. Вот там, на песчаной косе, я нашел Катю; она лежала на спине, раскинув руки, без плаща; свое платье она разорвала в агонии или же старалась облегчить себя для борьбы с волнами, — оно висело лохмотьями, обнажая плечи и грудь. Распустившиеся черные волосы рассыпались по песку; бледное лицо было спокойно, губы крепко стиснуты, темные глаза, казалось, смотрели на меня из-под полуопущенных век...

Бурная ночь сменилась ясным утром. На востоке показалось солнце и бросило первый луч на лицо Кати; словно румянец вспыхнул на ее щеках. Взбаламученное море мерно колыхалось после бури, и волны с плеском разбивались на песке у моих ног.

Я упал на камни и прильнул к губам утопленницы; холодные губы не ответили на мой поцелуй... белые руки не обвились вокруг моей шеи, как бывало... безжизненно протянулись они по мерзлому песку...

Долго стоял я на коленях подле Кати и глядел на нее пристальным, отчаянным взором. Я сгубил эту молодую жизнь своей безумной самонадеянностью, сгубил свое счастье... и свою жизнь... На что мне была эта жизнь?.. Полюбив впервые в сорок лет и потеряв любимого человека, вторично не полюбишь... не помиришься с судьбой...

В то утро наедине с холодным трупом на берегу глухо шумевшего моря я решил не ступать больше на палубу судна; я чувствовал, что не мог быть более моряком; всюду меня бы преследовал призрак погибшей Кати, ее последний призыв, и я не мог быть хладнокровен в минуту опасности...

Дядя приподнялся и стоял у окна, выпрямившись, протянув руку вперед, словно благословляя кого-то.

— Зачем ты шумишь, жестокое, безжалостное море? Ты ведь не вернешь похищенное у меня счастье? Или ты думаешь своим шепотом заглушить голос моей совести? Нет, нет... Среди шума и плеска твоих волн мне всегда слышится последний отчаянный призыв: «Спаси меня, Саша, спаси меня!..» И этот призыв погибающего любимого человека преследует меня всюду, неумолкаемо звенит в ушах... И все-таки я люблю тебя, безжалостное море; на твоих волнах я родился, ты пело мне колыбельные песни, ты взрастило и вскормило меня, ты похитило мое счастье и своим шепотом беспрестанно напоминаешь мне это, на твоём берегу я найду вечный покой. Люблю твой простор, песнь твоих седых волн, твою мощь, беспощадную мощь... Шуми, вечное море, шуми. Мое счастье, моя жизнь уже прошумели...

Слышишь, мальчик, как море шумит?

Последние слова он произнес почти шепотом и, опустившись в кресло, закрыл глаза. «Он утомился и хочет уснуть», — подумал я и вышел в другую комнату. Под впечатлением услышанного я встал снова у окна... Так вот что было с этим загадочным угрюмым челове-

ком, вот почему он поселился на берегу и провел в одиночестве двадцать лет.

Я вспомнил, как год тому назад в этот же день я пришел к дяде и не застал его дома; из окна я увидел какого-то человека на последней ступеньке лестницы. Это был дядя. В широком плаще, развеваемом ветром, с непокрытой головой, стоял он лицом к морю и порой поднимал руку, словно разговаривая с кем-то. Волны обдавали его брызгами, ветер охватывал его своим леденящим дыханием и играл его седыми волосами, а он стоял и простоял полчаса. Потом, повернувшись, медленно стал подниматься по ступенькам вверх. Теперь я понял, отчего он стоял тогда на берегу; как сегодня, вспоминал он роковой вечер.

Прошло около часа. Начинало смеркаться, пора было отправиться домой; я осторожно вошел в соседнюю комнату, желая проститься со стариком. Он по-прежнему спал; на мгновение меня поразила тишина — не слышно было неровного дыхания спавшего... «Он умер...» — мелькнуло у меня, и я бросился к креслу, схватил дядю за руку — она была уже холодна и не отвечала на пожатие; голова лежала в подушках, и открытые, безжизненные глаза устремлены в окно — на море...

Я остановился у кресла и долго смотрел на дядю; сумерки быстро наступали, и из углов комнаты потянулись тени, серая мгла повисла над морем. Дядя словно спал, наклонив голову на грудь... Мне казалось, что старик вот-вот опять поднимется, снова сверкнут глаза из-под нависших бровей, рука протянется вперед, указывая на белые гребни, грустный задумчивый голос произнесет: «Слышишь, мальчик, как море шумит». Но нет, губы оставались безмолвны, рука не шевелилась, глаза тускнели...

Я стоял у окна, и наедине с холодным трупом мысли мои невольно занялись вопросами о вечности и смерти. Мерное тиканье часов — мгновения, море своим ровным глухим шумом говорило о вечности, смерть — в кресле передо мною...

Когда я вышел от дяди, было уже совершенно темно; ветер крепчал, тучи неслись по небу словно бледно-желтые призраки, освещенные огнями города; на темном горизонте мигали фонари гавани, как светлые звезд

ды; белые гребни волн еле виднелись в море, по-прежнему шумевшем внизу.

«Слышишь, мальчик, как море шумит, — почудился мне снова голос дяди. — Шуми, вечное море, шуми! Мое счастье и моя жизнь уже прошумели...»

Приблизительно тогда же, когда писался этот рассказ, Владимир Афанасьевич обратился за советом к своему школьному учителю: не бросить ли институт, не отдаться ли целиком литературному труду?

Алексей Александрович Полозов дал мудрый совет. Обручев запомнил его на всю жизнь и даже много лет спустя, в своих воспоминаниях, цитирует дословно:

«Ваши литературные наклонности еще недостаточно ясны и сильны, чтобы всецело полагаться на них. Писатель должен знать жизнь, чтобы создавать что-либо ценное, а Вы ее еще мало знаете. Попробуйте свои силы на горном поприще, в нем очень много интересного и трудного, заслуживающего описания. Тогда у Вас будет и материал для литературной работы».

Прав, тысячу раз прав учитель.

Сам Обручев называл «Море шумит» рассказом, но фактически это романтический вымысел. Даже образ дяди лишен каких-либо жизненных штрихов. Да и зачем они? Вся рассказанная история — только символ, точнее, юношеская претензия на символ.

Учитель подметил главное — ранние литературные опыты Обручева лишены связей с реальной жизнью.

«Пришлось согласиться, что мой учитель совершенно прав, я последовал его доброму совету», — пишет Владимир Афанасьевич в воспоминаниях.

Можно сказать вполне определенно: не будь Обручев геологом, путешественником, не было бы ни «Плутоний», ни «Земли Санникова», ни «Золотоискателей в пустыне», ни «Рудника Убогого», ни «В дебрях Центральной Азии». И конечно, не было бы замечательных научно-популярных статей, научно-популярных книг.

В 1890 году появились путевые очерки Владимира Афанасьевича «По Бухаре» и первая научно-популярная публикация — «Залежи бурого угля

с. Зиминского». Потом «Письма» из путешествия по Китаю.

Научно-популярный жанр по праву считается одним из труднейших в литературе.

Обращаясь к своим ученым коллегам, известный английский естествоиспытатель и популяризатор Дж. Б. С. Холдейн писал: «Вы, вероятно, призывали к двум категориям научных статей: к ответам на вопросы, где вы стремитесь возможно шире показать объем ваших знаний по целому разделу науки, или же к специальным научным сообщениям, в которых вы детально излагаете какую-то узкую проблему. Когда вы пишете научно-популярный очерк, перед вами совсем другая задача. Не следует бравировать своей эрудицией... Ваша задача — увлечь читателя, возбудить его интерес...»

Обручеву это удавалось блестяще. Владимир Афанасьевич, что называется, «чувствовал» читателя. Его научно-популярные статьи публиковались в «Пионерской правде» и... на листочке отрывного календаря, в «Правде» и «Известиях», в журналах «Природа», «Вокруг света», «Новый мир», «Огонек»...

Тематика статей столь же разнообразна: «Четыре эпизода из путешествия А. В. Потаниной в Центральной Азии и Китае», «Экспедиция Нансена к Северному полюсу и ее результаты», «Ищите радий» (публикация 1913 года!), «Роль геологии на театре военных действий», «Происхождение Телецкого озера», «Пещера ископаемых драконов в Китае», «О происхождении нефти», «Животные ледникового периода в изображениях современного им человека», «Сколько лет Земле?», «Земля Санникова. Нерешенная проблема Арктики», «Что может наблюдать юный геолог?», «Почему я сделался путешественником?», «Новая наука — мерзловедение», «Как образовались сокровища Урала», «Геология и война», «Строительство ледяных складов», «Двигутся ли материки?», «Значение геологии в школе и жизни», «Наступление на пески», «Ледниковый период и Атлантида», «Можно ли, нужно ли мечтать?»...

«Занимательная геология» — лучшее, что создано Обручевым в научно-популярном жанре. Книга была написана еще в предвоенное время, и при

первом издании (в 1944 г.) ее сочли «слишком занимательной». Книгу «отредактировали», дали новое название: «Основы геологии (популярное изложение)». Верно, конечно, что книга дает исчерпывающее полное представление об основах геологии. Но первоначально она была адресована юному читателю, а в отредактированном виде увлечь этого юного читателя она вряд ли может.

К счастью (и к сожалению, уже после смерти автора, в 1961 году), текст «Занимательной геологии» был восстановлен.

Отрывок, конечно, не может дать полного представления о книге. Но все-таки кусочек «Занимательной геологии» нельзя не процитировать:

МОЛОДОЙ СЛЕДОПЫТ

Если вы катаетесь на лыжах и бываете за городом, конечно, не там, где десятки и сотни лыжников избороздили снега по всем направлениям своими следами, а подальше, где поверхность недавно выпавшего снега не тронута, — обратите внимание на следы животных и попытайтесь объяснить, кто их оставил. Научитесь различать следы, оставленные зайцем, лисицей, собакой, волком, вороной, воробьями или другими мелкими птицами.

Следы птиц легко отличить по форме и по тому, что они кончаются внезапно и возле отпечатков лапок можно видеть полосы, оставленные крыльями при взлете.

Интересно наблюдать следы и на поверхности сыпучих песков в стороне от колодцев, где они не затоптаны скотом, идущим на водопой. Там можно заметить следы зайца, лисицы, суслика, ящериц, разных птиц и даже жуков и змей. Если провести несколько часов, притаившись в кустах, чтобы проверить свои догадки, можно увидеть и кой-кого из тех, кто оставляет эти следы.

На влажном песке, на иле плоских берегов озер и морей, на вязкой глине такыра, освободившегося от воды, также можно наблюдать следы разных животных, которые будут долговечнее, чем следы на снегу или песке. Последние уничтожит следующий снегопад или ветер, а следы на глине высохнут вместе с глиной и сохранятся до следующего затопления, которое не уничтожит их, но покроет новым слоем глины, то есть сделает ископаемыми. *(Здесь в тексте книги чудесная фотогра-*

фия — «Следы медведя на глинистой почве склона горы. Камчатка».)

Через много лет, когда море отступит или современные прибрежные отложения будут подняты выше, процессы выветривания или размыва уничтожат глину, закрывшую следы, их заметит и опишет какой-нибудь исследователь.

Такие ископаемые следы уже попадались ученым разных стран и описаны ими. Это следы крупных и мелких пресмыкающихся, бродивших по влажному берегу озера или моря, мягкая почва которого глубоко вдавливалась под их тяжестью, следы ползания червей и ракообразных по мокрому илу побережья. Они были перекрыты свежим осадком при затоплении и сохранились. *(Фотография — «Следы трехпалого пресмыкающегося, прошедшего с пляжа в мелкую воду, найденные на плите песчаника в пластах Лили-Понд, Массачусетс, США».)*

И вот мы случайно узнали, что бывают не только ископаемые животные и растения, но даже уцелевшие ископаемые следы — эфемерные, то есть легко исчезающие: отпечатки ног бежавшего или тела ползавшего животного. Теперь мы не станем удивляться, что сохраняются в ископаемом виде даже отпечатки отдельных капель дождя, надавших на высохший берег озера или моря, представляющие круглые плоские впадины разного диаметра, окруженные чуть заметным валиком, которые капля выбивала на поверхности ила или глины. *(Рисунок — «Отпечатки дождевых капель на плитке камня».)*

Сохраняются следы волнового движения воды в виде так называемой волновой ряби и ряби течений, то есть тех неровностей, которое создает на поверхности песчаного или глинистого дна легкое волнение воды озера или моря или течение реки. *(Рисунок — «Волновая рябь на плитке камня».)* Эти следы состоят из плоских гребешков, отделенных друг от друга желобками, плоскими впадинами и похожих на ту рябь, которую ветер создает на поверхности песка... Их часто неправильно называют волноприбойными знаками, то есть связывают с гребешками, образующимися на берегу; последние встречаются гораздо реже и имеют другие очертания. *(Рисунок — «Волноприбойные знаки на плитке камня».)* Тщательно изучая их строение, форму гребешков и крупность зерен на гребешках и в желобках, можно

определить, создана ли эта рябь ветром на суше, течением или волнами под водой, и определить направление течения, волн и ветра.

В обрыве берега реки или на склоне оврага, в стенке ямы, в которой добывают песок или кирпичную глину, можно увидеть под слоем темной растительной земли или чернозема, в желтой подпочве серые и черные, круглые или неправильные пятна разной величины. Это ископаемые кротовины или норы животных, заполнившиеся материалом сверху; в них попадают кости этих животных или остатки их пищи. На глыбах некоторых горных пород, особенно известняков, на берегу моря, выше его современного уровня, нередко попадаются в большом количестве какие-то странные глубокие ямки. Это отверстия, высверленные двустворчатыми моллюсками, которые сидели в этих ямках в то время, когда уровень воды был выше и покрывал их. В ямках даже попадают самые створки. Они доказывают, что берег поднялся или что море отступило, что дно его опустилось.

Все эти следы представляют собой документы, по которым можно судить о далеком прошлом нашей Земли. Они подобны тем рукописям, которые хранятся в архивах и по которым историк судит о минувших событиях жизни данного государства. Историк изучает не только содержание рукописи, но также шрифт, изображение отдельных букв, которое менялось со временем; он изучает цвет и качество бумаги, цвет чернил или туши, которыми рукопись написана. Более древние документы писались не на бумаге, а на пергаменте, изготовленном из кожи, на папирусе, изготовленном из растения лотос.

Еще более древние документы писались не чернилами или тушью, а вырезались на деревянных дощечках или выдавливались на глиняных табличках, которые потом обжигались. А еще более древние, тех времен, когда человек не изобрел еще знаков для изображения слов своей речи, но уже научился рисовать животных, на которых охотился или с которыми боролся за свою жизнь, представляют рисунки, сделанные красной или черной краской на стенах пещер, на гладкой поверхности утесов или выдолбленные на них резцом. (*«Рисунок мамонта, сделанный первобытным человеком».*) Все эти документы необходимы историку, археологу и антропологу для выяснения истории человека...

Историю Земли также изучают по документам, по тем следам, которые мы указали, и по еще более многочисленным, которые оставляют все геологические процессы, выполняя свою работу по созданию и преобразованию лика Земли. Совокупность этих следов представляет огромный геологический архив, который геолог должен научиться разбирать и толковать, как историк разбирает и толкует рукописи государственного архива.

Геолог идет шаг за шагом по этим следам, внимательно изучая их, сравнивая друг с другом, комбинируя свои наблюдения, чтобы в результате прийти к определенным выводам. Геолог, в сущности, — это следопыт...

«Занимательная геология» состоит из тринадцати глав: «О чем шепчет ручеек, текущий по оврагу», «Чему можно научиться на берегу моря», «Как работает вода под землей», «Как создаются и разрушаются горы», «Почему то здесь, то там трясется Земля»... Ее можно считать самоучителем молодого геолога. Задача — увлечь читателя — выполняется безукоризненно, и для многих юношей и девушек «Занимательная геология» стала путевкой в жизнь.

Ничуть не умаляя достоинств научно-фантастических романов Обручева, можно и нужно сказать, что и в них автор выступает в первую очередь как популяризатор. Собственно говоря, «Плутония» именно так и была задумана. Сам Владимир Афанасьевич рассказывает в воспоминаниях:

«Я перечитал роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», прочитанный еще в детские годы, и заметил в нем теперь большие геологические несообразности, дающие читателям ошибочные сведения. В романе герои спускаются к центру Земли по жерлу одного из вулканов Исландии, представляющему тоннель в несколько километров глубины, удобный для спуска. Такие жерла в природе неизвестны. Жерла вулканов заполнены лавой, туфами, брекчиями уже на небольшом расстоянии от устья. Недоумение читателя вызывают также огромные пещеры в недрах Земли, освещенные странным светом, потом какие-то существа таинственного облика и многое другое. Совершенно неправдоподобен обратный подъем героев к поверхности — опять по жерлу вулкана, но уже где-то в Средиземном море,

сначала на плоту вверх по потоку кипящей воды, а в конце даже по жидкой лаве, во время извержения этого вулкана... Мне захотелось написать более правдоподобный с геологической точки зрения фантастический роман и познакомить читателя с животными и растениями, обстановкой жизни на Земле в минувшие эпохи...»

Еще в начале XIX века многие ученые были всерьез убеждены, что наша Земля — пустотелый шар, внутри которого движутся то ли одна, то ли две небольшие планеты. Внутренность Земли, по их просвещенному мнению, должна быть заполнена самосветящимся вследствие давления воздухом, а значит, и обитаема. Было вычислено, что вход в земную внутренность должен находиться в районе 82° северной широты, были рассчитаны даже орбиты внутренних планет, а один предприимчивый американец в апреле 1818 года опубликовал в газетах план экспедиции: «Мне нужно сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными эленими на санях по льду Северного моря. Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть, и людьми, как только минует 82° северной широты. В следующую весну мы вернемся».

Не нужно, впрочем, иронизировать — в пустотелость Земли верили и Франклин, и Лихтенберг, и Галлей (открытая им комета недавно привлекла всеобщее внимание) и многие другие достойные ученые. Дело в том, что внутренние планеты хоть как-то объясняли непонятные явления земного магнетизма, а самосветящийся воздух, выходящий через дырку в Земле, объяснял происхождение полярных сияний. Кстати сказать, и до настоящего времени наши представления о внутреннем строении земного шара достаточно противоречивы, хотя в пустотелую Землю, конечно, давно уже никто не верит.

Обручев использует забытую гипотезу только для того, чтобы поместить внутри Земли свою вымышленную страну — Плутония. Сюжет романа предельно прост. Русская экспедиция на судне «Полярная звезда» действительно обнаруживает в Арктике «остров с отверстием», и участники экспе-

диции, преодолев ледяной хребет, сами того не ведая, начинают спуск в недра Земли, а точнее, незаметно переходят на внутреннюю сторону пустотелой земной оболочки. Здесь, оказывается, сохранились в полном блеске фауна и флора древних геологических эпох, и фантастическое путешествие в страну Плутония становится «научно-популярным» путешествием в историю Земли.

По страницам романа бродят мамонты и саблезубые тигры, белуджитерии и трицератопсы, игуанодоны и стегозавры. Портреты животных выписаны с учетом последних достижений палеонтологии, почти документальны.

Вот, например, трицератопс:

«Животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавала ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов, и от быков. Голова по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину; задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные растопыренные уши, но в действительности это было только украшение или защита верхней половины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник, несомненно, увеличивал вес и без того огромной головы и мешал поднимать ее вверх.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко поднимая свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, достигавший почти пяти метров в высоту. Массивное туловище его было покрыто панцирем из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось не длинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров»*.

* Как отметил рецензент — палеонтолог Ольга Павловна Обручева, — Владимир Афанасьевич несколько преувеличил размеры трицератопсов. По современным данным их рост достигал 3 метров, а длина — 5 метров.

А вот отнюдь не фантастический пейзаж юрского периода:

«Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом реяли цветные стрекозы и огромные рогатые жуки, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которой могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-сероватого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птицу удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, представлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля и было покрыто сине-серыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, то есть имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелось по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазать по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностями. Рассмотрение животного привело Каштанова к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнеюрских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвощами и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к существованию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к зеленой стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары длиной в двадцать пять миллиметров, мухи величиной со шмеля, оводы и слепни крупнее четырех сантиметров состязались в этих крылатых атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком почлеге среди полчищ этих мучителей».

Согласитесь — и пейзажи, и доисторические чудовища выписаны с блеском. А вот герои романа не запоминаются, их образы лишь схематично намечены.

Правы были критики, упрекавшие автора в том, что он «ярче воссоздает образы вымерших чудовищ, чем людей», что он «всю яркость своего пера... израсходовал на плезиозавров и ихтиозавров, не оставив ничего на долю человека».

И все-таки упреки критиков несправедливы. Главная задача Обручева — заинтересовать читателя увлекательным рассказом о прошлом Земли, и он с этой задачей справляется прекрасно. Приключения героев (пусть и схематичных), которые то и дело вступают в схватки с доисторическими монстрами, неослабно приковывают читателя к страницам книги.

«Плутония» пользовалась и пользуется поистине необыкновенным успехом, она была переведена более чем на два десятка языков и многократно переиздавалась на русском.

В пятидесятых годах в Издательстве географической литературы появился чей-то красноречивый шарж: бесконечная череда мамонтов шествует... к сейфам издательства. Мамонты, как уже догадался читатель, нагружены мешками с монетами! За шесть лет «Плутония» переиздавалась в Географгизе пять раз и неизменно мгновенно раскупалась!

В 1939 году Владимир Афанасьевич писал в журнале «Детская литература»: «Хороший научно-фантастический роман должен удовлетворять следующим условиям. Он должен быть построен настолько увлекательно по фабуле и изложению, чтобы читатель не мог от него оторваться, стремясь поскорее узнать, как развернутся дальше события, что сделают герои... Роман должен быть правдоподобным. Читатель должен получить впечатление, что все изложенное в романе если и не происходило в действительности, то могло бы произойти. Все, что отзывается чудесным, сверхъестественным, вредит изложению. Читатель сразу почувствует фальшь, и если не скажет «враки» и не бросит книгу, то будет читать уже с предубеждением».

Наверное, можно поспорить с этим мнением Обручева — ведь мы зачастую с удовольствием читаем фантастику, ничуть не веря в реальность происходящих событий. Вспомните хотя бы «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких.

Но нельзя не отметить, что «Плутония» действительно и увлекательна и правдоподобна.

Правдоподобна настолько, что до самой своей кончины Владимир Афанасьевич получал десятки и сотни писем, в которых читатели спрашивали о судьбе коллекций, собранных в Плутонии, и настойчиво просились в состав новой экспедиции в подземный мир.

Из чего складывается столь убедительное правдоподобие фантастического романа?

Кажется, ответ должен быть таким — фантастические герои Обручева живут и действуют в совершенно реальном мире.

«В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром».

Все точно, конкретно, узнаваемо.

Реальны и конкретны все географические названия. (За исключением «Земли Фритьофа Нансена» и самой «Плутонии».) Реальны и конкретны ссылки на ученых. Обручев то и дело упоминает о реальных находках ископаемых животных. Собственно говоря, благодаря палеонтологическим находкам участники экспедиции и «узнают» обитателей Плутонии.

Все это в совокупности и создает удивительную атмосферу правдоподобия «Плутонии».

В следующем романе — «Земля Санникова, или Последние онкилоны» — фантастика, можно сказать, уж и вовсе неотделима от правды. Сам Обручев твердо верил в существование таинственной земли и опубликовал на эту тему несколько страстных научно-популярных статей.

Одну из них, написанную в 1935 году, мы хотим предложить в сокращенном виде вниманию читателя. В ней — реальные факты, положенные в основу романа, а кроме того, она даст возможность познакомиться с Обручевым как историком-географом.

ЗЕМЛЯ САННИКОВА НЕРЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА АРКТИКИ

Открытие экспедицией на ледоколе «Садко» неизвестного довольно большого острова в восточной части Карского моря в промежутке между Землей Франца-Иосифа и Северной Землей под 81° с. ш. и 78° в. д. * заставляет нас напомнить о другом острове или, может быть, целом архипелаге в Ледовитом океане, который 125 лет тому назад люди видели издалека, но не могли добраться до него, так как не имели ни ледоколов, ни самолетов — современных могучих средств разведки и сообщения в ледяных просторах Арктики.

Эта виденная только издали, но никем не посещенная земля находится к северу от Новосибирских островов, примерно в 150—200 км, и даже имеет название «Земля Санникова» по имени промышленника, впервые заметившего ее на горизонте. Но географы не верят в ее существование, и на современных картах Арктики мы ее не найдем.

На первой карте Новосибирских островов, составленной в 1811 г. путешественником Геденштромом, обследовавшим острова вместе с Санниковым, к северу от них в Ледовитом океане показаны две земли с надписью «Земля, виденная Санниковым». Одна нанесена к северу от о. Фаддеева и о. Новая Сибирь, другая — к северо-западу от о. Котельного. Геденштром при вторичном посещении о. Новая Сибирь в 1810 г. видел 16 марта с Каменного мыса высотой до 20 м на северо-востоке синеву, совершенно подобную видимой иногда над отдаленной землей. Санников, приехавший к нему на следующий день, подтвердил, что это земля, которую он уже видел раньше. Геденштром направился к ней по льду на северо-восток и после трудной дороги смог уже различить в зрительную трубу белый яр, изрытый, как казалось, множеством ручьев. Но большая полынья преградила ему дальнейший путь.

В начале апреля Санников опять посетил о. Новую Сибирь и с северного берега видел на севере землю с высокими горами. Направившись к ней, он проехал не более 25 км и снова был задержан полыньей, простиравшейся во все стороны. Земля была уже ясно видна, и Санников считал, что до нее осталось не более 20 км.

* Остров Ушакова.

Эта земля, которую видели Геденштром и Санников и пытались пробраться к ней, представляет восточную из двух земель, показанных на карте Геденштрома. Западную же землю Санников видел в 1810 г. с северной оконечности о. Котельного. «На северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы», — пишет Геденштром в описании своего путешествия.

В 1821 и 1822 гг. лейтенант Анжу, участвовавший в известной экспедиции Врангеля и производивший съемку Новосибирских островов, дважды пытался проехать по льду к землям, показанным на карте Геденштрома, но также неудачно из-за открытого моря, преградившего ему путь, и пришел к выводу, что до этих земель можно добраться только на лодках. Но начальство признало этот проект слишком рискованным, интерес к этим недостижимым землям упал, о них забыли, и они даже надолго исчезли с географических карт. Укоренилось мнение, что никаких земель в указанных Санниковым направлениях нет и что он и Геденштром ошиблись, приняв отдаленные очень высокие ледяные торосы за каменные горы.

Но в 1881 г. американская экспедиция капитана Де-Лонга на судне «Жаннетта», дрейфовавшем во льдах позже раздавленном ими, открыла на месте восточной из земель, показанных на карте Геденштрома, острова Генриетту, Жаннетту и Беннетта, что побудило А. В. Григорьева, секретаря Географического общества, поднять вопрос о существовании и второй — западной — земли, за которой он оставил имя Санникова. Григорьев, указывая открытия Де-Лонга, отметил, что острова эти находятся гораздо дальше от Новой Сибири, чем полагал Санников, именно о. Генриетта отстоит на 260 верст, а о. Беннетта не на 45 в., а на 130 в. Естественные сомнения, можно ли видеть землю на таком расстоянии, Григорьев устранил ссылкой на Врангеля, согласно которому на Ледовитом океане в ясный весенний день, особенно в апреле, видны очень отдаленные предметы. Так, с устья р. Индигирки часто видны Деревянные горы на о. Новая Сибирь вышиной всего 30—60 м по измерению Анжу, хотя расстояние до них не менее 312 км. Низменный Быковский мыс на правом устье Лены часто ясно виден с мыса Борхая (Буор-Хая), влево от р. Яны, на расстоянии 115 км. Поэтому Санников мог видеть о. Беннетта (он достигает 450 м высоты, то есть гораздо выше Деревянных гор) за 130 км; он же и Геденштром мог-

ли видеть даже о. Генриетту за 260 км, так как, согласно Де-Лонгу, это высокий скалистый остров, на котором много ледников, которые Геденштром и усмотрел в подзорную трубу.

Приводя эти данные, Григорьев говорит, что не может быть сомнения в существовании Земли, виденной Санниковым в 1810 г. на северо-запад от о. Котельного, но только расстояние до нее в 70 км, наверно, преуменьшено, судя по ошибкам в оценках расстояния до о. Беннета.

Но имеются ли какие-нибудь другие данные в пользу существования Земли Санникова, кроме показания этого промышленника, которое можно оспаривать, несмотря на то, что показания о землях на северо-востоке подтверждены открытиями Де-Лонга?

Такие данные имеются. Во-первых, исследователь Новосибирских островов геолог Толль также видел 13 августа 1886 г., на 76 лет позже Санникова, с устья ручья Могур на северной оконечности о. Котельного вдали резкие контуры четырех плоскоконических гор, к которым с востока примыкало низкое предгорье. Эти горы находились по компасу на СВ 14—18°...

Во-вторых, Врангель, собирая у жителей берегов Ледовитого океана разные сведения о крае, узнал, что летнее обилие перелетных птиц на северном берегу прерывается в двух местах побережья, во-первых, от р. Хромы до р. Омолон, во-вторых, в 50 км западнее мыса Якан и до мыса Рыркарий; в этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц куда-то на север через океан. Позже путешественник Майдель подтвердил это. Можно думать, что с восточного участка Якан-Рыркарий птицы летят на о. Врангеля, а с западного — Хрома-Омолон — на Новосибирские острова. Но о. Врангеля на большей части площади занят высокими скалистыми горами, на которых гуси и утки не гнездятся, так что места для их летовки остается мало, а на Новосибирских островах, как показали наблюдения промышленников, ежегодно посещающих эти острова для сбора мамонтовой кости и для охоты, летует очень немного птиц, несмотря на величину островов, тогда как большая часть продолжает полет на север. Остров Беннета, расположенный к северу от о. Новая Сибирь, еще меньше, отчасти покрыт ледниками и также не может служить летовкой для многочисленных птиц. На нем, по наблюдениям Толля, летуют только два вида гаг,

один вид куликов, снегирь и 5 видов чаек, а гусей и уток нет; между тем последние составляют главную массу перелетных птиц севера. Как мы увидим далее, пролет птиц через Ледовитый океан севернее Новосибирских островов и о. Беннетта подтвержден и позднейшими путешественниками, и это чрезвычайно важное и бесспорное доказательство существования какой-то достаточно обширной земли среди льдов океана, освобождающейся летом от снега и удобной для гнездования и прокорма, так как на льдинах птицы не гнездятся, а предполагать, что с юга Азии перелетные птицы летят через Сибирь и Ледовитый океан, через всю Арктику, покрытую движущимися льдами, через Северный полюс, в Гренландию на летовку — совершенно невозможно(...).

Возможно, что на эту Землю, никогда не видевшую истребителя-человека, уходят на летовку и четвероногие. Анжу сообщал, что 17 марта он заметил, что с мыса Бережных на косе о. Фаддея следы 20 диких северных оленей пошли по льду на СЗ 20°, то есть в сторону Земли Санникова; он проследил их почти на 10 миль.

Итак, мы имеем достаточно данных, чтобы предполагать, что в Ледовитом океане к северу от о. Котельного и о. Беннетта, среди льдов, расположен большой остров или целый архипелаг примерно между 78° и 80° с. ш., 140° и 150° в. д.; что на нем находятся довольно высокие плоскоконические горы и что эта Земля представляет для перелетных птиц более привлекательную летовку, чем Новосибирские и о. Беннетта, несмотря на свое более северное положение. Толль предполагал, судя по нахождению базальта в виде покрова на всем о. Беннетта и подобных же вулканических пород на Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа, что и Земля Санникова состоит из базальта. Это вполне возможно, и, может быть, присутствие молодых вулканических пород в виде остатков сравнительно недавно действовавшего вулкана и горячих источников в качестве последних отзвуков вулканической деятельности объяснят более полное освобождение этой Земли от снега и удобство ее для летовки птиц(...).

Открытие Земли Санникова едва ли будет иметь большое экономическое значение; ее богатства в виде песцов, белых медведей, тюленей, моржей и перелетной птицы, вероятно, ограничены; об ископаемых богатствах ничего предсказать, конечно, нельзя. Но научное значение этого открытия достаточно велико. Сектор

Арктики к северу от Новосибирских островов — наименее, вернее, совершенно неизученный, и нахождение земли в его пределах выяснило бы многое в отношении течений, состояния и движения льдов, геологии континентальной платформы, фауны и флоры Арктики.

Может быть, Земля Санникова даст также разъяснение одной этнографической загадки, именно исчезновения народа онкилонов. Несколько веков тому назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличались от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты о. Кадьяк. Норденшельд во время своего плаванья на корабле «Вега» вдоль берегов Сибири находил в районе мысов Рыркарпий, Шелагского и Якан в изобилии брошенные жилища онкилонов — своеобразные землянки, до половины углубленные в почву, и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках находили орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки, нередко даже с костяными или деревянными рукоятками, к которым топоры и наконечники были привязаны ремешками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы. Онкилоны не знали употребления металлов и были людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берега Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести между их вождем Крэхой (Крохаем) и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепился на скалах мыса Северного, затем перебрался на остров Шалауров и, наконец, на 15 байдарках уплыл на землю, горы которой видны в Ледовитом океане с мыса Якан, то есть на о. Врангеля. Но на последнем в момент его открытия... никаких людей не оказалось.

Может быть, ученые этнографы сообщат... больше подробностей об этом исчезнувшем народе, который мог очутиться на Земле Санникова. На Новосибирских островах также найдены их землянки и другие следы пребывания...»

Обручев предлагал организовать специальную экспедицию для поисков таинственной Земли: «Я полагаю, что решение вопроса о Земле Санни-

кова в положительном или отрицательном смысле является очередной проблемой для советских исследователей Арктики».

В 1937—1938 годах в этом районе дрейфовали суда, многократно летали самолеты, но никаких следов Земли Санникова обнаружить так и не удалось.

Однако и Обручев и тысячи читателей его романа продолжали верить в существование Земли.

«Самолеты... пролетали через район предполагаемой земли в апреле, когда земля была покрыта еще глубоким снегом и мало отличалась от окружающих льдов, — писал Владимир Афанасьевич в 1946 году. — Существование Земли Санникова, по моему мнению, все-таки остается еще загадкой».

Савва Михайлович Успенский — ныне профессор, доктор биологических наук — рассказывал автору этих строк, что, когда он был назначен начальником экспедиции на остров Беннетта, в его квартире неожиданно раздался телефонный звонок:

— С вами говорят по поручению академика Обручева. Не могли бы вы навестить нас, Владимир Афанасьевич очень хотел бы вас видеть.

И когда Савва Михайлович приехал, разговор, конечно, пошел о Земле Санникова.

— Вы уж постарайтесь, — говорил Обручев почти просительно, — все-таки плохо ее искали.

Это было весной 1956 года — всего за два-три месяца до его кончины...

И сейчас еще ученые продолжают спорить: была ли Земля Санникова только миражем, или огромным, в сотни квадратных километров, обломком шельфового ледника, которые иногда годами и десятилетиями дрейфуют в Арктике, задерживаясь порой на мелководьях? Или, наконец, Земля Санникова просто... растаяла, как растаяли в этом районе, можно сказать, на наших глазах, и остров Васильевский, и остров Семеновский, и остров Фигурина, сложенные ископаемым льдом.

Ясно только одно — в настоящее время Земля Санникова не существует.

Однако роман «Земля Санникова» отнюдь не потерял своей популярности. Как и «Плутония», он переведен на два десятка языков и по-прежнему не залеживается на полках. В 1973 году поставлен

полнометражный цветной художественный фильм «Земля Санникова». Нет уверенности, что он понравился бы самому Обручеву, но, судя по газетам, в год своего выхода на экран, фильм собрал чуть ли не рекордную аудиторию.

После «Земли Санникова» Владимир Афанасьевич опубликовал еще три романа. По инерции, наверное, их тоже называют научно-фантастическими, хотя это вряд ли правомерно.

«Золотоискатели в пустыне», как считал сам Обручев, роман научно-исторический. В нем рассказывается о жизни китайских старателей. Время действия — прошлый век. Место действия — Джунгария.

«В дебрях Центральной Азии» скорее повесть, а не роман — «записки кладоискателя», как определил сам автор. Обручев ведет читателя на берега озера Лобнор и в Долину ветров, в таинственный город Харахото, в храм Тысячи Будд, в Город Нечистых Духов. Он использует и собственные впечатления, и материалы экспедиций Пржевальского, Козлова, Цыбикова, а образ кладоискателя Фомы Капитоновича Кукушкина хотя и вымышлен, но отнюдь не фантастичен, как и его приключения.

И «Золотоискатели в пустыне», и «В дебрях Центральной Азии» переиздавались, переводились, но сравниться по популярности с научно-фантастическими романами Обручева они не могут.

А «Рудник Убогий», изданный в 1929 году, и вовсе забыт. В основу романа положены реальные события, свидетелем которых Владимир Афанасьевич стал в 1910 году, когда проводил экспертизу золотого рудника Богомдарованный в Кузнецком Алатау. Автор увлекательно рассказывает о подземном мире шахт и штолен, описывает всевозможные махинации, на которые идет администрация, чтобы предупредить закрытие рудника. Но развитие сюжета выглядит все же надуманным, а любовный четырехугольник — лишь бледной схемой.

Один из биографов называет «Рудник Убогий» единственным беллетристическим произведением Обручева. Верно, что все остальные книги, известные читателю, можно отнести, по сути дела, либо к научно-фантастическому, либо к научно-популярному жанру. Однако в архиве семьи Обручевых

хранятся оставшиеся неизданными — роман «Наташа», трагедия из греческой жизни «Остров блаженных», несколько рассказов и повесть «На Столбах».

Маленькая повесть «На Столбах» публикуется впервые.

НА СТОЛБАХ

Часть I. Богиня Любви

I

На правом берегу могучего Енисея, немного выше города Красноярска, расположена живописная местность, носящая название «Столбы». Здесь над волнистой поверхностью высоких грив и увалов, покрытых еще густым лесом, несмотря на соседство большого города, в разных местах поднимаются утесы разнообразной формы и высоты. Одни имеют вид громадной кучи глыб, набросанных друг на друга, другие представляют мощные гранитные массивы, только рассеченные более или менее многочисленными трещинами на крупные части. Эти массивы имеют различные формы, а трещины, превращенные вековым выветриванием в более или менее широкие щели, придают утесам еще более разнообразия. Местное население дало отдельным столбам различные названия: Токмак, Голубки, Перья, Львиная пасть, Старик, Дитя. Всего насчитывают двенадцать столбов. Некоторые из них поднимаются так высоко над лесом, что их можно видеть издалека, с другого берега Енисея, даже из Красноярска; другие скрываются в лесной чаще, и их найдет только тот, кто хорошо знает все тропы в этой местности.

Одни гранитные утесы гордо подставляют свою крепкую каменную грудь ветрам и непогодам; другие уже покрылись серыми и красными лишаями, разъедающими постепенно самый прочный камень; третьи поросли зеленым мохом, а в трещинах уже укрепились кусты, молодые и старые деревья. Иногда высоко на голой отвесной стене видно молоденькое деревце, словно прилипшее корнями к утесу, растущее прямо из камня; ветер треплет его беспощадно, но не может вырвать, и оно будет расти и крепнуть, одинокое на своем посту, словно часовой, поставленный высоко над лесом.

Глыбы, оторванные временем от утесов и скатившиеся вниз, лежат порознь, кучами или валами у подножия столбов, более или менее скрываясь под мхами, кустами и лесом. Вокруг столбов расстилается тайга, хотя и топтанная и порченная людьми, но все-таки еще густая, с травой до пояса или даже в рост человека; поэтому вне торных тропинок пробираться сквозь нее — нелегкий труд, в особенности летом, когда мошка, комары, слепни и оводы не дают ни минуты покоя и когда испарения влажных долин после обильных дождей делают воздух тяжелым.

Вперемежку растут здесь красные сосны и бурые могучие лиственницы, белые березы и серые стройные осины, а на дне долин и на северных склонах гор к ним присоединяются еще темные ели. Кусты черемухи, боярки, калины, шиповника, таволги, болиголова, малины образуют высокий или низкий подлесок, переплетаясь местами со жгучей сибирской крапивой, достигающей человеческого роста.

Столбы хорошо известны горожанам Красноярска как самое живописное место окрестностей. Как только наступит полная весна, сгонит снега в лесах и оденет деревья и землю молодой зеленью, к столбам начинают тянуться пары, группы и целые десятки экскурсантов, навьюченных одеялами, котелками, чайниками и провизией; идут большею частью пешком, редко кто едет верхом. Громадное большинство экскурсантов состоит из зеленой молодежи, зрелые и пожилые люди составляют исключение. И это понятно, потому что экскурсия требует затраты немалого времени и порядочных сил: из города можно проехать несколько верст на пароходике к устью речки Лалетиной, но затем нужно идти пешком по тропе, верст десять лесом, поднимаясь все выше и выше, иногда по грязи или под дождем, отмахиваясь от комаров и прочего гнуса; да еще нужно тащить на себе походную утварь, постель и провизию, потому что в тот же день вернуться назад не успеешь, и приходится провести по крайней мере одну ночь в лесу. Конечно, можно нанять в городе верховую лошадь с проводником, но это обходится дорого и доступно тем, кто вообще уже не находит удовольствия в том, чтобы ночевать в лесу, подвергаться укусам насекомых, лазить по гранитным утесам, рискуя сломать себе шею.

Но для юношей и девушек, не знающих, куда девать избыток сил и восприимчивых к очарованию дикой, дев-

ственной природы, столбы представляют заманчивую цель и их посещают по нескольку раз в лето, не ограничиваясь прогулкой и ночлегом в лесу; цель многих экскурсантов — взбираться на сами столбы. Некоторые из них доступны и для неопытных, но на большинство нельзя подняться без помощи веревок, поэтому восхождение на них представляет задачу нелегкую и небезопасную. Нужно карабкаться по голым и гладким стенам гранита, пользуясь малейшей впадиной, чтобы поставить ногу, малейшим выступом, чтобы зацепиться рукой, каждой трещиной, чтобы засунуть в нее колышек и сделать себе ступеньку. Нужно быть совершенно свободным от головокружения, обладать крепкими мускулами, быть уверенным в себе и иметь опыт в лазании. Поэтому далеко не все посетители столбов совершают восхождения на самые трудные утесы и далеко не все заслуживают названия «столбистов», которым в Красноярске обозначают всех любителей этой экскурсии.

И теперь еще таких настоящих столбистов, отправляющихся в экскурсию с веревками, длинными палками и железными зубьями, подвязываемыми к подошве сапог, насчитывается немного, а тридцать лет тому назад, когда не было сибирской железной дороги и Красноярск представлял собой маленький городок, их было гораздо меньше. Тогда не было и пароходика по реке к Лалетиной, и приходилось идти пешком весь путь от города, переправляясь на двух паромах через оба рукава Енисея.

II

История, которую мы описываем, случилась именно около тридцати лет тому назад, когда Красноярск был глухим сибирским городком, отрезанным огромными расстояниями и плохими путями сообщения от культурных центров. Жизнь текла однообразно, интересы ее сосредоточивались на транзите товаров — на восток в Иркутск и на запад в Томск, на юг в Минусинск и на север в Енисейск, да на золотопромышленности в тайге, особенно енисейской.

Среди столбистов того времени выделялась своей ловкостью и отвагой одна молодая парочка — гимназистка старших классов Варвара Гавриловна Громова и студент Казанского университета Антон Иванович Ваньковский. Она была дочерью золотопромышленника

средней руки, проживавшего большую часть года на своих приисках в южноенисейской тайге и доверившего воспитание дочери хозяйке ученической квартиры, своей дальней родственнице. Ваньковский был сыном городского врача, сосланного в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года, устроившегося в Красноярске, приобретшего хорошую практику и не помышлявшего больше о возвращении на родину; Антон кончил местную гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета, в то время ближайшего к Красноярску, но все-таки настолько далекого, что юноша мог приезжать домой только во время длинных летних каникул.

Антон познакомился с Варей еще на гимназической скамье, и, когда оба достаточно возмужали и окрепли, они сделались страстными столбистами. Каждую весну, как только лесные тропы становились проходимыми, они начинали восхождения на столбы и за лето успевали облазить все по нескольку раз. Постоянная близость среди молчаливого леса, преодоление общими силами трудностей и опасностей восхождений создали в молодых людях прочные взаимные симпатии; чувство обнаружилось и окрепло во время первой разлуки, когда Ваньковский уехал почти на целый год в Казань. На следующее лето, во время первой же совместной экскурсии, на вершине самого высокого и трудного столба произошло объяснение, и целое лето молодая парочка опьянялась очарованием взаимной любви и мечтала о том недалеком уже будущем, когда оба уедут учиться в столицу и поженятся. Материальные средства не составляли для них препятствия, так как довольно состоятельные отцы могли уделить им достаточно денег для скромной жизни в столице. Нужно было переждать только год, необходимый Варе для окончания гимназии.

Этот год пролетел. Стояли чудные дни первой половины июня, когда Ваньковский приехал опять в Красноярск на каникулы и встретился с Варей, отлично окончившей курс и ожидавшей с нетерпением своего жениха, чтобы начать экскурсии на милые столбы. Природа уже меняла свой ярко-зеленый весенний наряд на более темный летний, но лесные прогалины и лужайки на дне долин еще пестрели разнообразными яркими цветами и травы еще не успели вырасти до пояса и не давали приюта мошке и оводам, преследующим путника

в более позднее и жаркое летнее время. Пока одни только комары пели в тени лесов и собирались перед закатом целыми столбами на лужайках.

На следующий день по приезде Антона молодая парочка уже отправилась в экскурсию: каждый нес одеяло, дождевой плащ, консервы и сухари, сахар и чай; к поклаже Вари был еще привязан чайник, а Антон нес кольцо тонкой, но крепкой веревки и железные зубья. Снаряжение дополнялось охотничьим ружьем и револьвером, так как в то время окрестности города не были вполне безопасны: вместе с летом начиналась тяга разных бродяг — беглых каторжан и поселенцев — возвращавшихся вдоль Московского тракта на родину за Урал; встреча в тайге с бродягой не всегда могла кончиться благополучно для безоружного человека.

III

На заре молодые люди уже вышли из дома, миновали улицы сонного города, подошли к Енисею, катившему еще избыток мутной, бурой воды, переехали на первом пароме через левый рукав, пересекли широкий галечный остров, заросший густым талом, и вышли ко второму парому. По правому берегу реки шли лугами мимо деревушки Базаихи и далее между опушкой леса и зеленеющими пашнями до речки Лалетиной. Возле речки в роще сделали первый привал, вскипятили чайник и позавтракали.

Далее дорога пошла вверх по долине Лалетиной, то по густому лесу, то по цветникам лужаек. С обших сторон уже поднимались крутые горные склоны — иные зеленые, поросшие травой, иные с красноватыми скалами, но большею частью одетые лесом, взбегавшим кудрявыми волнами, пронизанными щетиной елей до самого гребня.

Постепенно долина становилась уже, склоны выше, леса гуще и старше, а ходьба по тропе труднее; в тени вековых деревьев в глубоких ямах между корнями еще не просохла грязь от последних дождей, а глинистая почва тропы оставалась еще влажной и скользкой. Время от времени тропа пересекала устья боковых долин, где лужайки вдоль русла ручьев были налиты водой, а из густой травы, встревоженные путниками, поднимались рои комаров.

Вскоре подъем сделался круче, тропа пошла в гору

по левому склону долины, по густому лесу, извиваясь между толстыми стволами могучих лиственниц или прорезывая узким коридором чащу молодого ельника или осинника. Антон шел впереди, прочищая дорогу, отбрасывая в сторону сучья, нагроможденные по тропе зимними бурями, отгибая молодые поросли, мешавшие пройти. По временам путники останавливались, чтобы перевести дух, полюбоваться зеленой поляной, залитой солнечным светом и пестреющей яркими цветами, или взглянуть на ближайший столб, открывающийся иногда при поворотах тропы над вершинами леса и казавшийся снизу таким высоким и неприступным. При таких остановках молодые люди прислушивались к пению лесных птичек, к крику кукушки, раздававшемуся то совсем близко, то чуть слышно.

— Загадаем шутки ради, сколько лет нам осталось жить, — предложила Варя во время одной остановки, слушая кукушку. Ее жених, конечно, согласился, и когда кукушка замолкла, он спросил громко:

— Кукушка, скажи, сколько лет проживет моя Варюша?

Птица, немного погодя, стала опять кричать и кричала так долго, что молодые люди сбились со счета; Варя говорила, что она насчитала тридцать девять, а Антон утверждал, что сорок два.

— Во всяком случае, твой век будет долгий, — сказал он, смеясь. — А про мой век спрашивай ты!

Варя задала вопрос. Кукушка долго не отвечала, а затем прокуковала четыре раза и хрипло засмеялась.

— Ах ты негодная! Еще смеется! — вскрикнула Варя, искренне возмущенная и огорченная ответом, неблагоприятным для ее планов о долгой совместной жизни с любимым человеком.

Но Антон быстро поборол неприятное чувство, охватившее его при ответе птицы, и спросил ее, сколько у них будет детей. Когда ответ получился — одиннадцать, Варя шумно запротестовала, заявляя, что она совсем не желает заниматься одним рождением и кормлением детей. Антон успокоил ее, сказав, что ведь ему, по пророчеству той же кукушки, осталось жить только четыре года и потому одиннадцать ребят едва ли возможно им иметь, разве по тройне каждый год. Эта перспектива очень развеселила Варю, которая долго хохотала, пробираясь вслед за своим спутником по густому ельнику, в который завела их тропа.

— Знаешь, Варя, нужно задать кукушке еще один вопрос, в данное время для нас самый интересный.

— Какой же, Тоня?

— Через сколько дней мы поженимся? Ведь от этого зависит возможность иметь одиннадцать ребят в четыре года; нам нужно торопиться!

— Это я знаю лучше кукушки, — ответила Варя, немного рассердившись. — Но тебе не скажу и могу сделать так, чтобы ответ кукушки оказался неверен.

В это время кукушка очень близко прокричала один раз и захлопала крыльями, очевидно, перелетая на другое место.

— Ты слышала, Варя? — торжествующе спросил Антон.

— Но вопрос не был еще поставлен, и ответ не имеет значения, — возразила девушка, зардевшись.

— Я поставил его про себя, пока ты порочила кукушку.

— Ну ладно, там видно будет. Идем дальше, — сказала Варя нетерпеливо.

Пошли дальше. Тропа повернула влево и, извиваясь по густому молодняку, перевалила через плоский гребень, за которым сразу открылась небольшая поляна у подножия первого столба. За поляной среди красных стволов высоких сосен и между двумя крупными глыбами гранита, давно уже свалившимися сверху, был устроен шалаш, по-сибирски балаган, в котором обыкновенно ночевали столбисты. Поверх жердей, упиравшихся одним концом в землю, другим — в гранитную глыбу, были положены большие куски коры, содранные с толстых лиственниц, так что получилась достаточная защита от дождя и солнца. Правда, защищенная площадь могла поместить только несколько человек, но в те годы число столбистов, ночевавших одновременно в шалаше, редко превышало трех-четырёх; в крайнем же случае устройство второго балагана потребовало бы не более получаса дружной работы.

IV

Время было уже около полудня, когда Варя и Антон подошли к балагану, так что пора было подумать об обеде после длинного пути. Скинув свою ношу в тени сосен возле балагана, молодые люди занялись приготовлением пищи. Варя быстро набрала сухого валеж-

ника и начала разжигать костер, а Антон с чайником пошел в соседний широкий лог, где среди высокого осинника и густых зеленых трав сочился маленький ключ чистой воды, известный опытным столбистам. Не будь этого ключа — столбистам приходилось бы ходить за водой больше версты, спускаясь глубоко вниз, в долину, а затем поднимаясь опять наверх.

Когда Антон вернулся с чайником, возле балагана уже весело потрескивал небольшой костер, а Варя раскладывала на салфетке, заменявшей скатерть, ветчину, вареные яйца, домашние румяные булочки и аппетитные пирожки с мясом, с вареньем и с толченой черемухой. Пока чайник закипал на огне, молодые люди плотно закусили, а затем напились чаю из плоских деревянных чашек, употребляемых сибирскими крестьянами и инородцами. После обеда они разложили свои одеяла на опушке сосняка, чтобы ветер отгонял докучливых комаров, и легли отдыхать, вдыхая пряный аромат сосен, разогретых летним жаром, и перебрасываясь отдельными фразами, пока сон не сомкнул их уста.

Они проспали спокойно часа два, и на балаган легла уже густая тень ближайшего столба, когда шишка, сброшенная белкой с сосны, упала прямо на лицо Антона и разбудила его. Он взглянул на часы, потом потянулся к чайнику, чтобы глотнуть холодного чая, но чайник был пуст; приходилось идти за водой, тем более что и Варя, проснувшаяся раньше, но лежавшая еще тихо с закрытыми глазами, чтобы не будить спутника, выразила желание попить еще раз чайку, прежде чем лезть на ближайший столб, которым они хотели ограничиться на этот день после далекого пути из города.

После второго чаепития молодые люди собрали свои пожитки и сложили их в углу балагана, а сами, захватив веревку и нарубив десятка два коротких колышков разной толщины, отправились на столб. Антон лез впереди, цепляясь за выступы и засовывая в трещины гранита в более трудных местах колышки, которыми затем пользовалась Варя, чтобы поставить ногу или держаться рукой. Веревка оставалась пока без употребления — она должна была облегчить обратный путь вниз, более трудный, чем подъем, даже для опытного столбиста.

Минут через двадцать молодые люди взобрались на вершину столба, представлявшую небольшую ровную площадку, со всех сторон круто обрывающуюся в безд-

ну. С площадки открывался великолепный вид во все стороны до отдаленного горизонта, и глаз мог блуждать с места на место, долгое время не утомляясь, находя все новые и новые картины. Вблизи из зеленого моря деревьев тут и там, словно скалы из волн, поднимались красноватые столбы, одни выше, другие ниже, рассеченные черными трещинами, местами широко зиявшими; иные столбы напоминали развалины стен и башен рыцарских замков средних веков. На соседнем к югу столбе, самом высоком, самом массивном и труднодоступном, с почти отвесными боками, на половине высоты обрыва виднелась площадка, казавшаяся издали маленькой, но занятая целой рощицей довольно крупных деревьев. На этот столб предстояло карабкаться на следующий день, почему молодые люди внимательно осмотрели его в бинокль, чтобы убедиться, не произошли ли за истекший год какие-либо заметные изменения, препятствующие восхождению.

Вокруг столбов шумело и волновалось зеленое море леса, местами светлого и кудрявого, где преобладали береза и осина, местами темного и щетинистого, где в изобилии росли ель и сосна. Такой же лес расстилался и дальше по гребням и склонам плоских гор во все стороны, и только кое-где над этим зеленым морем поднимались красные скалы более далеких столбов. Лесистые склоны сбегали на дно глубоких долин, где, часто исчезая между кустами зеленого тальника или темными колоннами елей, серебрились лепточки рек или выделялись своей более яркой и ровной зеленью луговые прогаины.

Такие же лесистые широкие гривы виднелись и дальше, одна за другой, без конца до самого горизонта и только местами где-нибудь выделялась более высокая вершина или более узкая и мрачная долина. Невдалеке на севере в промежутках между плоскими горбами гор широкой полосой блестел Енисей, за ним чернели и зеленели пашни, а вдали большим светлым пятном белел Красноярск.

— Какая благодать, какой простор! — восторженно воскликнул Антон, сидевший на краю площадки, уперев голову на подогнутые колени. — Где мы найдем такую свободу, такую тишину?

— Уедем в тесный и душный город, будем видеть перед своим окном серую и грязную стену соседнего дома вместо зелени лесов, будем дышать копотью фаб-

рик вместо воздуха, напоенного ароматом сосны, будем слушать грохот колес по мостовой и свистки вместо шепота ветерка в листьях и хвое, вместо плеска горных ручьев, пения птиц, — заметила грустно Варя.

— Что же, оставайся здесь, тебя никто не гонит в столицу.

— А тебя кто гонит?

— Меня? Я должен учиться, добиваться собственного дела и места в мире. Отец стар и наследства мне не оставит.

— Получу ли я что-нибудь, тоже неизвестно. Говорят, золотой промысел — та же картежная игра; сегодня пофартило, нашел много золота и стал богачом, а завтра в надежде на большее закопал свои деньги в песок и остался ни с чем. Поэтому и мне лучше надеяться на себя, а не на отцовские деньги.

Кроме того, — немного помолчав, продолжала Варя, — я хочу учиться, чтобы приносить пользу родине и людям. Вспомни, что мы уже два года тому назад вот на том столбе дали клятву жить и, если придется, умереть ради пользы Сибири и ради всех угнетаемых, обираемых, истребляемых коренных жителей ее. Поэтому я тоже должна ехать учиться в столицу, чтобы вернуться на родину знающим и полезным работником, а не дармоедом. А летом, каждое лето, мы ведь будем приезжать сюда, чтобы отдыхать, набираться новых сил на могучей груди милых столбов! — закончила она патетически.

Долго просидели молодые люди на вершине, любясь видом сибирской тайги, обсуждая детали своей предстоящей жизни в столице. Постепенно солнце склонилось к закату, и длинные тени столбов вытянулись по зеленому морю. Пора было подумать о спуске, который в сумерки становился даже опасным.

Антон вскочил, развязал круг веревки, принесенной с собой, сложил ее вдвое, заложил за выступ гранита на краю площадки и опустил оба конца вниз; таким образом снизу, после спуска, легко было снять веревку со столба, отпустив один конец и дернув за другой. Первой начала спускаться Варя, ухватившись за веревку одной рукой, а другой цепляясь за выступы или упираясь в обрывы, чтобы веревка не начала раскачиваться. Когда она благополучно достигла нижней площадки под стеной, откуда спуск не представлял уже больших затруднений, полез вниз Антон, пользуясь той же верев-

кой; догнавши Варю на площадке, он сдернул веревку с выступа, свернул ее в круг, и далее молодые люди спустились легко по глыбам и уступам гранита к основанию столба и к закату солнца вышли к балагану.

V

Возле балагана они застали уже других столбистов; это были три гимназиста последнего класса, немного знакомые Антону и Варе; они уже обошли и облазили все столбы и остановились на последний ночлег в балагане, чтобы на следующий день идти назад, в город.

Костер уже горел, освещая красные стволы сосен. Последние лучи заходящего солнца пылали огнем на обрывах второго столба, который был виден с поляны у балагана, поднимаясь словно массивная башня и резко выделяясь над зеленым лесом на потемневшем фоне неба. Розовые перистые облака, тянувшиеся несколькими полосками на север, предвещали на завтра хорошую погоду.

В котелке гимназистов весело бурлила вода, и клубы пара вырывались из-под крышки; это варился суп из рябчиков, застреленных во время экскурсии. Антон, сбегавший за водой, подвесил и свой чайник рядом с котелком на березовую палку, воткнутую другим концом в землю. Обе партии столбистов соединились, уселись кружком вокруг одеяла, на котором были разложены припасы, и с молодым аппетитом принялись уничтожать закуски, затем похлебали деревянными ложками горячий суп, обглодали рябчиков и напились чаю.

За время ужина сумерки сгустились, и стало довольно свежо, на потемневшем небе заблестели звезды. Пламя костра освещало стройные стволы деревьев, окруживших поляну, подобно высоким колоннам храма, капители которых то погружались в темноту, то озарялись красным светом вспыхивавшего огня. Иногда по вершинам сосен проносился порыв ветра, и хвоя начинала волноваться и шуметь. За ближайшим кольцом свещенных костром колонн выступали колонны второго кольца, за ними — третьего, четвертого, освещенные все слабее и слабее, пока последние колонны не исчезали уже во мраке ночи, окутывавшем лес.

Когда стихали молодые звонкие голоса у костра и на короткое время воцарялась тишина, можно было различить сквозь слабый шепот сосен и другие ночные

звуки: иногда заунывный крик совы, иногда глухой гул ветра в трещинах столбов, иногда легкий треск, словно ломающихся под ногой сухих веток. Люди, непривычные к ночным голосам тайги, могли бы подумать, что это гуляет «хозяин» леса — медведь; но столбисты знали, что медведь чует человека издалека и никогда не подойдет к костру так близко, чтобы слышны были его шаги.

Постепенно оживленная беседа, вертевшаяся сначала вокруг местных городских и особенно школьных новостей и происшествий, а затем под влиянием обстановки вокруг приключений разных столбистов и охотников, начала затихать, и молодежь стала устраиваться на ночь. Костер передвинули ближе к входу в балаган и положили на него две толстые коряги полуистлевшего бурелома, который горит медленно, больше тлеет и дымит; огонек должен был охранять балаган от хищных зверей, а дым — от комаров. На сухие листья, покрывавшие почву в балагане, набросали свеженарезанных молодых ароматных веточек лиственницы, покрыли их одеялами и улеглись: три гимназиста — ближе к выходу, а Варя и Антон — в глубине балагана.

Гимназисты, утомленные трехдневным карабканьем по столбам, сейчас же заснули, но Варя и Антон, возбужденные близостью друг друга, необычной обстановкой, почной тишиной, теплотой балагана, согретого костром, не могли уснуть и шепотом разговаривали, а в паузах беззвучно целовались. Постепенно эти паузы становились длиннее и длиннее, ласки Антона начали принимать все более страстный и настойчивый характер, так что Варя пришлось серьезно защищаться, чтобы удержать возлюбленного на известной границе дозволенного.

— Ведь мы же решили соединиться на всю жизнь, — уговаривал ее Антон, прерывающимся от волнения голосом. — Когда кончится Петровский пост...

— Тогда и будем принадлежать друг другу, милый, — шептала Варя, зажимая ему рот поцелуем.

— Непременно после церковного и родительского благословения, — не унимался Антон. — Только тогда, когда это будет дозволено и даже одобрено законом и древним обычаем предков, — поддразнивал он ее.

— Древние обычаи не всегда плохи, — защищалась она.

— Но меня возмущает это «с дозволения началь-

ства» в таком интимном деле! Не лучше ли теперь, здесь, в этой таинственной обстановке, в балагане, среди дикой тайги, у подножия вечных столбов, под покровом звездного неба...

— Ну, пусть будет по-твоему, дикарь! Но только не сейчас, не здесь, а завтра, когда мы будем совершенно одни. И пусть свидетелями будут действительно только молчаливые столбы, зеленая тайга и голубое небо родины!

Антон ответил ей горячим поцелуем; оторвавшись от ее губ, он сказал со смешком:

— А кукушка, значит, правильно предсказала!

— Нет, это я не пожелала осрамить ее, — возразила Варя, заворачиваясь в одеяло. — Спокойной ночи, мой дорогой, желаю тебе райских сновидений!

Немного погодя она расхохоталась над своими мыслями.

— Тоня, я сейчас обдумывала свой брачный наряд. Он будет сделан наперекор древним обычаям и совершенно не согласно взглядам начальства... И обстановка бракосочетания будет самая необыкновенная!

— Ну скажи же, Варя, голубчик, скажи!

— Молчи, молчи, любопытный, и спи. Больше я ничегошеньки не скажу.

VI

Ночь прошла спокойно, но Антон и Варя поднялись уже чуть свет, чтобы воспользоваться утренней прохладой для восхождения на самый трудный столб, который возвышался в полуверсте от балагана. Молодые люди успели уже закусить и напиться чаю, когда проснулись гимназисты. Простившись со своими случайными соседями, возвращавшимися в город, Антон и Варя направились ко второму столбу. Дорога шла сначала через густой и высокий лес, огибая лог с ключом, ближе к подножию столба начали попадаться заросли кустов, скатившиеся сверху крупные глыбы. Узкая тропа извивалась по росистой траве, усеянной яркими цветами, и Варя, подоткнувшая юбки, чтобы не замочить подол, набирала по пути букет. Солнце еще не взошло, но было уже совершенно светло, и на востоке разгоралась золотистая заря; легкий ветерок проносился по вершинам сосен и лиственниц, обдавая путников холодком и заставляя их ежиться.

Вскоре тропа поднялась на восточный склон столба, довольно пологий внизу и поросший мелким лесом и кустами в промежутках между глыбами гранита; по этому склону молодые люди легко поднялись на первый уступ, над которым вздымалась крутая и высокая стена, казавшаяся на первый взгляд неприступной. Но, разглядывая ее внимательнее, можно было заметить и небольшие карнизы, и ниши, дававшие возможность поставить ногу, и широкие трещины, горизонтальные и вертикальные, в которые легко было всунуть колышек, и отдельные кустики и корявые деревья, за которые можно было ухватиться рукой. Но все-таки лезть на эту стену без помощи веревки было слишком рискованно, веревку же приходилось забрасывать очень искусно, стараясь зацепить ее за кривой ствол толстой сосны, нависшей над обрывом; для этого служила тонкая бечева с привязанным к ее концу камнем, подобная чалке, употребляемой на судах.

Свернув эту бечеву кольцами, Антон бросал ее вверх; после нескольких неудачных попыток камень перелетел через ствол сосны и упал назад, к ногам юноши, которому уже не стоило большого труда передернуть веревку вслед за бечевой через сосну. Тогда он полез, придерживаясь одной рукой за веревку, а другой втыкая колышки в расселины гранита, в тех местах, где не было выступа или впадины для опоры ноги. Достигнув сосны, Антон очутился на небольшой площадке, на которой можно было перевести дух после трудного лазанья по обрыву; он обвязал веревку крепче вокруг ствола, и тогда уже полезла вверх Варя, для которой колышки были уже приготовлены, а веревка закреплена.

После отдыха на площадке, с которой молодые люди приветствовали солнце, поднимавшееся желто-красным диском из-за щетинистого гребня далекой горы, пришлось отвязать веревку и повторить ту же операцию еще раз, чтобы подняться на следующий уступ; но этот подъем был менее труден и длинен, чем первый, последние же сажени нужно было просто карабкаться по ступенчатому откосу, в трещинах которого росли в изобилии кустики и деревца, дававшие опору рукам и ногам.

Наконец молодые люди очутились на вершине столба, которая представляла гораздо более широкую площадку, чем вершина первого столба, посещенного нака-

нуне. Эта площадка имела шагов тридцать в длину и двадцать в ширину; к западу она обрывалась очень резко, и с этой стороны столб падал вниз совершенно отвесной и гладкой стеной сажень на пятьдесят, забраться по которой не мог бы и самый ловкий акробат. Подножие стены было окаймлено узкой полосой некрупных глыб, когда-то сорвавшихся сверху и покрытых уже мохом и мелкими кустами, тем не менее падение с площадки столба на эти камни грозило немедленной смертью. К северу площадка также обрывалась сразу, но здесь стена столба в одном месте на половине высоты представляла косой уступ, на котором поместилась целая рощица довольно крупного леса и кустов; этот зеленый уступ и обращал на себя внимание при взгляде с первого столба.

На востоке столб падал не отвесно, площадка его вершины постепенно переходила в крутой откос с уступами, по которому столбисты и забирались вверх. Наконец, в южной части площадка была рассечена широкими трещинами на отдельные части; на ближайшие хороший гимнаст мог бы еще перескочить, но более далекие представляли уже самостоятельные толстые иглы или зубья, на которые распадался столб с южной стороны; за этими зубьями виднелась седловина, соединявшая второй столб с третьим, более низким и сильно разрезанным выветриванием.

На площадке вершины в трещинах гранита росла травка, кустики и маленькие кривые сосны, которые стлались по камню, пригибаемые к нему силой зимних буранов; эта растительность совершенно не была видна снизу.

VII

Восхождение на столб заняло около часа времени, и, когда Антон и Варя достигли вершины, солнце уже поднялось над далекими лесистыми горами на северо-востоке, и его косые лучи осветили площадку и согрели ее, быстро высушивая ночную росу. Вид с вершины был в общем такой же, как с первого столба, но только теперь, рано утром, воздух был еще наполнен парами, из падей и долин поднимались легкой пеленой туманы, а над Енисеем тянулась молочно-белая мгла. Утренний ветер порывами проносился над горами, и бесконечное море лесов волновалось и шептало свою

вечную, таинственную песню. Быстро становилось тепло, и туманы таяли и исчезали на глазах.

Варя, сидя на краю гранитной площадки, перебирала цветы, сорванные внизу по дороге к столбу, и плела из них венок; ее пальцы проворно клали рядом и белую душистую ночную фиалку, заменяющую в Сибири ландыш, и лилово-голубой ароматный ирис, и ярко-желтый огонек, и белые с красными крапинами и разводами странные сапожки. Антон лежал возле нее, отдыхая от восхождения, смотрел на ее работу и наконец спросил:

— Для чего ты плетешь венок, ведь он скорее завянет, чем букет.

— Ты, очевидно, уже забыл, глупый, что сегодня день нашей свадьбы. Здесь, в тайге, мирты и флер д'оранжи не растут, и я делаю венок из родных сибирских цветочков. А за то, что ты забыл мои слова, сказанные ночью в балагане, я тебе венка не сплету, и ты будешь венчаться без цветов, как дикарь.

Антон понял, что замышляла Варя, и его сердце, еще возбужденное усилиями восхождения, заколотилось в груди; он схватил руку девушки и прижал ее к губам.

Венок был готов. Солнце поднялось выше и уже хорошо пригревало, но еще не жарило, не обжигало кожу; так и хотелось, сбросив с себя одежды, нежить свое тело под его лучами.

Варя вскочила на ноги, быстро распустила свои тяжелые золотистые косы, надела на голову венок и подошла к восточному краю площадки.

— Иди сюда, мой жених, — сказала она. — Мы произнесем перед лицом солнца обет любви и верности; столбы и тайга — наши свидетели!

Антон, любовавшийся девушкой в экстазе восторга, поднялся и подошел к ней. Она взяла обе его руки в свои и, обратившись лицом к солнцу, произнесла громким голосом:

— Вечное светило, согревающее нашу печальную землю и дающее отраду всему живущему! Вековая тайга, шумевшая над моей колыбелью и навевавшая грезы моего детства! Древние столбы, доставившие нам столько счастливых часов! Будьте все свидетелями нашего бракосочетания. Мы любим друг друга и желаем пройти рука об руку жизненный путь, как верные супруги. Но не для одних только радостей любви мы хотим со-

единиться, а для того, чтобы поддерживать друг друга в борьбе и работе на пользу родине.

Мы клянемся перед твоим лицом, вечное солнце, перед тобой, вековая тайга, перед вами, дорогие столбы, — закончила Варя патетически, — мы клянемся любить друг друга и отдать все свои силы работе для освобождения родины...

— Мы клянемся, — повторил Антон, захваченный экстазом своей невесты, хотя перед тем он в глубине души счел этот обет на вершине столба слишком театральным.

Разъединив руки, Варя протянула их к солнцу и затем обвила шею своего жениха и прильнула к его груди. Затем, словно вспомнив что-то, повернула голову опять на восток и сказала задумчиво:

— Будем ли мы венчаться еще в церкви, Тоня, или нет, это дела фактически не изменит. Брачные цепи будут нас связывать только до тех пор, пока в наших сердцах сохранится взаимное чувство. Если ты когда-нибудь разлюбишь меня, ты будешь свободен от первой половины клятвы... Но не от второй! — добавила она твердо. — Того из нас, кто изменит родине, кто перестанет трудиться для ее освобождения, пусть судьба покарает жестоко, как предателя! Пусть он лучше погибнет!

Варя мрачно сдвинула брови и подняла руку, словно угрожая предателю. Антону стало даже жутко от этого конца клятвы, он опустил на колени перед своей невестой и произнес взволнованным голосом:

— Ты будешь меня поддерживать в этой борьбе, ты будешь моим добрым гением, Варя. Я чувствую, что без твоей помощи я ослабею и изменю клятве.

Она поцеловала его в лоб, как нежная мать, потом повернулась лицом к востоку и сказала:

— А теперь постой здесь и не смей оборачиваться, пока я тебя не окликну.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Антон, все еще встревоженный.

— Ничего страшного, мой любимый, не бойся. Я хочу только надеть свой брачный наряд, а жениху не полагается смотреть, как одевается его невеста.

— Это все по древним обычаям, которые ты собиралась не признавать, — пытался протестовать Антон.

— Когда я стану уже твоей женой, ты будешь ви-

деть, как я одеваюсь. А теперь стой смирно и не оглядываясь. Если оглянешься — я брошусь вниз, в бездну!

— Ой, как грозно! Ну ладно, я слушаюсь тебя, моя повелительница...

Антон стоял, выделяясь черной тенью на ярко освещенном небе, а Варя, отойдя от него на противоположный край площадки, поспешно начала раздеваться. Много времени не понадобилось, чтобы сбросить с себя простой дорожный костюм, развязать ботинки и снять чулки. Наконец с плеч соскользнула рубашка, и, перешагнув через нее, Варя крикнула прерывающимся от волнения голосом:

— Теперь можно, Тоня!

Антон повернулся. Озаренная яркими лучами солнца, с венком на голове, с рассыпавшимися по плечам золотистыми волнами волос, к нему медленно приближалась маленькими шагами обнаженная девушка, закрывшая глаза одной рукой, а другую протягивавшая вперед. Это была сибирская Венера, поднявшаяся из зеленых волн дремучей тайги на голую красную скалу, — молодая, божественная, шествовавшая к своему возлюбленному... Легкий ветерок развеивал пряди ее волос, солнечные лучи змеились в них золотистыми переливами, целовали оба маленьких нежно-розовых бутона, поднимавшихся над упругими белыми полушариями, слегка вздрагивавших при каждом шаге, скользили по мягким линиям живота и крепких бедер, щекотали стройные колонны ног и падали на маленькие ступни, осторожно подвигавшиеся по голому шероховатому камню.

Антон стоял безмолвно и неподвижно, пораженный и очарованный этим зрелищем. Он чувствовал невольно, что такие мгновения слишком хороши, чтобы тянуться долго, и наслаждался ими в экстазе. Он понимал, что не бесстыдство и не похоть побудили молодую девушку обнажиться перед ним, а именно сознание красоты и божественности этих мгновений, желание предстать перед возлюбленным в образе богини любви в этой замечательной обстановке; и эти чувства заставили ее отбросить девичий стыд без всяких колебаний.

И только когда Варя подошла к нему совсем близко, он принял ее, зардевшуюся, но ликующую, в свои объятия, и уста их слились в жгучем поцелуе страсти, ожидавшей близкого удовлетворения.

Солнце поднялось почти к зениту, когда новобрачные наконец собрались спускаться со столба, сделавшегося «приютом их любви». Так сказала Варя, оставляя на площадке свой брачный венок, словно жертву на алтаре Венеры. Она вынула из него только четыре цветка и, отбирая их, промолвила, обращаясь к мужу:

— Эти цветы я уношу на память о минувших часах блаженства; белая фиалка — это символ моей чистоты, которую я принесла тебе в дар, мой возлюбленный; голубой ирис — знак моей веры в тебя, мой дорогой; жгучий огонек — обозначает нашу горячую молодую любовь, а белый с кровавыми пятнами сапожок — нашу торжественную клятву верности друг другу и делу освобождения родины!

Еще два дня провела молодая парочка в одиночестве на столбах, отдаваясь, впрочем, больше восторгам любви, чем восхождениям на кручи. И побуревшие стены балагана, освещенные отблесками костра в тихие вечерние часы, и мшистые площадки под высокими зелеными сводами леса, и изумрудные лужайки, в траве и цветах которых Варя и Тоня скрывались, слышали их страстные речи, видели их долгие поцелуи и сохранили тайну их любовных ласк.

А когда миновали эти дни и истощился запас провизии до последней крошки, молодая парочка, утомленная, но счастливая, вернулась в город. Через месяц, когда отец Вари приехал с приисков, они повенчались, а в начале августа уехали в Россию учиться.

Часть II. Ангел Смерти

I

Быстро пролетели четыре года и принесли молодым супругам больше горя и печали, чем радостей; только первые месяцы совместной жизни в столице протекали благополучно, и Варя чувствовала себя на седьмом небе, устраивая свое гнездышко, знакомясь с достопримечательностями столицы, посещая не виданные никогда театры, вступая в общение с товарками на курсах, упиваясь лекциями. Но в половине осени она начала уже

чувствовать недомогание, которое вскоре объяснилось беременностью, оказавшейся в первой половине очень неприятной, доставлявшей Варя не только много мучений, но и мешавшей ей часто бывать на курсах, а тем более в театрах или в гостях. Только к весне ей стало легче, но пополнившая и отяжелевшая фигура все-таки заставляла ее сидеть больше дома. Тоня оказался не очень нежным мужем и под предлогом лекций, практических занятий, а также работы в подпольной организации часто оставлял жену одну.

В конце мая Варя родила довольно хилого и болезненного мальчика, и, конечно, супруги не могли везти его в далекий Красноярск на короткое летнее время; пришлось провести лето на даче в окрестностях столицы, и Варя посвящала ребенку, которого сама кормила, почти все свое время. Она была привязана к дому и могла отлучаться только на короткое время, а Тоня часто уходил на далекие прогулки, на охоту и рыбную ловлю, ухаживал за другими дагницами, не связанными младенцами, и Варя опять-таки часто оставалась одна. Она часто жаловалась, что ребенок совершенно перевернул все ее планы жизни в столице, в которые этот новый член семьи не входил, так как ей почему-то казалось, что у нее не будет детей, несмотря на пророчество кукушки. Но он явился, и приходилось отдавать ему и свое время, и свои силы, и свою любовь и заботу, отнимая все это от мужа, которому скоро надоело помогать при купании, пеленании, лечении и слушать писк. Таким образом, отношения между молодыми супругами, расхоленные тяжелой беременностью Вари, мало поправились за лето; бывали и маленькие сцены ревности, упреки и слезы, после которых Тоня на некоторое время становился более внимательным и чаще оставался с женой.

То же продолжалось и осенью в городе: Варя была связана ребенком, который часто хворал, а почти все остальное время должна была отдавать занятиям на курсах, чтобы наверстать пропущенное за прошлый год и не отстать от товаров. Тоня также усиленно занимался, чтобы весной кончить курс. Но внезапно стряслась беда, которую он должен был ожидать, так как не прерывал сношений с нелегальными кружками и принимал участие в их работе; в конце января его арестовали, и он просидел больше двух месяцев в доме предварительного заключения; Варя осталась на свободе,

так как благодаря беременности и ребенку еще не успела увлечься нелегальной деятельностью.

На свиданиях с ней Тоня поговаривал, что его скоро вышлют в отдаленные места Сибири, и она скрепя сердце начала уже готовиться к отъезду; и вот неожиданно перед пасхой ее муж явился домой — он был освобожден, и ему даже разрешили держать выпускные экзамены. Вскоре после этого тяжело заболел и в начале мая умер их ребенок. Его смерть возвращала Варю прежнюю свободу, но молодая мать была тяжело потрясена и в своем горе не обратила внимания, что Тоня после тюрьмы сделался каким-то странным, старался избегать разговоров с женой и очень часто исчезал из дома. Впрочем, Варя вскоре после смерти ребенка уехала за границу лечиться вместе с отцом, прибывшим из Сибири с той же целью. Тоня не мог ее сопровождать, так как у него выпускные экзамены затянулись до половины июля, а затем его вызвали в Красноярск к тяжело заболевшему отцу; это была первая продолжительная разлука молодых супругов.

Осенью они опять съехались; Тоня остался служить в столице в ожидании окончания Варей учения и числился кандидатом к окружному суду; Варя с увлечением принялась за занятия, которым уже ничего не мешало. Но отношения между супругами оставались уже слегка надорванными тяжелым минувшим годом, и безмятежное счастье первых месяцев брака больше не возвращалось. Тоня привык проводить время без жены и под предлогом занятий в суде по утрам и партийной работы по вечерам часто исчезал надолго. Варя не случайно узнавала, что он был не там, где указывал, а в немецком клубе и что он играл в карты. Сначала это обстоятельство вызывало объяснения и слезы, но затем Варя убедилась, что в результате муж становится только более скрытным, и оставила его в покое, возложив надежды на недалекое будущее, когда им предстояло вернуться на родину и найти там много живого и неотложного дела. Иногда к Тоне приходили личности, которые ни по своей внешности, ни по манерам не могли быть его сослуживцами и вообще казались подозрительными. Но муж уверял, что это партийные деятели из мастеровых, и Варя приходилось этому верить, так как Тоня действительно занимался партийной работой. Сама Варя, желая скорее и без помехи кончить курс и работать на родине, нелегальной деятельностью в столице

не занималась, а только поддерживала некоторые сношения с членами партии ради будущих связей.

Так прошли еще два года без особых происшествий; отношения между Варей и ее мужем не улучшились; по внешности они были хорошие, но в них не было ни прежней теплоты, ни взаимного полного доверия первых месяцев брака. Тоня хлопотал уже о месте в Сибири, и, когда Варя была еще занята экзаменами, он получил назначение в Красноярск и собирался уехать туда недели на три раньше жены, чтобы не пропустить срок для явки.

II

Последние дни перед отъездом Тоня проводил вне дома под предлогом разных заказов, покупок, прощальных визитов и ликвидации партийных дел. Уезжать нужно было утром; накануне Тоня целый день отсутствовал и вернулся уже под вечер. Дома он нашел телеграмму, в которой его извещали, что его мать тяжело заболела и что если он хочет застать ее еще в живых, то должен ускорить свой приезд. Тоня предполагал ехать от Тюмени до Томска на пароходе и приноровил отъезд из столицы ко дню отхода парохода из Тюмени; теперь же приходилось оставить этот план и ехать через Западную Сибирь кратчайшим путем на лошадях, что давало возможность при спешной езде выиграть два-три дня сравнительно с пароходом. Но можно было выиграть еще сутки на волжских пароходах, выехавши из столицы не утром на следующий день, как предполагалось, а немедленно, вечером. Оставалось только экстренно уложиться, так как почти все было уже приготовлено, а не готовое или забытое могла затем привезти Варя.

Так и сделали, и Тоня успел еще попасть на вокзал к отходу последнего поезда.

На следующее утро Варя, собирая старое платье, оставленное ее мужем для продажи татарину, и осматривая карманы, чтобы убедиться, не остались ли в них деньги или письма, нашла в пиджаке, который Антон носил последнее время, старую, потрепанную записную книжку. Желая узнать, оставлена ли книжка как уже ненужная, Варя начала ее перелистывать и среди разных полустертых записей вдруг наткнулась на адреса

нескольких конспиративных квартир, которые были ей известны.

«Какой неосторожный, — подумала она, — разве можно держать такие адреса в записной книжке, которую можно потерять, которую могут найти при обыске...»

Это обстоятельство заставило ее заняться более внимательно изучением содержания книжки, которую теперь становилось опасно везти с собой, а уничтожить, не спросивши мужа, было нельзя.

Кроме большого количества адресов, даже с фамилиями, ей преимущественно незнакомыми, но и фамилиями нескольких крупных партийных деятелей, она нашла реестр, озаглавленный: «получения от Жанны». В этом реестре с пометками года, месяца и дня был приведен ряд чисел от 50 и до 500 рублей. Варя заметила, что эти «получения» касались только последних двух лет, но были почти ежемесячные. Это обстоятельство очень заинтересовало молодую женщину; она знала, что со времени смерти отца Тоня из дома денег больше не получал, а, наоборот, к праздникам сам посылал матери небольшие суммы. Она знала также, сколько жалованья получал ее муж за службу в суде, но «получения от Жанны» намного превышали скромное жалованье кандидата и за два года составили около четырех тысяч пятисот рублей.

Сообразив все это, Варя побледнела, и руки у нее похолодели и задрожали при мысли о том, что ее муж связался с какой-то Жанной и даже брал у нее крупные суммы, то есть поступил к ней на содержание. Супруги Ваньковские жили скромно; жалованья мужа и субсидий отца Вари на эту скромную жизнь было достаточно; на экстренные расходы — как во время болезни ребенка, поездки за границу — отец присылал всегда отдельно. Следовательно, семейные нужды не могли заставить Тоню искать какие-либо посторонние источники дохода. Значит, это были деньги секретные, неизвестные Варе, скрытые от нее и, очевидно, нужные на какие-то секретные надобности. Варя вспомнила игру в клубе, случайно дошедшую до ее сведения, вспомнила частое позднее возвращение мужа домой в не вполне трезвом состоянии, в чем она убеждалась не раз, когда ей случалось просидеть за книжкой до его возвращения. Все это она вспомнила, сопоставила с получениями от Жан-

ны и задрожала от негодования, к которому присоединилась безотчетно для нее самой и доля ревности.

— Такая низость! — прошептала она. — Связался с какой-то француженкой, должно быть, старой, которая покупает его любовь; а свою выручку он проигрывает в карты и пропивает... Но эта мысль была так чудовищна для Вари, все еще верившей в любовь и верность мужа, несмотря на его видимое охлаждение к ней за последние два года, что молодая женщина не поверила своим предположениям и начала еще тщательнее пересматривать записи книжки в надежде найти разъяснение «получений от Жанны», не оскорбительное для ее любви.

Наконец среди адресов, заполнявших целые странички, в большом количестве зачеркнутых и с пометками «умер», «уехал», «сослан», она нашла полустершуюся загадочную запись: «П. П. удалось бежать с К.; узнать, где он скрывается, и сообщить Жанне».

Эта запись навела Варю на мысль, что Жанна имеет отношение к партии и что, может быть, все эти «получения от Жанны» были просто деньги для партийной работы, жертвуемые разными сочувствующими людьми.

При этой мысли сердце Вари радостно забилося, и она продолжала поиски, чтобы получить еще доказательства невинности мужа в измене. Но больше ничего интересного не попадалось, и она хотела уже отложить книжку в сторону, как вдруг из карманчика ее обложки высунулся угол бумажки. Варя развернула ее — она была не помятая и не загрязненная, очевидно вложенная недавно, и на ней была запись свежими чернилами, содержавшая несколько адресов, среди которых сразу бросились в глаза слова «Илларион Элпидифорович». Варя вспомнила, что так зовут жандармского ротмистра в Красноярске, о котором ей недавно писала подруга, что он начал сильно притеснять политических ссыльных в городе; адрес его на бумажке был указан красноярский, хотя город не был назван, как не была названа фамилия ротмистра. Рядом стоял другой адрес с отметкой «канцелярия», и Варя узнала, что это адрес жандармского отделения, находившегося наискось от гимназии, где она училась, и известного ей с детства. Еще несколько сибирских адресов ничего не говорили Варе, и только один обратил на себя ее внимание: «Ив. Петр. Железнов, смотритель в Александровском центре».

Все эти сведения могли быть нужны для партийной работы, хотя в этом случае хранить в записной книжке такие из них, как о смотрителе центральной каторжной тюрьмы, через которого, очевидно, можно было завести сношения с заключенными, было крайне неосторожно со стороны Ваньковского.

Таким образом, изучение записной книжки мужа вызвало в душе молодой женщины ряд мучительных вопросов, на которые она не находила определенного ответа; все можно было объяснять так или иначе.

III

Варя сидела еще в глубоком раздумье с книжечкой в руках, когда в прихожей раздался звонок и прислуга принесла ей телеграмму от мужа, поданную ночью в Бологом. Тоня писал: «Забыл кармане пиджака записную книжку крайне нужными адресами вышли немедленно почтой Красноярск востребования. Обнимаю. Антон».

Подписавши расписку, Варя сама понесла ее в прихожую, чтобы отдать рассыльному, и увидела рядом с последним какого-то молодого человека, очевидно вошедшего без звонка, так как дверь была полуоткрыта. Когда рассыльный вышел, молодой человек, поклонившись Варе, спросил ее:

— Могут ли видеть Антона Антоновича?

— Он, к сожалению, вчера уехал в Сибирь, — ответила Варя.

— Не может быть! — воскликнул посетитель. — Ведь господин Ваньковский должен был выехать только сегодня в обед?

— Совершенно верно, но он получил телеграмму от матери, и пришлось экстренно собраться и выехать вчера вечером.

Незнакомец задумался, затем спросил:

— Позвольте узнать, вы будете его супруга?

— Да, я его жена.

— И едете вслед за супругом в Красноярск через две недели?

— Так, но откуда вы это знаете?

— Мы многое знаем... В таком случае не будете ли так добры увезти вашему супругу и передать в собственные руки этот пакетик?

С этими словами молодой человек вынул из карма-

на и подал Варе сероватый конверт с красной печатью.

— Но почему же вы не пошлете это письмо по почте, оно бы получилось гораздо раньше моего приезда, — спросила Варя.

— Такие письма по почте не посылают, мадам, — ответил незнакомец с улыбкой. — Вы, конечно, знаете, где служит ваш супруг — я должен был передать эти секретные справки ему лично. Господину полковнику день отъезда господина Ваньковского был известен точно, и он велел мне заготовить эти справки и доставить на дом к отъезду.

Варя только сказала: «Да, да!»

— Так я могу быть уверен, что вы их передадите супругу? Иначе мне достанется за опоздание, хотя я и не виноват в преждевременном выезде господина Ваньковского.

С этими словами посетитель передал Варе пакет, поклонился и исчез за дверью.

Варя держала конверт с печатью в руках и стояла, словно окаменевшая, на том же месте в прихожей. Когда странный посетитель упомянул секретные справки и полковника, в глубине ее мозга мелькнула страшная догадка и теперь постепенно принимала все более и более ясные очертания.

— Но не может быть, ведь это чудовищно! — шептали ее побелевшие губы, а глаза впивались в запечатанный конверт, содержащий, конечно, страшную разгадку. На конверте была только надпись: «А. А. Ваньковскому в собственные руки», внизу карандашом был приписан адрес.

— Что же мне сделать, что мне сделать, чтобы узнать правду относительно Тони? Жанна, деньги, полковник, адреса жандармов... Боже мой, что все это значит?!

«Вскрой конверт, тогда узнаешь», — сказала себе Варя, но не решилась привести это в исполнение. Ведь эти секретные справки могли быть от товарищей по партии; может быть, комитет предлагал Тоне в Сибири такое дело, о котором даже его жена не должна была знать ради успеха предприятия.

«Но при чем тут Жанна, что это за Жанна?» — И опять ревнивые подозрения сжимали сердце Вари, а с другой стороны, вставал жандармский полковник; сопоставляя то и другое, вспоминая кое-что из поведения мужа за последние два года, несчастная женщина при-

ходила к выводу, которому все-таки не хотела верить, — ее муж поступил на службу к жандармам в политический сыск, чтобы получать деньги, которые тратил на картежную игру и на содержание какой-то Жанны.

«Это нельзя оставить без разъяснения, не ради меня только, но ради товарищей», — подумала Варя. И ей пришла мысль обратиться к старому и опытному партийному деятелю, известному ей по отзывам с лучшей стороны. Если ему рассказать все, показать записную книжку и пакет, он сумеет распутать это таинственное дело; если подозрения окажутся напрасными — тем лучше, Тоня о них и не узнает. Но если Тоня действительно сыщик, предатель...

И при этой мысли сердце Вари мучительно сжалось, но брови сдвинулись, глаза гневно сверкнули.

— По крайней мере я не останусь его сообщницей в глазах товарищей, так как выведу его на чистую воду! — закончила она свою мысль твердым голосом, вспомнив клятву, произнесенную в день бракосочетания на гранитном столбе.

IV

Варя начала было одеваться, чтобы уйти из дома, но вспомнила, что находка записной книжки прервала ее поиски в карманах старого платья мужа; эти поиски нужно было кончить, — может быть, найдется еще что-нибудь!

Действительно, во внутреннем кармане старого сюртука она нашла несколько гектографированных прокламаций, изданных по поводу волнений в университете и призывавших студенчество к объединению. Но эта находка значения не имела, а больше Варя не нашла ничего. Собираясь уже уходить, она заметила телеграмму мужа, брошенную на стол.

«Необходимо ему ответить», — подумала она, потому что записная книжка, быть может, будет задержана на несколько дней для разъяснения дела.

Она присела и быстро набросала мужу короткое письмо в Красноярск, в котором извещала, что пиджак она уже успела продать татарину, не обыскав его карманов, но что она примет все меры, чтобы найти этого татарина, известного прислуге, и вернуть от него записную книжку; но поиски потребуют нескольких дней, которые нужно потерпеть.

Наконец, Варя, захватив записную книжку, пакет и телеграмму мужа, вышла из дома. Она отправилась сначала по одному конспиративному адресу, где ее хорошо знали и дали ей адрес другой квартиры, на которой ей уже после маленького допроса указали адрес того лица, кого она искала. Этот старый вожак жил в столице нелегально и часто менял квартиры; узнать его адрес было нелегко, и осторожность требовала, чтобы не всякий, желавший его видеть, мог добиться свидания, а только тот, в ком товарищи были вполне уверены, что он не только не предаст, но и не проболтается случайно. Хотя Варя и не была деятельным работником партии, но имела вполне хорошую репутацию надежного товарища, так что узнала адрес Никона Серого, как звали в партии нужного ей человека.

Серый жил в одном из огромных домов на Садовой улице между Гороховой и Сенной, в квартире портного-штучника, занимая совершенно обособленную комнату с отдельным выходом на черную лестницу. Штучник был свой человек и очень внимательно, даже с подозрением, осмотрел Варю, когда она пожелала видеть его жильца; он переспросил ее два раза, кого она хочет видеть и кто ей сообщил адрес, и, только убедившись, что она не сбилась в фамилиях и адресах, провел ее к Серому.

Варя встречалась с этим руководителем партии раза три в прежнее время, и он произвел на нее сильное впечатление как своей внешностью природного вождя, так и разговором; потому она и решилась обратиться к нему для разъяснения мучительной загадки. Серый сейчас же ее узнал и спросил о муже, о курсах, поздравил с предстоящим окончанием и наконец сказал, усаживая посетительницу в старое и просиженное кресло возле своего рабочего стола:

— Я слышал, что ваш муж хочет перевестись на службу в Сибирь. Вы тоже пойдете с ним в добровольную ссылку?

— По этому вопросу я к вам и пришла за советом, вы один можете разъяснить мои сомнения, мои подозрения относительно мужа...

Серый несколько удивленно взглянул на свою собеседницу и спросил:

— Вы боитесь, что муж изменяет вам?

— Если бы дело было только в этом, я бы не стала

занимать ваше время. Нет, я боюсь, что дело гораздо хуже, слушайте...

И Варя, волнуясь и останавливаясь, изложила ему все открытия и происшествия после отъезда мужа, показала телеграмму, записную книжку и пакет, принесенный неизвестным; в книжке она обратила внимание Серого на записи, показавшиеся ей подозрительными, особенно на адреса конспиративных квартир и жандармов, а рубрику «получений от Жанны» отметила только скользь.

Серый выслушал ее очень внимательно, задал несколько вопросов об образе жизни Ваньковского за последние годы и его знакомствах, рассмотрел записи книжки и задумался. Сопоставив некоторые записи с событиями в жизни партии и подводя итоги всему, что он узнал, опытный деятель почти не сомневался в измене мужа Вари; но, видя ее волнение, читая в ее глазах глубокую скорбь, он постарался поддержать молодую женщину, внушив ей некоторую надежду и оттянув решительный ответ.

— На расследование этого дела нужно время, — сказал он. — Обвинение слишком тяжкое, шутить такими вещами нельзя. Я надеюсь, что все разъяснится к лучшему. Не падайте духом, ваши силы нужны вам для окончания экзаменов.

— Что же мне делать сейчас? — спросила Варя. — Неужели я уйду, не получив разъяснения?

— Вы говорите, что через две недели, покончив с экзаменами, должны уехать в Сибирь к мужу и увезти ему этот таинственный конверт и записную книжку? Да? Так вот мой совет и моя покорнейшая просьба: забудьте на эти две недели о происшедшем — займитесь учебниками до одурения, кончайте курс, чтобы быть самостоятельной. А я за это время займусь разъяснением вопроса... Не теряю надежды, что подозрения по поводу измены нашему делу окажутся несостоятельными...

— Отчего же вы не вскрыете конверт? — вскричала Варя. — Может быть, все разъяснится сразу и всякое расследование окажется излишним!

— Может быть, да, а может быть, нет, дорогая.

И, взяв из ее рук конверт, он тщательно рассмотрел сургучную печать. Кроме желания дольше сохранить в душе молодой женщины надежду на благоприятное разрешение загадки и веру в невиновность мужа, Серый

имел в виду еще необходимость немедленно принять меры, чтобы связи предателя были раскрыты и ему самому пресечена возможность вредить дальше делу партии. Между тем можно было опасаться, что Варя, узнав правду теперь же, в своем отчаянии сделает какой-нибудь безрассудный поступок, который спутает все планы, позволит предателю скрыться или, наоборот, выдать всех, кого он еще до поры до времени не выдавал.

Вот почему необходимо было оттянуть решительный ответ и оставить Варю в неизвестности.

— Видите ли, — сказал Серый, — этот конверт нужно вскрыть совершенно незаметно, чтобы адресат мог затем получить его и не догадаться, что кто-нибудь прочитал его переписку. Подумайте только: если ваш муж не виновен — каково было бы ему узнать, что вы и мы заподозрили его в предательстве, изучали его записную книжку, вскрывали письма! У нас это так не делается. Нужно незаметно убедиться в вине или невинности человека, а не мучить его подозрениями, слежкой, может быть, неосновательными. Вскрыть незаметно этот конверт может только искусный в таком деле человек и при помощи некоторых приспособлений, которых у меня нет. Я должен отправиться к этому человеку довольно далеко.

— Но это продолжится день, много два.

— Может быть, и дольше. Кроме того, некоторые записи в книжке, которые кажутся вам такими страшными, могут оказаться совершенно невинными, но для разъяснения их придется наводить справки у разных лиц. Затем — содержимое этого пакета также может потребовать разных справок. Словом...

— Словом, вы хотите измучить, истомить меня неизвестностью. Ведь возможна двойная измена — партии и мне.

— Будем надеяться, что окажется только одна измена или даже ни одной, — ответил Серый. — Поверьте, что я приложу все усилия, чтобы дать вам ответ как можно раньше. Две недели — это крайний срок. А вы отбросьте пока всякие скверные, мучительные мысли и держите экзамены; это будет полезно вдвойне — и курс кончите, и не будете волноваться, строить всякие догадки, ломать себе голову и трепать нервы.

— Постараюсь исполнить ваш совет, хотя мне уже не удастся отделаться вполне от мысли, что мой муж, может быть, предатель, — сказала Варя, вставая.

— Только, пожалуйста, ни слова, ни намека вашему мужу о происшедшем — ради его спокойствия, если он не виновен, ради успеха расследования, если он виноват. Пишите ему о своем здоровье и об экзаменах и покороче, чтобы случайно не выдать себя.

— Но ведь он телеграммой просит выслать ему записную книжку немедленно по почте. Я уже написала ему, что продала пиджак с книжкой татарину, которого разыскиваю.

— Продолжайте в том же духе. Через несколько дней сообщите, что татарин нашелся, но что пиджак он перепродал и обещает найти покупателя и отобрать у него книжку. Потом можно написать, что книжка нашлась, но что вы едете вскоре сами и привезете эту драгоценность с собой.

— Тяжело так лгать своему мужу, — заметила Варя со вздохом.

— На партийной работе ради успеха дела приходится кривить душой, — ответил Серый, провожая гостью к двери. — Итак, самое позднее через две недели я сам или кто-нибудь по моему поручению, конечно, лицо вполне надежное и скромное, доставит вам книжку и пакет и даст все разъяснения, укажет, что делать. А пока желаю вам успешного учения. Мужайтесь, партийный работник не должен падать духом даже в самые критические моменты своей жизни. До свиданья.

И он крепко пожал Варю руку и тихо запер за ней дверь.

V

Для Вари потянулись тяжелые дни. Приходилось напряженно учиться, прочитывать и запоминать сотни страниц, а в голову назойливо врывается мысль, что любимый человек оказался подлецом, двойным предателем, оплаченным шпионом. Варя успокаивала себя надеждой, что все разъяснится к лучшему, что подозрения необоснованны, но все-таки ее честная душа альтруистки, ее чистая душа верной и любящей женщины тяжело страдала от ужасной мысли о возможности измены мужа. Подчас трудно было учиться, но Варя работала и хотя с грехом пополам, но сдала все экзамены, последний даже днем раньше, чем предполагала, так что имела возможность приготовиться к отъезду, закупить кое-что, побывать кое-где в последний день в ожидании

прихода Серого, о котором она была уже извещена письмом за несколько дней.

Она вернулась домой за полчаса до назначенного срока и стала укладывать свой чемодан, стараясь не думать о предстоящем свидании, которое могло перевернуть всю ее жизнь вверх дном.

Наконец раздался звонок, и в комнату вошел незнакомый мужчина высокого роста, но несколько сутулый; он представился Варе в качестве товарища Рыжова и сказал:

— Принес вам письмо от Никона. Прочитайте, а потом побеседуем.

Рыжов передал письмо, а сам сел в стороне и отвернул голову к окну.

Варя быстро разорвала конверт.

«Дорогая Варвара Гавриловна, — писал ей Серый. — Извиняюсь, что не явился лично, как хотел непременно сделать. Но мое убежище стало известным, и пришлось скрыться в другой город. Я посылаю Вам человска вполне надежного, который поможет в беде.

А беда действительно не малая. Ваш муж, как Вы знаете, два года назад был арестован и просидел несколько месяцев в предварилке. Одиночное заключение и допросы жандармов подействовали на него угнетающим образом, и он проговорился и кое-кого неосторожно подвел. Но затем жандармы сумели, вероятно, убедить его, что все равно репутация его испорчена, а потому лучше поступить к ним на службу; обещали, конечно, полное освобождение от наказания и хорошее жалованье. Он согласился, его выпустили и дали кончить курс. Сначала он был агентом малодетельным и вредил нам редко и немного; но постепенно или сам вошел во вкус предательства, или жандармы нажали на него, угрожая разоблачением, и его работа сделалась интенсивнее.

Мы имеем теперь полное основание приписывать его предательству неудачу нескольких хорошо организованных покушений, провал двух типографий и арест десятка крупных и мелких работников революции. Эти неудачи возбудили в свое время сильные подозрения, но, к сожалению, не против их виновника, а против других лиц — до того мы были уверены в преданности Ваньковского делу партии. В одном случае даже заподозрили Вас, так как Вы через мужа могли иметь сведения и могли неосторожно проболтаться где-нибудь.

Возвращаю Вам записную книжку и пакет. Из первой мы скопировали все важнейшие улики. Партийный работник, всегда могущий ждать обыска и ареста, не носит в записных книжках адресов товарищей, квартир, а выучивает их на память; Ваш муж этой предосторожности не соблюдал, потому что ареста не боялся. В его книжке мы нашли много очень важных адресов, частью уже устаревших, но также и современных; теперь, конечно, и эти устарели, потому что мы приняли свои меры. Были также адреса сыщиков, жандармских офицеров и чиновников Третьего отделения.

«Получения от Жанны» — это скорее всего жалование за предательство, которое он почему-то тщательно регистрировал.

В пакете оказался целый ряд справок о месте жительства и фамилиях сыщиков и жандармов в Красноярске и вообще в Енисейской области, где Ваньковскому предстояло развернуть свою деятельность; были также фамилии и адреса политических ссыльных и общественных деятелей этой области, за которыми, очевидно, нужно было устроить надзор. Нам часть этих сведений будет очень кстати, так как позволит сильно обезвредить сыск в Енисейском крае на некоторое время.

Не имею права скрыть от Вас, дорогой товарищ, что в деле замешана и женщина, именно хористка итальянской оперы, на которую Ваньковский, очевидно, тратил деньги, получаемые от жандармов. В записной книжке оказалось несколько ее адресов — она часто меняла квартиру, и один из наших сумел от нее выведать о ее связи. Эта женщина была очень возмущена, узнав, что ее покровитель уехал в Сибирь, не предупредив ее, и грозила, что поедет туда за ним.

Мне, конечно, не нужно тратить много слов, чтобы убедить Вас в моем искреннейшем сочувствии Вашему великому горю. Но я должен от души поблагодарить Вас за то, что Вы не скрыли от нас случайную находку, которую свободно могли отправить мужу или бросить в печку. Передав разъяснение дела мне, Вы оказали партии громадную, скажу даже, неоценимую услугу.

Я слышал о Вас как энергичной женщине, желающей работать в Сибири на пользу нашего дела. Как старый, закаленный в боях революционер, позволяю себе дать Вам искренний совет: вырвите без колебаний, без сожаления из своего сердца того, кто совершил

двойное предательство, чтобы покончить с ним раз навсегда. Не думайте о компромиссах — они погубят только Вас самих и ничему не помогут. Мужайтесь и посвятите себя общественной и партийной работе — в ней Вы найдете утешение и забвение личного горя.

Если хотите, мы поможем Вам освободиться от власти мужа.

Еще раз спасибо и прощайте. Может быть, нам суждено еще встретиться. Письмо, конечно, истребите.

Ваш Н. С.».

VI

В глубоком волнении Варя читала письмо; по временам невольные слезы набегали и туманили ей глаза, но она быстро, нетерпеливым движением руки смахивала их, чтобы не мешали читать.

За истекшие две недели молодая женщина уже значительно подготовила себя, вспоминая поступки и слова мужа, странные посещения и частые отлучки, сопоставляя все это с обнаружившимися после его отъезда данными. Конечно, в душе еще теплилась смутная надежда на то, что все объяснится к лучшему после расследования Никона, но эта надежда была очень слаба. Варя больше надеялась на то, что муж не изменил лично ей, но в его измене партии она была почти уверена; а эту измену она считала более важной и из-за нее разошлась бы с мужем — конечно, не без борьбы, не без страданий.

Теперь же, когда оказалось, что он изменял и ей, и изменял давно, ее чувство к нему, уже ослабевшее за последние два года, превратилось почти в ненависть. И слезы, набегавшие при чтении письма, были скорее слезами обиды, слезами сожаления о том, что она любила этого двойного предателя, чем слезами горя.

Дочитав письмо, она вытерла слезы и задумалась. Совет Никона — без колебаний вырвать предателя из своего сердца — был почти излишен; второй совет — найти утешение в работе — вполне отвечал ее намерениям. Предложение же освободить ее от власти предателя встречало в ее душе благодарный отклик.

Варя повернула голову к человеку, принесшему письмо, который все время незаметно наблюдал за ней, хотя, казалось, смотрел безучастно в окно.

— Я готова выслушать, товарищ, что решила партия

относительно моего... — она остановилась на мгновение и затем продолжала, — бывшего мужа. Говорите без стеснения...

— Его приговорили к смерти, и только вы можете наложить veto на приговор, отсрочить его исполнение, сделать попытку заставить предателя отказаться навсегда от своей деятельности. Но, оттягивая исполнение приговора, давая осужденному возможность мстить, предать еще многих, вы рискуете нанести крупный ущерб нашему делу...

Варя вздрогнула, у нее потемнело в глазах, но она усилием воли овладела собой и сказала тихим, но твердым голосом:

— Я не препятствую исполнению приговора...

Все-таки силы на мгновение оставили ее, она побелела как полотно и откинулась к спинке стула, беспомощно опустив руки. Рыжов бросился к ней. Она прошептала:

— Пожалуйста, стакан воды из кухни.

Рыжов принес воду, и, когда Варя отпила несколько глотков и успокоилась, он спросил:

— Когда же вы едете в Красноярск?

Варя совсем забыла, что собиралась сегодня же уехать, что ее вещи уложены. Теперь эта поездка казалась ей совершенно не спешной, может быть, совсем ненужной. Она высказала это Рыжову.

— А как же возвратить записную книжку и пакет? Ведь это необходимо сделать, иначе Ваньковский почувствует недоброе и может наделать нам беды. Если вы не хотите ехать, то позвольте мне книжку и пакет, я поеду. Мне поручено уличить предателя...

— И устранить его, — прибавила Варя тихо.

Рыжов кивнул головой.

— Когда же вы хотите ехать?

— Могу быть готов завтра.

— Хорошо, зайдите ко мне завтра по дороге на вокзал. Я обдумаю и, может быть, поеду с вами.

VII

Посла ухода Рыжова Варя, чтобы встряхнуться и не оставаться целый вечер одной в пустой квартире, отправилась гулять вместе со знакомой курсисткой, потом зашла к последней пить чай и вернулась домой уже поздно. Но спать ей не хотелось, да и нужно было обдумать

создавшееся положение и решить, что делать в ближайшем будущем.

После отъезда мужа она постепенно продавала мебель и хозяйственную обстановку квартиры, подготовляясь к отъезду; в этот день утром унесли уже и ее кровать. Оставался только ломберный стол и два стула, которые купил сосед, с тем чтобы взять их после ее отъезда.

Варя провела половину ночи на стуле, облокотившись на стол и глядя в окно... Белая ночь постепенно окутала столицу своим покровом, но молодая женщина не зажгла свечи, а продолжала сидеть до тех пор, пока солнце поднялось на небе и под его лучами заблестели мокрые от росы крыши. Тогда она развернула на полу одеяло, прислонила подушку к чемодану, улеглась и заснула сейчас же крепким сном.

За ночь она пережила мысленно еще раз всю свою молодость со времени знакомства с Тоней; она вспомнила первые встречи на катке зимой, случайные свидания на улицах и в городском саду в длинные весенние вечера, затем экскурсии на столбы летом в обществе других гимназистов и барышень. После чудного лета, так быстро промелькнувшего, настала первая разлука, когда Тоня уехал в университет; но молодое горе скрашивалось нежной перепиской, и в следующее лето, во время одной из экскурсий на столбы, они объяснились и обменялись клятвами любви и верности. Переписка во время второй разлуки вперемежку со словами любви, уверенной во взаимности и смело смотрящей в глаза будущему, содержала уже рассуждения на политические и социальные темы и планы предстоящей деятельности на пользу ближних.

И вот Тоня второй раз вернулся на каникулы. Как хороша была первая прогулка на столбы, запросы кукушке, томительная ночь в шалаше, закончившаяся браком на вершине столба, в наряде молодой богини. Это была несравненная волшебная сказка, о которой Варя всегда вспоминала с бесконечной нежностью и с тихой грустью, что это миновало и не вернется никогда больше.

Вспоминались и другие встречи того же лета, свидания более чувственные и уже менее чистые, потому что молодая парочка узнала чары физической любви и жадно осушала кубок блаженства.

Потом последовал переезд в столицу — очаровательный, длинный путь вдвоем, продолживший медовый месяц до прибытия на место, где так приятно было устраивать себе гнездышко. Но затем пошли и неприятные воспоминания — мучительная беременность, тяжелые роды, болезненный ребенок, — все вместе перевернувшее жизнь, создавшее первое отчуждение от мужа, первую трещину в их любви, которая потом незаметно и медленно, но неуклонно расширялась и углублялась.

Вспоминался арест мужа, глубоко поразивший ее, затем болезнь и смерть ребенка, неожиданное возвращение мужа и его дальнейшее странное поведение, которое только теперь предстало перед Варей в надлежащем свете. Переживая мысленно последние два года, молодая женщина вынуждена была признаться себе, что ей давно уже следовало обратить серьезное внимание на отчуждение мужа, на его сомнительные знакомства. Тогда ей, может быть, удалось бы вернуть его себе, пока не стало поздно, и, во всяком случае, удалось бы гораздо раньше разоблачить его предательство и прекратить вред, который он наносил делу партии. А она, удрученная сначала смертью ребенка, затем углубившаяся в учение, ограничивалась слабыми упреками, небольшими слезами и, наконец, махнула рукой на поведение мужа, надеясь, что со временем перемена места и обстановки вернут его к ней.

Все эти соображения привели ее к выводу, что она до известной степени также виновата в том вреде, которое предательство мужа нанесло делу и членам партии. И это сознание заставило Варю наметить свое дальнейшее поведение в этом деле, чтобы хоть отчасти искупить свою небрежность. Устранение ее мужа кем-либо из членов партии не могло пройти незамеченным в глухом сибирском городе, где всякое новое лицо обращает на себя внимание; при отсутствии способов быстрого бегства из Красноярска исполнитель приговора рисковал своей жизнью, а свободой во всяком случае. Поэтому Варя пришла к убеждению, что она должна устроить так, чтобы не было дальнейших жертв для партии, чтобы предатель исчез каким-нибудь таким способом, который не обратил бы на себя внимания. План такого исчезновения уже наметился в ее голове, но ее участие в приведении плана в исполнение было неизбежно; это участие было для нее, конечно, не-

выносимо тяжело, но она решилась на него без колебаний, и это решение успокоило ее совесть.

Поэтому она спала крепко и проснулась поздно, встала спокойная, но с тяжелым чувством, словно в ее душе что-то окаменело и лежало там в глубине — тяжелое-тяжелое.

«Это пройдет, — подумала она, — когда я исполню свой печальный долг, мне станет легче». Она занялась окончательными приготовлениями к отъезду, и, когда в назначенный час Рыжов заехал за ней, он нашел ее совершенно готовой к путешествию, сосредоточенно-спокойной, молчаливой и грустной.

Таковой же она оставалась в течение двадцати дней пути — сначала по железной дороге до Нижнего, на пароходе до Перми, опять по железной дороге до Тюмени, на пароходе до Томска и, наконец, на лошадях до Красноярска.

Варя то читала, то лежала на диване каюты, то смотрела в окно на проплывавшие мимо нее леса и нивы, цветные обрывы берегов Волги, песчаные яры Камы, кудрявые сопки и синие дали Урала, пустынные берега Оби. Только в Томске она немного оживилась и во время переезда на лошадях в перекладной обсудила со своим спутником во всех деталях задуманный ею план. В Томске она получила письмо от мужа, который сообщал ей адрес нанятой им квартиры в Красноярске; мать он застал в живых, но она лежала без движения, разбитая параличом.

Наконец ободранная перекладная, везшая Варю и Рыжова, подкатила к подъезду домика на знакомой улице родного города; но не радостно забилося сердце Вари при виде этого домика, который мог бы быть уютным семейным гнездом, если бы жизнь сложилась иначе. Сердце ее забилося от волнения перед предстоящей неприятной встречей с мужем — изменником и предателем. К счастью, мужа не было дома; время было около полудня, и он, очевидно, был на службе. Варя нарочно не телеграфировала о времени своего приезда, чтобы ее не ждали и не встречали.

На звонок двери открыла незнакомая женщина, Ямщик втащил вещи. Варя простилась со своим спутником, который поехал в гостиницу, где должен был ждать вестей.

Часа через два вернулся домой Ваньковский, к встрече с которым Варя успела подготовиться. Она разыграла с грехом пополам радость свидания после разлуки, с внутренним содроганием приняла поцелуй. Она сейчас же достала из саквояжа записную книжку и пакет с красной печатью и отдала их мужу, чтобы отвлечь его внимание от себя. Увидев пакет, Ваньковский слегка побледнел и встревожился; он не думал, что его жена нашла интерес в изучении записной книжки, которая при беглом просмотре не представляла ничего загадочного, как он полагал, забыв о рубрике «получений от Жанны». Но пакет выдал бы его с головой, если бы Варя его вскрыла.

Поэтому Ваньковский торопливо, опустив глаза, спросил, как и от кого Варя получила пакет, и только после тщательного осмотра печати, убедившись, что она цела, успокоился. Он сейчас же ушел к себе в кабинет, где оставался некоторое время, очевидно читая полученную бумагу.

Во время обеда Варя больше молчала, а говорил ее муж, передавая свои дорожные приключения и городские новости. Между прочим он рассказал, что экскурсии на столбы сделались еще популярнее среди красноярцев и что даже приказчики, ремесленники и рабочие делаются ярыми столбистами.

Варя быстро воспользовалась этим оборотом разговора и сказала:

— Тоня, завтра воскресенье, отправимся на столбы... Мне бы очень хотелось начать нашу красноярскую жизнь с посещения этих мест, с которыми у нас связано столько воспоминаний!

Ваньковскому это предложение совершенно не улыбалось, и он стал отговаривать Варю, ссылаясь на ее дорожную усталость и на отсутствие подходящих костюмов, веревок, сапог и на необходимость быть в понедельник рано на службе. Но молодая женщина стояла на своем, парировала его возражения и обещала все устроить и приготовить, чтобы можно было выйти рано утром.

Пока муж отдыхал после обеда, она обошла нескольких старых знакомых, раздобыла веревку, плащи, котелок, зубья, подговорила несколько человек гимназистов и студентов также идти на столбы. Потом она

успела сходить в гостиницу, где имела недолгий разговор с Рыжовым в его номере.

Вернувшись домой, она заявила мужу, что все устроено и что на рассвете нужно отправляться, а потому сегодня лечь спать пораньше.

— Я устала от тряски в перекладной и от беготни, — прибавила она.

Ваньковскому не особенно хотелось лечь и встать с петухами, но его жена не желала слушать возражений, и ему пришлось уступить ей.

«В первый и последний раз, — сказал он про себя. — В будущем мы покончим со столбами, столбистами и тому подобной ерундой. Пора уже остепениться».

К чаю пришли два сослуживца мужа, чему Варя была очень рада. Она напоила гостей чаем, а затем, когда они затеяли с Ваньковским длинный спор об уголовном деле, волновавшем в это время красноярцев, Варя незаметно ускользнула из столовой в спальню, быстро разделась и улеглась в кровать. Сердце ее билось до того громко, что она слышала его удары, несмотря на разговор в соседней комнате; Варя сжимала рукою грудь и старалась успокоиться и уснуть. Но мысль, удастся ли ей уклониться от объятий изменника, или придется ради успеха задуманного дела принести и эту жертву, не давала ей покоя. Ее нервы за этот день взвинтились до последней степени, и пришлось прибегнуть к сильной дозе валерианы, чтобы не разразиться слезами и истерикой. Закусив зубами платок и спрятав голову под одеяло, она долго лежала и наконец уснула.

Ее разбудили шаги мужа, вошедшего в комнату; он зажег свечу на ночном столике, тихо окликнул жену, она не отозвалась и не открыла глаз. Ваньковский не спеша разделся, лег, но свечу долго не тушил в надежде, что жена проснется от света и придет к нему. Но Варя лежала с закрытыми глазами и старалась дышать ровно и спокойно, что было не совсем легко, так как сердце колотилось от страха.

Наконец муж потерял надежду и со вздохом задул свечу. Варя успокоилась и скоро опять заснула, но спала тревожно, часто ворочаясь, просыпаясь и вслушиваясь в легкое похрапывание мужа. Как только сквозь щели ставен забрезжил рассвет, Варя проснулась окончательно, вскочила с постели и начала будить

мужа. Это удалось не сразу; пришлось тормошить его, стаскивать одеяло, но Ваньковский только ворчал и посылал к черту все столбы и всех столбистов.

Наконец Варя придумала решительное средство — она sprыснула мужа водой. Это помогло, он очнулся, но рассердился и схватил Варю, бывшую еще в одной рубашке и не успевшую увернуться; в своем стремлении непременно поднять мужа, она позабыла о возможной опасности. А теперь было поздно — сильные руки привлекли ее на кровать.

Варя боролась, умоляла, говорила, что уже поздно, пора уходить, просила отложить до столбов, но получила ответ, что на столбах неудобно этим заниматься, мы уже не юнцы, как прежде.

— Если ты не уступишь сейчас, я на столбы совсем не пойду, — прибавил он.

Молодой женщине пришлось покориться.

«Это возмездие за ту роль, которую я на себя взяла! — подумала она, подчиняясь неизбежному с внутренним содроганием. — Но зато это в последний, последний раз...» — шептали ее дрожащие губы, уклоняясь от поцелуев.

IX

Это непредвиденное происшествие задержало супругов, и, пока они оделись, снарядились и вышли из дома, солнце поднялось уже довольно высоко — шестой час был на исходе. Поэтому Варя предложила нанять извозчика до устья речки Лалетиной, куда можно было проехать на колесах. Ваньковский с радостью согласился.

Вскоре попался извозчик, и они поехали к перевозу, миновали Енисей и покатали по зеленым лугам правого берега. Утро было теплое и ясное, как четыре года назад, когда они так же шли на столбы. Но какая разница между тогда и теперь, думала Варя, сидя рядом с мужем, который слегка обхватил ее стан. Тогда она не шла, а порхала рядом с желанным женихом, летела навстречу молодой любви, все пело и звенело радостно в ее душе. Теперь она сидела, словно окаменевшая, возле того же человека, но как он был ненавистен, противен и чужд ей! А воспоминание о недавних ласках этого человека бросало Варю в дрожь, и она скрипела зубами.

Но взятую на себя роль нужно было довести до конца, чего бы это ни стоило, и Варя терпела прикосновение руки предателя и отвечала на его вопросы.

Тогда они шли пешком лугами, жаворонки взвивались из-под ног и летели вверх, трепеща крылышками и приветствуя небо и солнце своими трелями. Теперь они ехали по пыльной дороге, извозчик курил махорку и обдавал их вонючим дымом, а на ухабах колесо пролетки со стороны более тяжелого мужа, задевало за крыло, издавая неприятный, режущий визг.

Наконец, супруги доехали до Лалетиной, отпустили извозчика, навьючили на себя вещи и пошли по знакомой тропе, пройденной ими столько раз. Но Ваньковский шел равнодушно, позевывая, делая замечания о погоде, о предстоящих на суде делах. Для Вари же каждый шаг был пыткой, она шла точно на Голгофу, вспоминая минувшее и сопоставляя с настоящим и предстоящим еще впереди, не раз она останавливалась и отчаивалась в своих силах, боялась, что не сможет довести дело до конца, что муж заметит ее ненормальное состояние и поведет ее назад, в город.

Но вот впереди на той же тропе она услышала веселый говор, молодой смех, перекликиванье. Это шла компания столбистов, которых она подбила накануне. Собрав последние силы, Варя поспешила догнать молодежь и взяла под руку одну из девушек. Оказалось, что Ваньковский помнит кое-кого из компании; он начал расспрашивать о гимназических делах, учителях, разговор сделался общим, и Варя была избавлена от ужасного tet-a-tet с мужем и от опасности выдать себя ему.

На половине пути компания догнала одинокого человека — также, очевидно, столбиста, судя по костюму и снаряжению. Он шел медленно, большими шагами и как будто поджидал кого-то, останавливаясь по временам и оглядываясь. Когда молодая компания догнала его и он узнал Варю, он поклонился и сказал:

— Господа, я слышу, что у вас весело, а мне одному скучно. Позвольте присоединиться одинокому путнику, который, проезжая через Красноярск, захотел осмотреть ваши знаменитые столбы. Я еду в Читу на службу, моя фамилия Горбунов.

Молодежь не протестовала, назвала свои имена, все перезнакомились и пошли дальше. Новый попутчик старался держаться ближе к Варе; он вскоре за-

метил, что молодая женщина то краснеет, то бледнеет, часто закусывает губу и крепко опирается на руку девушки, в паре с которой идет.

Наконец пошел более крутой подъем к столбам по склону долины. Близился полдень, солнце сильно пекло, в воздухе сгушалась влага, извлеченная им из сырой травы лужаек, из болот и ручьев; становилось трудно дышать, и обильная испарина покрывала тело; из высокой травы, потревоженные столбистами, поднимались тучи комаров и жадно набрасывались на открытые части лица и тела; слепни и оводы мелькали в воздухе, стараясь прильнуть к людской коже и напиться свежей крови. Путники примолкли, отмахивались от докучливых насекомых,тирали струйки пота, вытекавшие из-под волос на лицо.

Новый столбист заметил, что Варя еле держится на ногах. Он быстро подошел к ней, взял ее под руку и повел, почти понес вверх. Когда они немного отстали от остальных, Варя благодарно взглянула в печальные глаза Рыжова и промолвила:

— Я все-таки слабая женщина и боюсь, что не доведу своей роли до конца...

— Мужайтесь, — шепнул он в ответ, — конец недалеко. Я буду все время вблизи вас.

Но вот сосны расступились, и столбисты вышли на поляну к балагану. Куда девалась усталость молодежи! Живо одни побежали за водой, другие развели костер, третьи развернули одеяла и разложили провизию. Пока несколько чайников закипали над огнем, все закусили, немного выпили, начались шутки, послышался смех. Варя постепенно оправилась, Рыжов заставил ее выпить водки, она повеселела и приняла участие в беседе.

После обеда часть компании улеглась в тени поспать или хоть поваляться. Ваньковский быстро захрапел, но Варя забывалась только на короткие мгновения. Рыжов сидел вблизи нее и молча, сосредоточенно курил сигару.

Х

Когда свалил жар, снова началось чаепитие с обсуждением плана дальнейших действий. Молодежь собиралась лезть на второй, самый трудный столб, но Варя отказалась идти туда; ее муж этому очень обрадовался и сказал:

— Мы, старики, полезем на первый столб для начала.

— Тогда позвольте и мне, такому же старику, присоединиться к вам, — заявил Рыжов.

Ваньковские с удовольствием разрешили это. Молодежь с песнями потянулась через лес ко второму столбу, и, когда они скрылись из вида, Варя поднялась и предложила идти и своим спутникам. Оставив багаж в шалаше и захватив только веревку и свеженарубленные колышки, они отправились в другую сторону, обогнули подножие первого столба и начали подниматься. Ваньковский шел впереди, вспоминая дорогу, выступы и трещины, отмечая изменения их, сделанные временем и ногами столбистов. За ним шла Варя, а позади Рыжов.

Быстро они достигли верхнего уступа, с которого приходилось уже карабкаться по стене, пользуясь колышками. Во избежание несчастия нужно было лезть по одному, ожидая, пока передний не доберется до вершины. Ваньковский полез первый, чуть не сорвался в одном месте и крикнул Варе сердито:

— Я говорил тебе, что я отяжелел для столбов. Как хочешь, а на второй я не полезу!

Когда он исчез на вершине и спустил оттуда веревку, чтобы облегчить своим спутникам задачу, Рыжов сказал Варе:

— Вы оставайтесь здесь. Я полезу вперед и объяснюсь с ним один на один наверху. Позову вас, если понадобится.

Он ухватился за веревку и полез — сначала не особенно умело, но потом освоился — и также скрылся за выступом вершины. Варя, следившая за его восхождением с трепещущим сердцем и широко раскрытыми глазами, затем почти упала на камень и закрыла лицо руками. Сердце ее замирало, в ушах звенело, голова, казалось, готова была расколоться на части, и несчастная женщина сжимала руками виски.

Резкий, короткий звук выстрела, отдавшийся тройным эхом от соседних столбов, заставил ее вскочить на ноги; вся трепещущая, бледная, она смотрела наверх. Над выступом скалы показался Рыжов и медленно начал спускаться. Варе казалось, что он по временам не двигается с места и висит, уцепившись за скалу.

Наконец он очутился возле нее и опустил на камень, тяжело дыша. Одна рука его была окровавлена,

и кровь стекала крупными каплями на розовый гранит и собиралась во впадине в виде маленького кораллового озера.

— Он поранил вас! — прошептала Варя с тревогой.

— Нет, я разодрал себе руку о скалу, — ответил Рыжов. И, немного помолчав и отдышавшись, тихо прибавил: — Объяснение было довольно бурное. Он сначала отрицал все, затем, подавленный уликами, сознался и даже начал издеваться над партией. Тогда я прочел ему приговор. Он побледнел как смерть, закричал «помогите!», быстро выхватил револьвер и выстрелил в меня, но промахнулся — пуля пролетела над моей головой... Я нагнулся, схватил его неожиданным движением за ноги и сбросил с вершины... на ту сторону... в бездну...

— Боже мой, боже мой! — прошептала Варя, закрывая глаза рукой. Она просидела несколько минут в таком положении и тихо плакала. Страшное возбуждение последних дней наконец разрешилось слезами. Рыжов вынул платок и перевязал свою руку.

— Пора созывать молодежь на помощь, — сказал он, окончив перевязку и убедившись, что плечи Вари перестали вздрагивать и она немного успокоилась.

Рыжов вынул револьвер и сделал несколько выстрелов в воздух. Затем оба медленно полезли вниз, оставив веревку висеть на скале. Варя часто останавливалась и опиралась на Рыжова; она молчала, но слезы продолжали струиться из ее глаз.

Достигнув подножия столба, Рыжов отвел Варю в балаган, а сам обогнул столб с другой стороны, чтобы найти место, куда упал Ваньковский. С этой стороны столб поднимался высокой, почти отвесной стеной, окаймленной у подножия россыпью гранитных глыб; в промежутках между более мелкими глыбами, наваленными друг на друга кучами, кое-где поднимались крупные глыбы, словно большие могильные памятники. Камни были покрыты лишаями; кое-где росли молодые деревья. Здесь, на северной стороне, всегда было сыро и пахло плесенью.

Ваньковский лежал грудью на гранитной глыбе, ногами в промежутке между двумя другими. Он упал, очевидно, головой вниз, а затем скатился по откосу глыбы; череп с лицевой стороны был раздроблен, кровь залила все лицо и окрасила окружающий гранит.

Убедившись, что Ваньковский не дышит, Рыжов вы-

нул из его крепко сжатой руки револьвер и выпустил из него оставшиеся пули; а затем вернулся к балагану, заметив место, где лежал труп.

Варя, сидевшая возле балагана, подняла на подошедшего Рыжова вопрошающий взор; спросить его она не решилась.

— Он убится сразу при падении, — сказал Рыжов, догадавшись. — Я вынул из его руки револьвер и стрелял, чтобы молодежь спуталась в счете выстрелов.

XI

Прошел еще почти целый час в ожидании возвращения ушедших на второй столб. За это время Рыжов отыскал топорик среди вещей столбистов в балагане, вырубил две длинные и крепкие березовые жерди и привязал к ним одно из одеял.

Наконец гурьбой привалили молодые люди, спрашивая впопыхах, что случилось. Выстрелы застали их уже почти на вершине столба, и хотя они поспешили вернуться, но спуск занял немало времени.

— Господа, случилось большое несчастье, — сказал Рыжов, когда все собрались к балагану. — Мы втроем забрались на первый столб — сначала господин Ваньковский, потом я, наконец барыня. Она только что успела подняться на край площадки, когда ее супруг, стоявший на другой стороне у самого обрыва, вероятно желая помочь ей, резко повернулся, поскользнулся на гладкой плите и свалился вниз...

Послышались возгласы ужаса и вопросы:

— Ну, где же он, жив еще? Нужно бежать за помощью, привести доктора!

— В помощи господин Ваньковский уже не нуждается, — продолжал Рыжов. — Он сразу убится насмерть на каменной россыпи у подножия столба. Помогите поднять тело и принести сюда.

Вся компания ушла с носилками, кроме Вари, которая осталась в балагане, так как во время рассказа Рыжова упала в обморок; одна из девушек тоже осталась и приводила ее в чувство. Когда Варя пришла в себя, эта девушка побежала с двумя чайниками за водой.

Вскоре вернулась и печальная процессия с носилками, которые опустили на землю позади балагана. Затем стали обсуждать — нести ли тело в город или пригласить полицию на место происшествия; большинство вы-

сказалось за первое предложение, так как это было проще и скорее.

— В таком случае нужно составить акт теперь же, пока мы не забыли всех подробностей, — заявил Рыжов.

У него нашелся лист бумаги и карандаш; один из гимназистов взялся писать; изложили все происшествие, начиная со встречи всех трех отрядов столбистов на тропе и кончая поднятием мертвого тела. Варя подтвердила рассказ Рыжова об их подъеме на столб и прибавила, что она, занятая взлезанием на площадку, не видела, как поскользнулся и упал ее муж, и подняла голову, когда Рыжов что-то закричал и подскочил к ней, бледный от испуга. Убедившись, что упавший не зацепился за дерево или выступ скалы, а полетел вниз, они поторопились спуститься, давая выстрелы, чтобы созвать остальных на помощь. Когда они подошли к месту падения, их спутник уже не дышал.

Пока судили, рядили и писали, солнце уже спустилось за лес. Поэтому решили отложить перенос тела в город до утра, так как нести неудобные носилки ночью по лесной тропе было бы слишком трудно.

Поужинали без длинных разговоров — присутствие мертвеца связывало всем языки. Затем сейчас же легли спать, чтобы выйти завтра на рассвете и сделать трудный путь с ношей до наступления жары.

ХII

Ночь прошла спокойно. Когда между стволами сосен только что показались признаки приближающегося рассвета, все быстро поднялись, наскоро позавтракали и тронулись в путь. Впереди шли все девушки и Варя. Позади шли мужчины; их было восемь человек, так что устроили две смены; четверо несли носилки с мертвецом и менялись каждую четверть часа.

Так как мужчины с длинными носилками подвигались медленно по извилистой тропе среди леса и теряли время на смену, то женщины ушли вперед, чтобы нанять в первой попутной деревне телегу и выехать с ней навстречу печальной процессии. Благодаря этому вся компания уже к полудню успела добраться до города.

В тот же день кончилась тягостная процедура полицейского дознания о происшествии с освидетельствованием и вскрытием тела, после которого Рыжов немед-

ленно уехал из Красноярска. С Варей он простился крепким рукопожатием и безмолвным взглядом, так как при этом были посторонние.

На следующий день состоялись торжественные похороны, на которые собралась масса горожан.

Варя мужественно перенесла тяжелые часы, когда она была центром всеобщего внимания и участия. Сейчас же после похорон она уехала в Енисейскую тайгу к отцу на прииск. Из вещей мужа она ничего не взяла, а обстановку квартиры поручила своим знакомым продать и деньги отдать матери Ваньковского. Последней были отосланы и все бумаги, найденные после снятия печатей с письменного стола. Но в этом столе Рыжов и Варя, приехавшие в город ранее прибытия тела, успели сделать быструю ревизию еще до появления полиции.

Гибель молодого столбиста на несколько лет ослабила рвение горожан, и на вершины более трудных столбов в эти годы редко кто взбирался. Но постепенно впечатление от происшествия изгладилось, очевидцы его кончили гимназию и разъехались из Красноярска. Мало-помалу опасный спорт возобновился.

А после того, как по Сибири прошла железная дорога и Красноярск оживился и начал расти, значительно увеличилось и количество столбистов. На берегу Енисея, ниже устья Лалетиной, построили дачи, туда начал ходить пароходик из города, экскурсия на столбы сделалась менее длинной и трудной. Вместо балагана у столбов возникла кем-то выстроенная изба, дававшая приют во время ненастья.

В революционные дни 1905 года на столбах кто-то вывесил огромные красные флаги, которые видны были из города и страшно раздражали администрацию. Был организован целый отряд жандармов, снявших с большими затруднениями красные флаги и сжегших избушку, чтобы уничтожить приют столбистов. Но при всем желании они не могли стереть с отвесной неприступной стены надпись «Да здравствует свобода», которую какой-то смельчак ухитрился написать крупными буквами.

Уничтожение избушки, впрочем, ничему не помогло. Вместо нее возник опять балаган, и паломничество к столбам по-прежнему представляет любимое занятие красноярской молодежи. И уже немногие помнят о происшествии на столбах, которое рассказано нами.

Критик отметит, конечно, что повесть не лишена литературных слабостей. Но, согласитесь, прочитав, ее долго не забудешь. Странное, тревожное впечатление производит она.

Как вы знаете, в 1908 году Владимир Афанасьевич проводил со студентами практику в районе Красноярских Столбов.

«На отвесном обрыве одного из самых больших столбов, — вспоминает Обручев, — мы различили еще полустертую надпись красной краской «Долой самод(ержавие)», которую в дни революции 1905 года ухитрились написать какие-то смелые туристы. По рассказам красноярцев, тогда же на вершине одного из столбов был водружен большой красный флаг, и полиция вынуждена была выслать целый отряд для снятия его и уничтожения этой и других революционных надписей на Столбах, что, очевидно, удалось не вполне. Жандармы в сапогах со шпорами не смогли лазить по столбам так успешно, как молодые туристы, получившие даже прозвище «столбистов».

Эти вот впечатления и легли первоначально в основу повести.

Но пришедшая уже литературная известность его не прельщала, он служил науке.

В 1929 году Обручев был избран академиком, переехал в Ленинград, где тогда работал Президиум академии. Литературная деятельность сразу отошла на далекий задний план. Владимир Афанасьевич возглавил только что созданный Геологический институт, в 1930 году стал председателем Комиссии по изучению вечной мерзлоты, с 1931 года — членом ученого совета Географического общества.

Обручевы поселились в Гатчине, купили дачу с садом. Жена хлопотала по хозяйству, завели даже кур, корову.

В семейном кругу отметили сорок пятую годовщину свадьбы. Много прожито, много пережито вместе.

30 января 1933 года Владимира Афанасьевича неожиданно вызвали с совещания:

— Ваша жена...

Елизавета Исаакиевна скоростижно скончалась.

СТРАНИЦЫ ПИСЕМ

В архиве семьи Обручевых сохранились самые первые письма Владимира Афанасьевича к невесте. Он уехал тогда работать в Среднюю Азию — первая разлука! — и писал почти каждый день.

21 июля 1886 г. ст. Айдин

Сегодня утром в канцелярии дороги я получил совершенно неожиданно твое первое письмо и там же стал читать его, покуда Богд. (К. И. Богданович, — сокурсник и товарищ Обручева. — *А. Ш.*) рылся в шкафу, вытаскивая для нас карты. Что это ты, моя бедная девочка, тоскуешь и плачешь? Полно, быстро минет год разлуки, день за днем, неделя за неделей, глядишь, настала опять весна, а тут уж так близко, что лишний месяц в счет нейдет; право — нечего плакать и отчаиваться, ты только расстроишь себе опять нервы, вместо того, чтобы поправить их во время отсутствия твоего Вовочки, который работает теперь для нашего общего счастья; оно, видно, не бывает без шипов, и приходится добывать его ценой разлуки и лишений (...).

Умеешь ли ты находить на звездном небе созвездие Большой Медведицы? Если нет, то попроси Стреш. (С. И. Стрешевский, товарищ Обручева. В его семье, на даче, жила в то лето Елизавета Исаакиевна. — *А. Ш.*) показать тебе ее; она видна всегда на севере, и, отыскивая ее в час ночной в безлюдной степи, я буду думать про далекий север, где живет моя милая суженая; буду чувствовать, что и ты, смотря на нее, вспоминаешь путника, который тебе дороже всего. Видишь, как я, жесткий человек, расчувствовался, видно, тоже разлука гнетет. Да, гнетет, хотя я в лучшем положении, чем ты; у меня столько дел и забот, столько новых впечатлений постоянно сменяют друг друга, что тосковать некогда. По ночам только, когда я без сна валяюсь на постели, мокрый до нитки от духоты тропической ночи, тогда я брежу тобой, мне кажется, что твоя теплая, мягкая рука обнимает мою шею, что твоя коса скользит по моему лицу и горячие губы прижимаются к моим, и я засыпаю наконец в этих слад-

ких грезах, а утром вдвое большее от мысли, что ты далеко, далеко, что все это чудные сны и исполнение их не близко, не скоро.

А как хорошо будет нам через год — квартира, нанятая совместными поисками, обстановка, в которой каждая вещь куплена сообща, выбрана друг для друга; а жизнь вместе — эти чудные ночи, веселые дни, работа и наслаждение молодой любви... Нет, Лизочка, нет, мы должны жить хорошо, не ссориться, не обманывать друг друга; мы ли не знаем хорошо своего суженого, все его недостатки и качества...

Только что зашумели ивы над арыком, протекающим мимо окон, они шепнули мне слова, которыми кончается чудная пьеса Рубинштейна «Летняя ночь»... «Я твоя, я твоя», — шепчут они, и я слышу голос моей ненаглядной, прижавшей головку к моей груди. Прощай, рожица моя. Твой Вовка.

26 июля 1886 г. Кызыл-арват

...Ты находишь, что между любящими должна быть полная откровенность, чтобы они могли жить душа в душу; я также начинаю разделять это мнение; теперь, далеко от тебя, я бы хотел, чтобы ты знала все, что у меня на душе, мои мысли, чувства, желания; чтобы глаз моей милой проникал во все уголки души, оберегая ее от всего нехорошего (...). Поверь, что я благословляю тот день, когда я в первый раз звонил у ваших дверей и на пороге показалась твоя дорогая рожица, сразу смутившая меня своими ласковыми глазами. Теперь эта рожица передо мною — на карточке, но глазки смотрят грустно куда-то вдаль — они думают о миллом, которого долго ждать еще; а как бы он хотел поцеловать эти глазки...

Пора кончать — крепко, крепко целую мою девочку... Пиши обо всем и подробнее. Помнящий тебя везде и всегда, не немножко, а очень-очень много. Твой Вовка.

30 августа 1886 г. Кызыл-арват

...Ты соглашаешься со мной, что мы будем очень счастливы и будем жить душа в душу; но не говорят ли все влюбленные женихи и невесты то же самое, а все же многие живут потом, как, напр., та госпожа Доминская, которая лежала у нас весной. Разве и у нас уже не бывало размолвки — помнишь, ты несколько раз плакала из-за меня, а я дулся. Кстати, дам тебе полезный совет для будущего — если я почему-либо

начну дуться на тебя — никогда не затягивай дело, а сейчас же пристыди и заставь извиниться, если я виноват; если затягивать и дуться еще самой, то размолвка будет дольше и потом труднее будет помириться, не говоря уже о том, что сделаем себе несколько лишних скверных дней. Точно также, если я обойдусь с тобой грубо, то тоже сейчас пристыди и не обижайся — такие вспышки бывают у меня только если я очень сердит и надо отучить меня от них; несколькими ласковыми словами ты сразу можешь усмирить медведя и не дать ему повода дуться (...).

Лизочка, ты одна у меня «парница», и соперницы нет — нечего ревновать; скорее мне следует бояться — ты в Москве и Воронеже встретишь столько молодых людей, что можешь забыть Вовочку и решить свою участь скорее и проще. А мне здесь в кого влюбиться?..

12 сентября 1886 г. Колодцы Мамур

...Как часто я рисую себе, как я буду лететь назад к тебе, с каким восторгом высунусь из вагона на вокзале, оглядывая собравшуюся публику, отыскивая твою рожицу, тоже веселую, смеющуюся; как я расцелую ее, как буду ехать, обнявши тебя, не замечая ни улиц, ни прохожих. Как мы будем устраниваться, хлопотать вместе в заботах о райском уголке... как хорошо будем жить вдвоем, т. к. с такой хорошей девочкой, как ты, нельзя не жить хорошо (если ты возьмешь меня немного в руки и не позволишь проявлять мои главные недостатки — грубость и эгоизм; слышишь, Лизочка, непременно отучи меня от них — ласковым упреком ты со мной много сделаешь)...

22 октября 1886 г. Мерв

...Дай свою ручку, мы пойдем неразлучно по жизненному пути, и судьба не откажет сделать нас счастливыми, т. к. большая часть счастья в нас самих, в нашей любви и верности...

В феврале 1887 года священник маленькой церквушки на Черной речке скрепил брачный союз Владимира Афанасьевича Обручева и Елизаветы Исаакиевны Лурье.

Ни Полина Карловна, ни родители невесты так и не дали своего благословения. Но молодые были счастливы.

В октябре, уехав вновь на Закаспийскую дорогу, Обручев писал жене:

«...Недавно прошло уже восемь месяцев после нашей свадьбы, медовый месяц кончился давно, но вместе с ним не кончилось наше счастье, наша любовь, а напротив — она окрепла и, надеюсь, продолжится еще на многие годы. Я по крайней мере еще ни разу, даже в какую-нибудь сердитую минуту, ни разу еще не сожалел, что женился, что взял тебя в подружки жизни, дорогая моя; напротив, с каждым днем, глядя на других жен, я все более убеждаюсь, что не ошибся в выборе, что имею одну из лучших жен, которые только могут быть, и если бы я был свободен и должен был опять выбирать — я бы не мог взять другую, а только тебя, милочка моя...»

Год спустя, закутав получше семимесячного сынишку, ехала Елизавета Исаакиевна в Сибирь — там мужа ждет работа! Когда отправился Владимир Афанасьевич в Китай, с двумя малышами на руках возвращалась в Петербург. Потом — вновь в Иркутск, на четыре года. Потом — в Томск. Старшие уже подросли, а младшему — годик...

Нелегко быть женой ученого, женой человека, влюбленного в свое дело. Он — любящий муж, любящий отец, но вначале — дело!

— Вовочка, нас звали в гости.

— Ты же знаешь, Лизонька, я должен работать...

— Вовочка, совсем прогнили полы в кухне. Надо искать плотников.

— Ты же знаешь, Лизонька, я должен работать...

Что бы ни случилось, каждый день он проводил десять часов за письменным столом. А на ее долю — все семейные заботы.

Любимая поговорка была у Елизаветы Исаакиевны: «Лень — на ремень, а ремень — на плечи».

Бывало, сердилась она, бывало, плакала, возмущаясь его «немецкой» педантичностью.

— Ты же знаешь, Лизонька...

Биограф пишет: «Если измерять жизнь человеческую не годами, а трудами, пришлось бы сказать, что Обручев жил раз в десять больше среднего человека».

Кто измерит, сколько из этих десяти жизней подарила ему Елизавета Исаакиевна...

Когда скончалась она, Обручев, как вспоминает близкий его сотрудник, «работал с особым ожесточением, особенно строго и неумолимо соблюдал железный распорядок своего десятичасового рабочего дня, не давая себе ни малейшей возможности поддаться угнетающему тяжелому состоянию духа, ежеминутно как бы приказывая себе не опускать рук».

Прошло два года...

Мучительно тягостно одиночество, застигшее на склоне лет. Конечно, рядом сыновья. Но у них свои семьи, своя жизнь.

С Евой Самойловной Бобровской Владимир Афанасьевич был знаком уже давно. И вот теперь они решили соединить свои судьбы...

Порой даже близкие люди по какой-то нелепой предвзятости склонны осуждать поздние браки. Нелегко было Еве Самойловне входить в новую семью. У нее ведь тоже была и своя жизнь, и сын от первого брака, и любимая работа. И сомнения...

Владимир Афанасьевич писал ей, как всегда, откровенно:

«Прежде за стариков молодые выходили или по принуждению родителей, или ради их выгоды — спасения от разорения, например, или же в расчете на богатство, сытую жизнь, недалекую смерть и наследство, пенсию и т. п... Мне кажется, что ты немножко опасешься, чтобы кое-кто не приписал тебе эти побуждения, и этим объясняется, может быть, нежелание переехать в мою квартиру? Пусть другие думают, что хотят, на чужой роток и т. д., а ты будь уверена, что я тебя в этом не подозреваю».

«Опять за эту 6-дневку получил два письма от тебя, дорогая Евушка, два письма, полные любви и ласки, на которые могу отвечать только своими холодными сухими посланиями. Разучился я из-за избытка научного писания излагать свои чувства соответствующими словами... Я очень рад, что Володя с Митей помирились, и приписываю это твоему доброму воздействию. Я не умею так мягко уговаривать, не нахожу слов, проникающих в душу; поэтому твоё вхождение в нашу семью будет иметь хорошие последствия. А помо-

щи твоей в работе, о которой ты думаешь, я не хочу, у тебя своей работы достаточно; своей лаской и любовью ты будешь поддерживать меня и этим способствовать моей работе гораздо лучше...»

Из дневника Е. Бобровской. 09.02. 1936 г. «В. А. работает необычайно много и организованно, а благодаря тому, что он обладает исключительной способностью писать быстро, четко и все сразу начисто, т. к. обладает исключительной красотой и простотой литературного языка, все это дает ему возможность выпускать свою продукцию значительно больше, чем это сделал бы другой».

10.02. 1936 г. «Как всегда, он прост и радостен, вот почему так легко с ним, он не давит своей ученостью, своими правами. Он так мудр, что в его простоте есть какое-то величие».

11.02. 1936 г. «Теплое и внимательное отношение к человеку у В. А. проглядывает на каждом шагу. Он совершенно не может оставить без ответа ни одну просьбу... И дома — в мелочах, в быту он внимателен на каждом шагу и к каждому, кто окружает его».

12.02. 1936 г. «В. А. очень недоволен, что у него отнимают так много времени посторонние дела. Отказать не может, а потом недоволен, что отнимают у него так много времени... Его тяготит известность и все, что с ней связано. Он предпочитает работать в тиши и сделать все то, что ему кажется он обязан сделать. Он вообще ярко чувствует движение времени. Вот почему он его так бережет и использует буквально каждую минутку».

27.02.1936 г. «Меня радует, как В. А. активно относится ко всему окружающему его. Как он всем интересуется. Я ему сказала, что мы с ним — большевики без партбилета. Мне все дорого — каждая, даже маленькая, победа меня радует».

27.02. 1936 г. «В. А. на мой вопрос, как он участвует в практической жизни страны, ответил, что вся его работа по геологии Сибири есть его труд для Советской страны».

08.03. 1936 г. «В нем удивительно то, как он работает».

19.02. 1937 г. «Грустно и тяжело! Смерть Серго (Орджоникидзе)... В. А. свою скорбь глушил еще большей работой. Он не может пассивно переживать огорчения. Он переводит себя всего в действие, и только

в движении, в работе он черпает силы, душевное равновесие и бодрость. Как часто я смотрю на него и думаю — вот у кого надо учиться работать. И я уже многое стала познавать»...

Годы спустя близкий сотрудник Владимира Афанасьевича — А. М. Чекотилло — напишет: «Ева Самойловна... была и его секретарем, и подругой жизни, и пяней, и охраной от ненужных дел и посетителей».

Осенью 1935 года Владимир Афанасьевич переехал в Москву. Вышел в свет первый том его монографии «Геология Сибири». В 1936 году — второй, еще два года спустя — третий. Один за другим издавались тома «Истории геологического исследования Сибири». Из-под его пера выходило в это время до восьмидесяти печатных листов в год!

Энциклопедические знания и феноменальная память позволяли Владимиру Афанасьевичу творить воистину чудо:

«Когда я сажусь писать, то беру ручку и пишу, не останавливаясь и не испытывая никаких мучений. Из левого ящика беру бумагу, написанные страницы складываю в правый ящик; когда рукопись книги закончена, то отсюда она передается моему наборщику. Ведь я слишком стар, чтобы тратить время на исправление ошибок после перепечатки на пишущей машинке»...

Семидесятипятилетие Владимира Афанасьевича отмечалось очень торжественно. Чествовали юбиляра на общем собрании Академии наук в Доме ученых, вечером был банкет. Много говорили о заслугах Обручева перед советской геологией, о его любви к науке, о необыкновенной продуктивности, о юношеском энтузиазме.

Имя Обручева было присвоено только что созданному Институту мерзлотоведения и горному факультету Томского индустриального института.

Владимир Афанасьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1941 году его монография «Геология Сибири» была удостоена Сталинской премии 1-й степени.

Пять тысяч лауреат перевел в Иркутск, на по-

полнение библиотеки музея краеведения, пять тысяч — Кяхтинскому краеведческому музею, пять тысяч — в Томск, на материальную помощь студентам горного отделения.

А когда началась Великая Отечественная война, Обручев передал значительную сумму в фонд обороны.

После первой бомбежки Москвы решено было немедленно эвакуировать академиков в Казахстан, на курорт Боровое. Но в Свердловске поезд встретили представители обкома партии, — не захочет ли кто-нибудь из академиков работать на Урале.

— Мы остаемся здесь, Эва, — решил Владимир Афанасьевич. Он всегда так произносил имя жены.

Мариэтта Шагинян в своем очерке «Портрет академика В. А. Обручева» писала: «В те дни многие чувствовали себя вышибленными из привычной колеи, должны были привыкать к походному быту, к отсутствию нужных рукописей, драгоценной библиотеки и годами собранных материалов, без которых, казалось, невозможна никакая научная работа. Но Владимир Афанасьевич, как только поднялся в отведенный ему номер гостиницы, вынул старую чернильницу темно-коричневого цвета, верного друга, сопровождавшего Обручева в его поездках почти пятьдесят лет. Семидесятивосьмилетний геолог не нуждался в долгом приспособлении к новому месту. Множество экспедиций провел он в своей жизни, отнюдь не прерывая научной работы: расположится на ночлег в убогой клетушке китайской гостиницы, на так называемом «кане» — теплой глинобитной лежанке, отапливаемой изнутри, достанет чернильницу, собранные образцы, зажжет свои свечи и при свете их работает со вниманием и увлечением, как в городском кабинете.

Правда, в свердловской гостинице не было под рукой ни его московской библиотеки, уникальной по разделу Азии; ни обширного картографического собрания в ящиках, которые давно уже не умещаются в его кабинете и громоздятся в коридоре и в передней. Но Владимир Афанасьевич привез с собою на Урал особую «библиотеку» — собственную память. Поразительна эта память! Ученый верно хранит в ней не только факты и даты, но и связи явлений, последовательность собы-

тий. По памяти он может сейчас воскресить двухнедельные, месячные путешествия со всеми их остановками и особенностями дороги, — путешествия, сделанные больше чем полвека назад. И, поставив на стол чернильницу, Владимир Афанасьевич сразу оказался дома на Урале. Он начал свою работу буквально со дня приезда...

Для оборонной промышленности Урала срочно нужно было решить проблему одного марганцевого месторождения, и, когда Обручев дали просмотреть одну работу и высказаться по ней, старый ученый тотчас нашел и припомнил все нужные справки, всю имеющуюся литературу, — и данный им прогноз оказался совершенно правильным».

Читатель знает — предложения Владимира Афанасьевича позволили существенно увеличить добычу золота. Но не только в золоте нуждалась страна — в железных, марганцевых, алюминиевых рудах, во многом другом.

Обручев прихварывал, несколько раз болел воспалением легких, но иногда и сам выезжал для осмотра месторождения.

«Молодые геологи, сопровождавшие Владимира Афанасьевича, — рассказывает один из его помощников, — приходили в восхищение, едва поспевая за академиком, который с удивительной легкостью буквально летал по отвалам разработок, перепрыгивая с одной глыбы на другую, отбивая молотком заинтересовавшие его образцы пород. «Ну и дорвался! — с удивлением говорили они. — Никак за ним не угонишься!»

Один за другим оправдывались прогнозы Обручева — вступали в строй новые месторождения.

«Он сами недра поднимает на Победу», — сказал о Владимире Афанасьевиче академик Александр Евгеньевич Ферсман, и сам немало сделавший для Победы.

В день восьмидесятилетия Обручев был награжден орденом Ленина, а 10 июня 1945 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда:

«За выдающиеся научные достижения в области геологии, особенно за исследования геологии Сибири и Центральной Азии, за разработку теории

рудных месторождений, создание основ новой науки о вечной мерзлоте, а также за многолетнюю плодотворную работу по подготовке кадров геологов».

Хочется особо выделить самую последнюю часть текста Указа: «...за многолетнюю плодотворную работу по подготовке кадров геологов».

«Все геологи Союза учились под руководством Владимира Афанасьевича», — писал Михаил Антонович Усов — первый, любимый его ученик, ставший, как и учитель, академиком.

От преподавательской работы Владимир Афанасьевич отказался еще в 1929 году. «Мой язык, — говорил он, — не умеет состязаться с моим пером».

Впрочем, по отзывам студентов, лекции профессор Обручев читал столь же блестяще, как и писал. Часто они сопровождались демонстрацией фотографий или раскрашенных самим профессором диапозитивов — зарисовок обнажений, разрезов, геологических карт.

Вспоминает студент Таврического университета Борис Александрович Федорович — впоследствии известный советский геолог, доктор геологических наук: «Лекции были просты по изложению, каждая мысль и каждое положение вытекали из примеров, показанных на таблицах, либо подтверждались образцами. Ничего не было сказано такого, что надо было брать на веру, все было осязаемо, видимо и потому необыкновенно просто, ясно и доказуемо. Это великий дар — так разбираться в сложнейших проблемах строения и формирования земной коры, чтобы донести их до любого слушателя с предельной ясностью. Здесь не было ни малейшего элемента упрощенчества, а было лишь раскрытие максимальной простоты и закономерности природы, постигаемое в процессе глубочайшего проникновения в ее тайны. Каждая лекция заканчивалась подробными ответами на вопросы студентов.

Курс физической геологии читался оба семестра 1919/20 учебного года, и я могу засвидетельствовать, что он один был целым университетом геологических и географических знаний. Он являлся источником настолько образного и наглядного знакомства с природой изученных Владимиром

Афанасьевичем пространств, что когда... (в 1957—1959 гг.) мне доводилось повторять его маршруты по Джунгарии и Внутренней Монголии, изучать весь Синьцзян и проехать через весь Китай от Кульджи до Пекина, мне казалось, что я ездил по виденным мной лично и знакомым мне местам».

Не приходится сомневаться — лекции Владимира Афанасьевича были и емкими и образными. Но не лекции и даже не книги, по которым учились многие тысячи студентов, сделали его Учителем для «всех геологов Союза».

Гёте сказал: «Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя».

Обручев учил примером своего отношения к науке, всей своей жизнью.

В 1907 году Владимир Афанасьевич опубликовал забавную притчу — «Пустоцвет (китайская быль)». В ней рассказывается о некоем китайском мудреце — «Учителе»:

«Казалось, что его знаниям нет предела. От мерцающих светил небесной сферы его мысль переносилась на белоснежные вершины Куэнь-Луня, порхала по голубым волнам Куку-нора, спускалась в мрачное ущелье Хуан-хэ, погружалась в мутные воды Желтого моря... От звезд он переходил к деревьям, от деревьев — к изречениям великого Конфуция. Плавню и непрерывно лилась его речь, и слушателям казалось, что они внимают серебристому журчанию ручейка, струящегося по мелким камешкам. И на всем дворе царила благоговейная тишина...»

Мудреца окружают ученики:

«Одни... переписывали изречения древних мудрецов, другие подсчитывали, сколько песчинок находится в куче песка, третьи измеряли углы и дуги на деревянном шаре, изображавшем небесную сферу; четвертые определяли число волос на шкурках сурка или перьев на чучеле фазана; пятые вынимали цветные шарики из большого ящика, чтобы узнать, сколько раз повторяется один и тот же цвет; шестые делали из больших карт империи маленькие или из маленьких — большие...»

Один из учеников, устав от бесплодных научных упражнений, произносит дерзкую речь:

«Я много думал и много учился... Но и теперь я

остаюсь неудовлетворенным... И мне кажется, что ты не можешь дать нам настоящих познаний... Я скажу, почему ты бесплоден. Твоя мысль скользит по науке, как челнок рыбака по синей глади; но рыбы у рыбака не будет, если он не остановит свой челнок и не закинет свою сеть в глубину вод, полных добычей. Но ты подобен рыбаку, лежащему на дне челнока и следящему взором за переливанием красок неба, за бегом прихотливых облаков».

Итог философскому спору подводит некий Старик:

«Он водит вас вокруг храма науки, показывает вам красоту его линий, разнообразие его форм и красок, но в этот храм он никогда не поведет вас, потому что сам он там не был и даже не знает, где дверь этого храма. Наш великий учитель — только махровый путоцвет...»

Отличительные черты работ Обручева — конкретность задачи, ясность и простота изложения, отсутствие какого-либо мудрствования.

«Оглядываясь на истекшие десятилетия и выполненные мной крупные и мелкие геолого-географические работы, я должен сказать, что с самого начала своей деятельности я всегда старался понять и объяснить наблюдаемые факты и явления самым естественным образом, «не мудрствуя лукаво», — писал Владимир Афанасьевич.

Каждая его экспедиция, каждый полевой сезон, каждая экспертиза прииска или рудника завершались, как правило, хотя бы краткой публикацией-отчетом, в дальнейшем зачастую крупным научным трудом, обобщением, новой плодотворной гипотезой:

«Прежде всего нужна настойчивость в работе, какого бы она характера ни была. Раз начав дело, доводить его до конца; в частности, молодым ученым надо, собрав материалы, обработав их, получить выводы и стремиться опубликовать, если они являются новыми и представляют интерес для науки и практики...»

В автобиографии, напечатанной в 1946 году, Владимир Афанасьевич отмечает, что на протяжении всей жизни у него сохранялся интерес к пяти научным проблемам:

1. Происхождение лесса.

2. Древнее оледенение Сибири и Центральной Азии.

3. Тектоника вообще и Сибири в частности.

4. Геология месторождений золота.

5. Древнее темя Азии.

По каждой из этих проблем им написано множество статей. Он внимательно следил за геологической литературой, и по мере накопления новых данных взгляды его, естественно, менялись. Но всегда в основе теоретических построений Обручева стоял Его Величество Факт.

«Идите от анализа к синтезу, но стройте свои выводы на основе всего проверенного фактического материала. Я часто одерживал верх над противниками в научных спорах, так как опирался на лично наблюдаемые факты».

Как справедливо заметил один из его учеников, научная производительность Обручева вполне сопоставима с научной производительностью целого института.

В связи с этим чрезвычайно интересны и поучительны ответы Владимира Афанасьевича на вопросы профессора М. И. Евдокимова-Рокотовского, который работал по теме «Организация труда научных работников». Письмо датировано апрелем 1943 года.

Как организован мой труд

На Вашу просьбу сообщить, как организован мой труд, отвечаю так поздно потому, что все время был очень загружен срочной работой. (Письмо М. И. Евдокимова-Рокотовского датировано 27 декабря 1942 года. — А. Ш.) Надеюсь, что сведения, посылаемые теперь, еще пригодятся Вам.

Мой труд издавна организован по трем принципам: планомерность, аккуратность и любовь к творчеству.

Планомерность состоит в том, что, получив какое-либо задание по службе или выбрав какую-либо научную тему по своему желанию, я знакомлюсь сначала с имеющейся литературой при помощи своей обширной картотеки, которую составляю уже много лет по интересным вопросам геологии, и затем составляю общий план работы, который, конечно, в порядке выполнения изменяется в том или другом отношении по мере необходимости.

Аккуратность состоит в организации рабочего места. Вся литература, используемая в течение дня для работы, не оставляется на столе, а ставится на свое место в моей библиотеке, а книги, взятые из других библиотек, складываются в определенном месте. Таким образом стол не загромождается кучами книг, частью уже ненужных, в которых нужно рыться, чтобы найти требуемое в данный момент. По окончании работы стол чистый, книги на местах, рукопись лежит в соответствующем ящике стола или шкафа, в котором имеется ряд ящиков с этикетками, обозначающими районы, по которым я веду работы или отдельные темы. Благодаря картотеке и распределению рукописей по содержанию всякие справки требуют минимум времени для поисков.

Любовь к творчеству стимулирует работу, делает ее успешной. Я не беру задач, которые меня не интересуют или не соответствуют моей научной подготовке и кругу вопросов, которыми я занимаюсь. Но взятую на себя работу я стараюсь выполнить наилучшим образом, а не кое-как, лишь бы отделаться от нее. Это научное творчество увлекает.

Я полагаю, что успешности научной работы помогает также перемена тем. Утром я обыкновенно занимаюсь разработкой задачи, требующей наибольшего внимания и напряжения, а вечером другой, более легкой. По вечерам большею частью выполняются научно-популярные статьи и книги, рецензии о научных книгах, отзывы о диссертациях, корректуры и т. п., а еще позже, в течение часа до отхода ко сну, я по временам создавал свои научно-фантастические романы и уже в кровати часто обдумывал их продолжение на следующий день. Эти романы также писались по заранее составленному плану, который в ходе работы подвергался более или менее существенным изменениям.

Рабочий день нормально, если не нарушают его порядок какие-нибудь заседания, продолжается от 10 ч. утра до 12 ч. ночи с перерывами, в общем часов 10—11. Дней отдыха не соблюдаю, в кино и театрах бываю очень редко. Читаю газеты, научную и художественную литературу во время перерывов в работе и вечером в кровати. Мои успехи, как ученого, в основном обусловлены вышеуказанными тремя условиями — планомерностью работы, ее аккуратностью и любовью к научному творчеству. Облегчали их, кроме того, счастли-

вые семейные обстоятельства и материальная обеспеченность при скромных требованиях к жизненной обстановке.

Так я начал работать уже в 1889 г. в Иркутске. Педагогические обязанности в Томске в 1901—1912 гг., в Симферополе в 1919—1920 гг. и в Москве в 1923—1929 гг., конечно, в значительной степени нарушали порядок рабочего дня, и только со времени избрания в АН в 1929 г. я мог проводить этот порядок с небольшими изменениями, как указано выше, и достиг почти наибольшей продуктивности(...). В отношении педагогической работы могу сказать, что я готовился к лекции накануне вечером или утром, если лекция была после полудня, и всегда составлял памятку, в которой был намечен порядок изложения (...).

В отношении воспитания молодыми учеными склада ума, характера и навыков ничего не могу прибавить к вышесказанному. Многое зависит от индивидуальных особенностей, семейной и жизненной обстановки ученого. (Примечание Обручева: семейные дела могут очень тяжело отражаться на состоянии духа и правильности и успешности работы, а жизненная обстановка способствовать или препятствовать ей.) Один наиболее плодотворно работает утром, другой — вечером, третий — ночью. Но планомерность и аккуратность работы при любви к научному творчеству и увлечении им являются, по моему мнению, основными условиями для успеха.

Каждый вечер, уже перед сном, Владимир Афанасьевич, как правило, отвечал на письма. И корреспондентов и адресатов всегда было множество. В государственных и ведомственных архивах, в семье хранятся тысячи писем Обручева. Даже в экспедициях, обработав полевой дневник, Владимир Афанасьевич обычно заканчивал день письмом.

К сожалению, все это огромное эпистолярное наследство до сих пор не опубликовано, даже и не выявлено полностью, хотя, думается, оно представляет немалый интерес.

В книгах Владимир Афанасьевич редко рассказывал о трудностях путешествий, о своих переживаниях. В письмах, даже официальных, он более откровенен.

Вот, например, одно из таких экспедиционных писем, адресованное российскому посланнику в Пекине. Датировано письмо 30 марта 1894 года:

«Неделю тому назад я прибыл в Лан-чжоу, закончив этим зимнее путешествие в Сы-чуань; недостаток времени заставил меня ограничиться исследованием системы Восточного Куэнь-Луня, так что собственно в пределах Сы-чуани я провел всего десять дней. Самым южным пунктом, достигнутым мною, был г. Гуань-Юань, куда я прибыл 18-го февраля и откуда повернул на север через Пи-коу, Кче-чжоу и Минь-чжоу.

Несмотря на то, что я выбрал для путешествия по этим южным странам самое лучшее время года — конец зимы и начало весны, когда редки дожди, сильно затрудняющие движение летом и осенью, два месяца, проведенные в Куэнь-Луэне, я должен считать самыми неприятными из всего срока экспедиции; вечно хмурое небо, отвратительные дороги, ужасающе грязные, переполненные насекомыми постоянные дворы, приспособленные только для носильщиков; население более назойливое, более любопытное, чем на севере; требования относительно помещения для ночлега, пониженные уже в Северном Китае до минимума, возможного для культурного человека, оказываются еще слишком высокими для грязной Сы-чуани, где в большинстве постоянных дворов нет отдельной комнаты для путешественника и приходится удовольствоваться полуразвалившимся сараем, конюшней или конурой хозяина, уступающего путнику свой кан; к этим лишениям присоединяется еще недостаток хорошего хлеба и однообразие мяса — полтора месяца я питался одной свининой. Ни живописные дикие горы, красивые скалы и ущелья, ни роскошная южная растительность с ее веерными пальмами, бамбуком и другими подтропическими растениями, густо зеленеющими уже в половине февраля полями и цветущими фруктовыми деревьями, — все это не может вознаградить путешественника за неудобства дороги и ночлега, и я с легким сердцем простился навсегда с югом, когда близ города Минь-чжоу началась северная природа, более тусклая и пыльная, более холодная, но более благоприятная для путешествия.

От южной окраины Ордоса до Лань-чжоу я шел на лошадях с двумя погонщиками из китайских христиан, которыми снабдили меня боробалгасунские миссионеры; здесь я рассчитал их и теперь направляюсь в Су-

чжоу на своих верблюдах, пришедших сюда с зимовки в Боро-балгасуне с двумя крещеными монголами, поступающими ко мне в рабочие до Кульджи; своего кяхтинского казака я рассчитал и отправил на родину (через Ордос и Монголию) еще в начале января, так как этот человек в своем дурном поведении (пьянстве, лени и грубости) превзошел всякие границы и не только не был полезен, но вредил моей экспедиции и репутации, рассказывая всем встречным китайцам всякие грязные выдумки про меня и даже про миссионеров.

Прибывши в Лань-чжоу, я получил из ямына три пакета с письмами и газетами за восемь месяцев прошлого года, два возвращенные из Чен-ду-фу и один адресованный сюда. На днях мне принесли также пакет, адресованный уже в Су-чжоу, благодаря чему я узнал о желаниях Географического общества заблаговременно и из Су-чжоу сделаю дополнительную поездку в Средний Нань-шань, что отсрочит мое возвращение в Кульджу до конца сентября. Относительно денег повторилась прошлогодняя история, пока я не обратился телеграммой к любезному содействию Вашего Сиятельства, — за которое глубоко благодарен, — во всех ямынах говорили, что денег нет; через два дня после телеграммы принесли 840 лан казенного веса хорошим серебром...»

Письма Обручева — тоже продолжение дневной работы. В них отстаиваются взгляды, ведется зачастую оживленная научная дискуссия.

Томск. 10/III/19/05.

«Милостивый Государь Лев Семенович!

Одновременно посылаю Вам под бандеролью свою статью об Ордосе (из сборника в память И. В. Мушкетова) и пользуюсь случаем поблагодарить Вас за присылку Ваших интересных трудов по Аральскому морю; своевременно не мог исполнить этот долг, так как не знал Вашего адреса; теперь только нашел его в списках членов Географического общества.

Особенный интерес для меня имела Ваша статья о явлениях развевания на берегах Аральского моря, я использовал поучительные иллюстрации к ней для диапозитив(ов), которые показываю студентам на своих лекциях по физической геологии.

С большим интересом прочел я также Вашу заметку о прежнем впадении Аму-Дарьи в Каспийское море (в «Землеведении» 1902 г.), написанную по поводу статьи Бартольда; но эта заметка показывает, что Вам неизве-

стны мои мнения о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, которые оказываются совершенно согласными с историческими данными, приводимыми Бартольдом. Противоречие есть между взглядами Коншина и историей, но я всегда доказывал, что Коншин не прав; я указывал, что часть Аму-Дарьи до верхнего водопада была судоходна, что у этого водопада есть остатки караван-сарая (у Куртыша и Талай-хан-ата), где грузы перекладывались с каюков на верблюдов и шли через пески Кызыл-кум на Кызыл-арват кратчайшим путем.

Данные геологии и физ. географии именно говорят в пользу такого предположения, и только Коншин мог истолковать их иначе, а Вальтер, не видевший эту часть старого русла, а только его низовья, предложил новую гипотезу, столь же мало обоснованную, как и гипотеза Коншина. Мой спор с Коншиным по этому вопросу будет со временем, я в этом глубоко убежден, разрешен новыми геологическими исследованиями в мою пользу; ненадежность геологических работ Коншина обнаружена недавно и на Кавказе Голубятниковым по отношению к Бакинскому нефтеносному району.

Мои взгляды на Узбой изложены в книге «Закаспийская низменность» (Записки Геогр. общ. по общей географии, т. XX, вып. 3) и в примечаниях к книге Коншина «Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи» (в тех же Записках, т. XXXIII, вып. 1) на стр. 249—256.

Могу только порадоваться, что исторические изыскания Бартольда подтвердили мои геологические выводы, так упорно оспариваемые Коншиным.

С искренним уважением В. Обручев».

Это письмо адресовано Льву Семеновичу Бергу, будущему академику, а следующее — известному исследователю Центральной Азии Григорию Ефимовичу Грум-Гржимайло. В нем очень четко выражены взгляды Обручева на научную дискуссию, его принципы:

«Я говорю всегда прямо, что думаю, без экивок и недомолвок, и в таком смысле прошу понимать мои отчеты — путевые, предварительные и полные, и не читать в них между строк, отыскивая невысказанные или недосказанные мысли. Если меня убедят, что мои мнения ошибочны, я от них отказываюсь прямо, без почетного или непочетного отступления, замаскированного разными «но» и «ежели». Так я поступил в вопросе о Ханхае,

когда мне доказали палеонтологические находки, что это было не соленое море, как я думал, а цепь пресных озер; так поступлю и в спорных между нами вопросах, если вы мне докажете, что я не прав. Но пока я этих доказательств не вижу, Вы мне их не дали, и я остаюсь на первоначальной точке зрения»...

Некоторые гипотезы, высказанные и обоснованные Обручевым, на протяжении многих десятков лет вызывали (и вызывают) оживленные дискуссии — в частности, гипотеза о происхождении лесса.

Читатель уже знает — в настоящее время насчитывается чуть ли не семь десятков лессовых гипотез.

Владимир Афанасьевич считал, что нужно четко разделять первичные и вторичные лессообразующие факторы. И на склоне лет он по-прежнему энергично и страстно защищал свою эоловую гипотезу:

«Неужели Вы, видевший большие площади Внутренней Азии, также все еще сомневаетесь в правильности эоловой теории (она уже вполне заслужила термин — теория) и считаете ее только одним из возможных объяснений генезиса этой пылевой почвы? Сколько же десятилетий полевых работ геологов нужно еще ждать, чтобы географы признали эоловую теорию единственно правильной, вполне объясняющей генезис лесса. Ведь прошло уже 56 лет с тех пор, как Тутковский (П. А. Тутковский — геолог, палеогеограф, академик АН Украинской ССР. — А. Ш.) вполне правильно выяснил пылевой генезис украинского лесса в связи с ледниковым периодом! Сколько лет географы и почвоведы, мудрствуя лукаво, будут сомневаться в правильности эоловой теории, замалчивать ее или стараться находить еще какое-нибудь выдуманное объяснение, как «облессование»...

Я полагаю, что географам уже пора признать полную правильность эоловой теории, которая на основании уже многочисленных точных наблюдений в многочисленных местностях установила пылевой генезис неслоистого лесса и естественный переход его, при переносе водой, в лессовидные суглинки разного качества.

Сейчас заканчивается съемка кинофильма в Туркмении, и Вы осенью увидите на экранах Москвы разновидности лессовых толщ из Средней Азии и их связь с песчаными пустынями, доставляющими эту пыль на

окаймляющие степи. И неужели, глядя на эти картины больших толщ пылевидных и водно-пылевых почв, Вы все еще будете сомневаться в точности эоловой теории и искать другие объяснения их генезиса?

С сердечным приветом

В. Обручев».

Это письмо, датированное 6 июня 1955 года, адресовано Эдуарду Макаровичу Мурзаеву — доктору географических наук, известному исследователю Центральной и Средней Азии. Сам Эдуард Макарович считает себя учеником Владимира Афанасьевича, они всегда оставались в добрых, дружеских отношениях.

Заметьте, сколь непреклонен Обручев в своем письме, и в то же время сколь сердечен. Замечательный пример высокой этики научной дискуссии!

Когда пришла к Владимиру Афанасьевичу литературная известность (наверное, можно сказать, литературная слава), хлынули потоком письма читателей — сотни, тысячи.

«Плутония», «Земля Санникова» в равной степени увлекали и детей и взрослых.

«Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич! — писал из Перми профессор Г. А. Максимович. — На днях купил несколько книг и в том числе Ваш роман «Земля Санникова». Книга пролежала у меня несколько дней. Вчера, закончив последний курс в этом полугодии, я открыл ее. Открыл и положил ее в 4 утра, закончив чтение. Несмотря на наличие многих дел, которые были намечены на вечер, я все забыл, так был увлечен.

Увлекательнейшая книга получилась у Вас, Владимир Афанасьевич! Литература должна пожалеть, что Вы не писатель.

Не будь я геологом, я бы тоже пожалел. Однако сознание важности Вашей роли в создании нашей отечественной геологии заставляет меня только поздравить Вас с блестящим успехом на новом поприще научно-фантастической литературы.

Извините, что побеспокоил Вас своим письмом, но оно получилось невольно, утром под впечатлением прочитанной книги».

Еще одно из «взрослых» писем хочется процитировать потому, что высказанную в нем идею и сейчас еще не поздно осуществить:

«Уважаемый т. Обручев.

Недавно я с Вашей экспедицией совершил путешествие в Плутонию. Меня оно очень увлекло, но было досадно, что в действительности не придется совершить подобного путешествия, и поэтому мне захотелось Плутонию вытащить на свет божий.

Почему бы не просить Моссовет помочь в этом деле?

Примерно в Химках создать громадный парк с бассейнами, пещерами, гейзерами, громадными пластами древнейших пород, которые свойственны Вашей Плутонии, и заселить этот древний парк обитателями давно минувших тысячелетий — из бетона, из мрамора. Пусть они разевают из разных углов этого парка страшные пасти. Пусть этот мрамор извивается в предсмертных судорогах неравной борьбы, и пусть у человека мурашки ползут по коже.

Я обращаюсь к Вам, как к главному виновнику этой идеи и как к человеку, имя которого будет авторитетно в Моссовете. Создав бригаду из скульпторов, геологов, архитекторов, декораторов и т. д., через 5 лет Ваша Плутония начнет жить на поверхности земли. Насколько я знаю, такого зоопарка нет на земном шаре. Я буду рад, если Вы мне скажете Ваше мнение по данному вопросу.

Уважающий Вас — подпись.

Мой адрес: Москва, Арбат, Сивцев-Вражек пер., д. 30, кв. 3. Баянову И. Р.»...

Большинство писем было, конечно, от молодежи. Сотни из них и до сих пор хранятся в архиве Обручева — тридцатые годы, сороковые, пятидесятые. Можно было бы даже провести небольшое социологическое обследование — как за два десятка лет изменились читатели.

Кажется, в тридцатых годах интерес к книге был более живым, более активным. Хорошая книга становилась руководством к действию, и можно смело утверждать, что «Плутония», «Земля Санникова» определили судьбу многих юных читателей.

«Дорогой дедушка Обручев, шлю вам большой привет, прямо громадный.

Я читал ваши книги «Плутония» и «Земля Санникова», они мне очень понравились. Прочтя «Плутонию», я заинтересовался доисторическими временами. Меня интересует быт людей, которые тогда жили, животные,

какие тогда были, как произошла Земля, какое первое существо было на земле, какие ящеры были хищными, какие травоядными, что есть внутри земли и почему в шахте чем ниже, тем жарче. Вот и все, что меня интересует. Пожалуйста, ответ пришлите, и можно ли мне с вами будет переписываться?

С пионерским приветом.

Ученик 4-го класса 4-й транспортной школы Бучеръи
Женя.

8/V-37 год».

«Владимир Афанасьевич!

Мы прочитали роман «Земля Санникова», а вскоре после этого в «Ленинских искрах» появилась статья об этой же земле. Наш класс разделился на две группы. Одни стоят за то, что Земля Санникова существует, а другие за то, что она не существует. Мы решили устроить диспут, на котором попробуем научно доказать существование Земли Санникова. Мы просим Вас прислать нам несколько Ваших мнений и доказательств о существовании этой загадочной земли. Мы их зачитаем на диспуте от Вашего имени. Мы просим Вас ответить на один вопрос: мог ли в доледниковый период со дна северного моря подняться вулкан, имеющий кратер большой глубины? Вулкан временно прекратил свое действие, а ледник, шедший на север, не мог подняться до краев гор, окаймляющих кратер, и, разделившись, обошел его с двух сторон. Правильны ли мои предположения? Напишите, пожалуйста, ответ. Диспут назначен на 19 число этого месяца.

Заранее Вам благодарные ученики — В. Якобсон, Иванисенко. 7-й кл., 4 ФЗО».

«Москва. Академия наук. Члену академии В. А. Обручеву.

Многоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Позвольте выразить Вам мое восхищение и глубокую благодарность за труд, в результате которого появилась на свет замечательная книга «Земля Санникова». Скажу без преувеличения: она неоценима...

Выходной, 18.VIII.36, и два предыдущих вечера читал без отрыва. Я и до этого интересовался литературой о Севере, но — скажу откровенно — Ваш труд, насколько я могу судить, наиболее сильно действует на

волю читателя, пробуждая в ней громадный интерес к исследованию таинственной Земли Санникова, а вместе с ней — всего Севера.

Книга окрыляет молодого читателя энтузиазмом... к исследованию Арктики. И как окрыляет! Сразу готов сесть на машину и полететь в страну льдов, где упорствуют морозы, норд-осты и туманы.

Сегодня — День авиации. На маленьком учебном самолетике У-2 я получил первое «воздушное крещение». Обещаю Вам, дорогой Владимир Афанасьевич, приложить все силы, энергию, весь комсомольский задор к изучению авиационной техники, чтобы уметь летать выше всех, дальше всех и быстрее всех...

Задача не из легких. Мы видим все трудности. Но Советская власть и наша родная Коммунистическая партия создают нашей молодежи все условия, используя которые мы сможем и должны достигнуть осуществления зародившихся в молодости замыслов...

Ваша книга разжигает интересы читателя и обогащает его ценными сведениями.

Заканчивая это, хочется крикнуть: «Север будет освоен и изучен! На Земле Санникова мы все-таки побываем!»

Извините, многоуважаемый Владимир Афанасьевич, за беспокойство. Желаю Вам много, много лет плодотворной работы и жизни. А главное — здоровья!

От всей души благодарный Вам читатель «Земли Санникова» — Афанасий Ефременко.

Р. С. Не можете ли посоветовать еще что-нибудь прочесть на эту тему.

Днепрострой, соцгород, Дом инженеров алюмин. завода, комн. № 52».

Каждое новое переиздание «Плутонии» или «Земли Санникова», каждая новая книга вызывали новый поток писем.

Особенно растрогало Обручева письмо из Ташкента, полученное в апреле 1949 года:

«Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Примите глубокое мое к Вам уважение и прежде всего простите за беспокойство.

На днях мне посчастливилось приобрести Вашу книгу «По горам и пустыням Средней Азии». В описании путешествий по Пограничной Джунгарии 1905, 1906 и 1909 гг. упоминается о Вашем проводнике Гайсе Мусине Мухарямове и его сыне Абдубекире.

Простите меня за чисто человеческую слабость, но вторую часть Вашей книги я читал с таким большим чувством и волнением, что по окончании чтения я уже не мог не написать Вам об этом. Дело в том, что я уже, можно сказать, мальшом слушал как увлекательную сказку о Ваших путешествиях. Мать моя (дочь Вашего проводника Гайсы), бывало, целыми вечерами рассказывала, как мой дед водил по «нашим» горам и степям русского профессора и его сыновей, тоже ученых. Разные мелкие и большие эпизоды живут в памяти моей матери до сего дня!

И вот я, внук Гайсы, осмелился и решил выразить Вам от имени наших «старших» благодарность... за что? Да хотя бы за то: с такой Вы теплотой упоминаете (и неоднократно) о простых людях.

Нахожу уместным сообщить, что мой дед, выдав замуж свою среднюю дочь (то есть мою мать) за учителя татарской школы, в 1911 году уехал с своим большим семейством из г. Чугучака и поселился недалеко от Усть-Нарымского на р. Иртыше. Умер в 1924 г. А старший сын его Абдубекир (мой дядя), по-видимому, до сих пор живет там.

Не сочтите, пожалуйста, за нескромность — я очень бы просил Вас, Владимир Афанасьевич, если это возможно, прислать мне одну фотографию (копию), где сняты мой дед Гайса или Абдубекир, так как у нас нет.

С сердечной признательностью к Вам, хочется хранить, как семейную реликвию.

На этом кончаю. Простите за беспокойство.

Желаю Вам еще долгих лет здоровья и плодотворной работы!

С искренним преклонением Ф. Хабибуллин».

Три полевых сезона, проведенных с Обручевым, стали буквально поворотным пунктом в жизни Гайсы Мусина.

Уже позже сын его писал: «Отец часто вспоминал, каким он был религиозным фанатиком и темным, отсталым человеком до участия его в работе экспедиции В. А. Обручева. После окончания экспедиции мой отец всех своих детей — мальчиков и девочек — отдал учиться в русскую школу в городе Чугучаке. Раньше мы учились у догматиков-мулл, где учили читать коран и другие священные книги и совершать намаз, то есть мусульманскую молитву во славу ислама и Магомета. Сам отец

все реже и реже стал посещать мечеть, бывать у муллы. В нашем доме появились выписанные отцом газеты и журналы, читать которые раньше он нам запрещал. Эти резкие перемены в сознании отца привели его к ссоре с духовными отцами, которые, как известно, стремились, как все «святые отцы мира», держать свою паству, так сказать, в «страхе божьем»...

Этот разрыв с религией, с духовными отцами и стал причиной переезда семьи в Россию. После революции Гайса Мусин вступил в партию, стал председателем колхоза, боролся с кулачеством, не раз был награжден за самоотверженный труд. Все дети его стали образованными людьми...

Во многих судьбах Владимир Афанасьевич Обручев, без преувеличения, сыграл поворотную роль.

Вы помните дневник Евы Самойловны: «Теплое и внимательное отношение к человеку у В. А. проглядывает на каждом шагу. Он совершенно не может оставить без ответа ни одну просьбу».

Молодой человек потерял один глаз, второй — повредил при каком-то химическом опыте. Его приняли на историко-филологический факультет Иркутского университета, а он всю жизнь мечтал о геологии.

Обручев обращается в Иркутск, к своему бывшему аспиранту Евгению Владимировичу Павловскому:

«...он так хочет быть геологом, чуть ли не с детства, и написал мне длинное письмо... Я посылаю его к Вам, он покажет мое письмо; если его глаз все-таки может работать, хотя бы с микроскопом, то нельзя ли перечислить его, жаждущего геологии, опять на геологический. Пусть глазной врач проверит его зрение».

А вот другое письмо — Владимир Афанасьевич пишет совершенно незнакомому ему студенту-медику:

«Я случайно узнал, что Вы находитесь в туберкулезном санатории и очень удручены своим болезненным состоянием. Мне кажется, нет оснований терять бодрость.

...При длительной болезни большое значение имеет «воля к жизни», желание побороть недуг и продолжать жить хотя бы для того, чтобы приносить пользу, помогая другим в трудных случаях или стараясь во что бы

то ни стало добиться осуществления задач, намеченных самому себе...

...Внушайте сами себе — я должен выздороветь, у меня есть близкие люди, которым я могу помогать в жизненных затруднениях, а в близком будущем мне, как врачу, придется интересоваться здоровьем других людей, помогать его восстановлению»...

Многим людям Обручев помогал и материально — иногда в течение десятков лет.

Временами остро нуждалась, чапример, М. К. У. — вдова бывшего профессора Томского технологического института. Сын ее — врач-полярник — был несправедливо осужден, а когда удалось добиться его освобождения, — застрелился. Дочь тяжело больна — туберкулез кишечника, за ней нужен постоянный уход, и М. К. У. из-за этого не может устроиться на постоянную работу.

Обручев то хлопочет о пенсии для М. К. У., то о санаторной путевке для ее дочери, то сам посылает деньги или продукты.

Доставку посылки обычно брала на себя Ева Самойловна. Посидит, выпьет с М. К. У. чашечку чая, передаст неизменную записочку Владимира Афанасьевича: «...если Вам понадобится помощь, всегда можете обратиться ко мне».

Ежемесячно посылались деньги Галине Дмитриевне Мушкетовой, внучке Учителя. Отец ее, Дмитрий Иванович Мушкетов, возглавлявший в 30-х годах Геологический комитет, трагически погиб, и дочь осталась без всяких средств существования. Помощь Владимира Афанасьевича позволила ей получить образование, но дело не только в деньгах — разве измеришь моральную цену поддержки в то трудное время.

Десяткам (если не сотням) своих корреспондентов Обручев посылал отписки, книги, причем не только свои и не только по геологии. Учительнице, например, — книжечку по педагогике: «...она может Вам пригодиться». Со многими дружеская переписка продолжалась годами.

Академика Обручева знала буквально вся страна, к нему обращались за помощью знакомые и незнакомые. Нередко просили и денег. Кто по нужде — нелегко жилось в послевоенные годы, кто в расчете поживиться.

Как тут разобраться, кому действительно нужна помощь?

В апреле 1950 года Владимир Афанасьевич обратился по такому щекотливому делу к давней своей корреспондентке А. И. Груздевой, которая жила в Иванове:

«Многоуважаемая Альбина Ивановна!

Недавно я получил Ваше письмо от 12/IV с списком моих трудов, которые имеются в библиотеке Вашего факультета (А. И. Груздева училась в это время на географическом факультете Ивановского пединститута. — А. III.). Я пополнил его вскоре несколькими оттисками рецензий последнего времени. А сегодня пишу Вам по следующему делу: в г. Иваново по ул. 12 декабря, 58, кв. 126 в общежитии проживает студентка Ивановского текстильного института 4-го курса Елена Федоровна Бондаренко. Я только что получил от нее письмо о том, что ее обокрали в общежитии и что у нее нет средств поехать на лето к своим родным в Красноярский край в Сибири. Будьте любезны сходить по указанному адресу и узнать, действительно ли там проживает такая студентка и, если она действительно нуждается, то сколько ей нужно послать денег на дорогу домой. Пользуюсь Вашим присутствием в г. Иваново для такого неприятного поручения потому, что следствием присуждения Сталинских премий нередко являются письма с просьбой о помощи, посылаемые лауреату людьми, которые никакой помощи не заслуживают, а пользуются возможностью получить деньги от доверчивых людей, которые сами, конечно, не могут проверить, правда ли то, что им пишут в письме. А бумага, как известно, все терпит, и ловкий человек может придумать все, что угодно. Я уже получил около 25 писем из разных мест... и по мере возможности проверяю, заслуживают ли авторы помощи, которую просят.

В ожидании любезного ответа.

С приветом — В. Обручев.

По получении ответа от Вас я вышлю деньги т. Бондаренко, если она этого заслуживает».

Три недели спустя Владимир Афанасьевич вновь писал в Иваново:

«Многоуважаемая Альбина Ивановна!

Я получил Ваш ответ с справкой относительно студентки Бондаренко и очень благодарю за нее. Но мне

не совсем понятна Ваша оценка обращения Бондаренко за помощью ко мне как нетактичного. Ее обокрали, и она потеряла возможность уехать на лето на родину, отдохнуть и повидать своих близких. Получение мною Сталинской премии внушило ей мысль обратиться ко мне за помощью не в виде подарка, а в виде ссуды для оплаты расходов по путешествию. И я бы охотно помог ей таким образом. Но так как я ее лично не знаю, а получение премии вызывает у некоторых людей надежду на возможность пожить и в расчете на доверчивость человека, получившего крупную сумму, выпросить себе денег, например, на наряды, на покупку чего-нибудь нужного или даже лишнего. Я получил целый ряд писем с подобными просьбами. Например, одни просят послать им денег на покупку баяна, другие на радиоприемник, третьи даже на постройку избы, на лечение, на поездку на курорт. И приходится просить у них подтверждения необходимости помощи в виде справки от домоуправления или больницы. В случае Бондаренко я воспользовался тем, что она живет в том же городе, что и Вы, и просил Вас навести справку, тем более что она студентка, как и Вы. Может быть, ей следовало обратиться в комсомольскую организацию за ссудой по случаю своего несчастья, а не ко мне? Есть ли у комсомольских организаций такая возможность помочь пострадавшим, выручить их из беды? Я охотно помогу Бондаренко в виде ссуды, которую она мне, конечно, вернет со временем. Помня свою молодость, когда я получал государственную стипендию, которая не обеспечивала всех потребностей жизни (я, например, обедал через день, а один день довольствовался вместо обеда бутылкой снятого молока), я издавна помогаю учащейся молодежи, если узнаю о ее нуждах.

Выпускные экзамены уже начались. Желаю Вам полного успеха в них.

С сердечным приветом — В. Обручев».

И, наконец, третье письмо — отрывок из него:

«...Вы любезно дали мне отзыв о ней и строго высказались, что она не заслуживает помощи, так как комсомолке это не прилично, не соответствует ее званию. И все-таки я ей послал небольшую сумму на оплату дороги; мне было жаль, что она три года уже не могла посетить своих родных, не имея на это средств...»

Бывало, конечно, что люди беззастенчиво пользовались добротой Обручева.

Некий И. М. — назовем его так — написал Владимиру Афанасьевичу первое письмо еще пионером. Потом — второе, третье, десятое... Потом, став студентом, попросил денег на покупку приемника. Вслед за этим на лечение, на поездку в Карловы Вары. А после кончины Владимира Афанасьевича пришел просить денег у родственников и очень обиделся, получив отказ:

— Владимир Афанасьевич всегда давал...

В детстве И. М. писал — я знаю, что стану известным, что стану великим... А после кончины немало сделавшего для него человека продал в архив его письма. Не отдал, а продал по сходной цене. Так они и хранятся в архиве, эти проданные письма: «Дорогой И....»

К счастью, это только исключение. Наверное, чаще все-таки уроки доброты не проходят бесследно. И три года спустя Владимир Афанасьевич с удовлетворением писал:

«Студентка из Иванова, которой я помог съездить на лето в Сибирь, писала мне и хотела вернуть деньги. В ответ я просил ее послать их одной нуждающейся на Кавказе...»

В 1950 году В. А. Обручеву была вторично присуждена Сталинская премия 1-й степени — на этот раз за труд «История геологического исследования Сибири» в пяти томах. В 1953 году он был награжден орденом Ленина за выслугу лет, а затем еще одним орденом Ленина — пятым по счету — «за выдающиеся заслуги и в связи с 90-летием».

Торжественное заседание проходило в Москве, в Институте геологических наук. Выступали академик Д. И. Щербаков, академик Д. В. Наливкин, ученики. А на дачу в Мозжинку (под Звенигородом), где все последние годы жил Обручев, приехали президент Академии наук академик Александр Николаевич Несмеянов и главный ученый секретарь Президиума академик Александр Васильевич Топчиев.

Владимир Афанасьевич редко уже выезжал в

Москву — замучили бронхиты, воспаления легких, которые возникали при малейшей простуде.

«Начавшаяся после дня моего 90-летия... нагрузка меня всякими просьбами, присылками статей на отзыв, на помещение в журнале довели меня до полного переутомления, и я уже полтора месяца назад получил предложение врача прекратить умственную работу, а недавно, в конце дня, занятого с утра до вечера писанием, правая рука начала так дрожать, что я вынужден был прервать работу и три дня лежал в кровати. Как видите, я опять пишу, но вынужден теперь соблюдать большую осторожность и сильно сократить умственную работу вообще и письменную в особенности».

Однако Владимир Афанасьевич по-прежнему оставался директором Института мерзлотоведения АН СССР и по-прежнему стремился быть в курсе всех дел института.

Вспоминает Андрей Маркович Чекотилло, который долгие годы был заместителем директора и сотрудником Института мерзлотоведения:

«По своей натуре и долголетней привычке В. А. Обручев не мог оставаться без работы, без неустанныго труда, который ограничивался только физической возможностью, состоянием здоровья(...). Необходимо подчеркнуть, что В. А. Обручев работал без чьей-либо помощи, у него не было ни секретаря, ни референта, и только его жена Ева Самойловна кое в чем помогала ему, но в очень ограниченных размерах. Много времени приходилось тратить на отзывы по диссертациям и разные заключения, вплоть до заключения по макету Детской энциклопедии(...). Но больше всего беспокоило Владимира Афанасьевича положение его детища — Института мерзлотоведения, носившего его имя и директором которого он был до последних дней жизни. По состоянию здоровья В. А. Обручев вынужден был переехать из Москвы на постоянное жительство на даче в академическом поселке Мозжинка... Там он принимал приезжавших по разным делам своих заместителей по Институту мерзлотоведения, ученого секретаря и других сотрудников института. Владимир Афанасьевич тяготился своей обязанностью быть директором института, не имея физической возможности уде-

лять ему столько времени и внимания, сколько было нужно. Он не раз говорил мне начиная с 1946 года: «Ну какой я директор, если не могу быть в институте даже на заседаниях Ученого совета?» Но его не освобождали от этой должности, и он с присущей ему добросовестностью старался выполнять свои обязанности директора института как можно лучше, насколько ему позволяло состояние здоровья...»

Из писем Владимира Афанасьевича

16.09.53 г. «...я работаю одним правым глазом, левый уже с 1948 г. видит только свет в окне, а правый уже два года поддерживается ежедневным впрыскиванием утром и вечером йодистого калия, но последние недели все-таки так ухудшился, что газетную печать я могу читать только, добавляя лупу к очкам».

25.06.54 г. «...соблюдая осторожность... я могу еще существовать и работать, но уже не так, как прежде, когда я ни воскресного и никакого другого отдыха не соблюдал. Но больше мешает моей работе слабость зрения; я работаю только правым глазом, который начал также сдавать, и, вероятно, вскоре понадобится операция... исход которой предсказать нельзя. Как видите из этого письма, я могу еще писать кое-как, но без операции протяну недолго».

10.10.55 г. «...я давно уже вижу только одним правым глазом... и уже с весны я не могу разбирать им печатный шрифт. Необходима операция, но врачи при осмотре глаза находят, что сейчас еще нельзя, он все видит (пишу еще свободно), и операцию отложили до весны».

Работать в полную силу Владимир Афанасьевич уже не мог. Но на письма отвечал, как всегда, аккуратно. Особенно радовала его переписка с клубами юных геологов, юных географов, юных путешественников.

Долгие годы Обручев добивался, чтобы геологию преподавали в школах. «Геологию, — писал он, — часто называют наукой о «мертвой природе» в отличие от наук о живой природе, таких, как зоология и ботаника. Но, в сущности, эта природа вовсе не «мертва, а живет своеобразной жизнью под воздействием воздуха и воды, солнечных лучей и мороза. И внимательный наблюдатель может уловить и проследить эту жизнь, подметить ее те-

чение и результаты. Не меньше, если не больше, чем зоология и ботаника, геология учит человека сознательно относиться к явлениям и формам окружающей природы и понимать их... Вот почему знакомство с основами геологии так необходимо».

Одно время геология действительно появилась в школьных программах, но потом ее все-таки отменили. Владимир Афанасьевич продолжал настойчиво «бороться за геологию», продолжал публиковать страстные статьи: «Геология в средней школе», «В защиту забытого предмета», «Значение геологии в школе и жизни», «Школьникам надо знать геологию», «Краеведческий музей может быть создан в каждой школе»...

Обручева радовали письма школьников, он стремился помочь каждому, кто хотел узнать больше о жизни Земли, о своей Родине.

Рассказывает директор Яснополянского детского дома Дориан Михайлович Романов:

«В 1953 году знаменитому ученому и путешественнику академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву исполнилось 90 лет. Географический кружок, незадолго перед тем созданный в Яснополянском детдоме № 2, решил послать поздравление юбиляру. Владимир Афанасьевич не только ответил кружковцам, но и прислал посылку с научно-популярными книгами по геологии. «Что мне хочется посоветовать вам? — писал ученый. — Создавайте свой краеведческий музей. Даже в одной небольшой комнате можно собрать коллекции, дневники, записи наблюдений, образчики местного искусства. Недавно мне рассказали о юных краеведах города Кяхты Бурят-Монгольской АССР. Каждое лето отправляются они путешествовать по родному краю. Ребята собирают образцы горных пород и минералов, ведут наблюдения за животными, собирают ботанические коллекции, изучают историю Забайкалья. Свои находки и наблюдения они передают музею, оказывая большую помощь сотрудникам музея в их научной работе. Итак, мне остается лишь пожелать вам счастливого пути и богатых находок».

Книги, присланные Владимиром Афанасьевичем — «Плутония», «Земля Санникова», «В дебрях Центральной Азии» и другие, — кружковцы

читали нарасхват. На занятиях кружка мы прочитали вслух «Занимательную геологию» В. А. Обручева, «Занимательную минералогию» и «Рассказы о самоцветах» А. Е. Ферсмана и... увлеклись геологией. Ребята говорили и мечтали только о камнях...»

С клубом юных геологов Ленинградского Дворца пионеров, которым руководил Владимир Федорович Барабанов, Владимир Афанасьевич переписывался много лет.

14 мая 1950 года: «Дорогие молодые товарищи! Недавно я получил ваше приглашение на отчетный вечер сектора геологии вашего Общества и приглашительные билеты. Большое спасибо за приглашение! К сожалению, я приехать на ваш вечер не мог, так как по состоянию здоровья(...) выезжать даже в Москву могу очень редко и только летом! Приходится большую часть времени проводить в комнате за работой или за чтением.

Скоро начнется лето, и юные геологи отправятся на экскурсии в разные места нашей обширной Родины. Для участников экскурсий нужно некоторое снаряжение. Имеется ли таковое у вас в достаточном количестве? Я мог бы помочь вам в приобретении его, послав некоторую сумму кому-нибудь из распорядителей или казначею вашего общества. Напишите мне его имя и отчество и точный адрес, чтобы я мог вскоре выслать деньги.

С сердечным приветом и пожеланиями успеха на весенних испытаниях! В. Обручев».

29.05.50 г. «Многоуважаемый Владимир Федорович!

Получил Ваше письмо от 25/V по вопросу об организации летней экскурсии юных геологов и могу помочь этому хорошему предприятию, послав 1000 р. на приобретение анероида, минералогических луп, полевых дневников и рюкзаков...

Меня очень тронуло намерение юных геологов поднести мне коллекцию самоцветов и камней, отшлифованных ими. Но у меня нет никаких коллекций, все, что было когда-то, попало в музей, где коллекции доступны всем. Поэтому лучше будет, если юные геологи увезут эту коллекцию в Крым и подарят ее Дому пионеров в «Артеке» на Южном берегу, который после герман-

ского нашествия восстанавливается и будет очень рад получить такую коллекцию...»

Чуть позже Обручев шлет почтовый перевод: «Многоуважаемый Владимир Федорович! Перевожу 1000 рублей на экскурсию юных геологов под Вашим руководством, на покупку инструментов и рюкзаков... С приветом В. Обручев».

Владимир Афанасьевич переписывался с десятками клубов — «от Кривого Рога на юге Украины до Кемерово в Кузбассе и Бердска на реке Оби». В последние годы и сыновья помогали ему в этой переписке. Все они тоже стали геологами — не могли, наверное, не стать.

Как знает читатель, еще в 1905 году Владимир Афанасьевич взял в экспедицию двух старших сыновей. Сотни километров прошли они до Джунгарии. Владимиру было тогда семнадцать, Сергею — четырнадцать лет. Можно было бы сказать, что жизненный их путь определился уже в юношеские годы. Владимир поступил на горное отделение Томского технологического института, в 1908, 1909 и 1911 годах участвовал в алтайских экспедициях Василия Васильевича Сапожникова. А Сергей за годы учебы в реальном училище еще дважды (в 1906 и в 1909 годах) работал с отцом в Пограничной Джунгарии.

Владимир Афанасьевич очень гордился первыми опубликованными работами своих сыновей — картой монгольского Алтая, которую составил Владимир, и картой Джунгарии, вычерченной Сергеем.

Но дальнейший путь в геологию был прямым только у Сергея. В 1910 году он поступил на естественное отделение физико-математического отделения Московского университета, сразу после окончания был оставлен на кафедре геологии, а затем стал сотрудником Геологического комитета.

Владимира осенью 1911 года отчислили с четвертого курса за революционную деятельность и выслали из Томска. Потом Московский коммерческий институт, потом война, революция...

Младший, Дмитрий, в 1918 году окончил гимназию, вместе с родителями уехал в Харьков, в Симферополь и, вернувшись в Москву, окончил в

1924 году университет по специальности «Зоология позвоночных».

Но и он и Владимир пришли в конце концов в геологию.

В 1921 году Владимир Владимирович занимался изучением Курской магнитной аномалии, потом работал в Институте прикладной минералогии, а начиная с 1934 года — в Совете по изучению производительных сил АН СССР. Он занимался вопросами географии полезных ископаемых и экономики горного дела и защитил диссертацию по теме «Сырьевая база черной металлургии Казахстана».

Дмитрий Владимирович стал палеонтологом, доктором наук, крупнейшим специалистом по ископаемым рыбам. Он создал советскую школу палеоихтиологов, которая по праву считается ведущей в мире, и был избран Почетным членом знаменитого Линнеевского общества, Нью-Йоркской академии наук, Лондонского геологического общества и многих других.

С именем Сергея Владимировича связано открытие грандиозного хребта Черского на северо-востоке нашей страны, открытие Полюса холода северного полушария, открытие Тунгусского угленосного бассейна. Он внес большой вклад в открытие золота на Колыме, олова на Чукотке, нефти в районе Ухты. В 1953 году Сергей Владимирович был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Как и отец, он был блестящим «полевиком», много путешествовал. Как и отца, его считают «своим» и геологи и географы.

Все три сына Владимира Афанасьевича унаследовали семейные способности к языкам. Сергей Владимирович, например, овладел английским, французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, шведским, латинским, чукотским. И еще — латынью, и еще — языком эсперанто.

Унаследовали сыновья и семейные литературные способности. Дмитрий Владимирович более 30 лет оставался редактором «Трудов Палеонтологического института». Владимир Владимирович был инициатором издания и редактором томов сочинений Г. Н. Потанина и книги В. В. Сапожникова «По Алтаю». А среди литературных работ Сергея Владимировича, кроме многочисленных книг о

его путешествиях, есть и такие неожиданные, как «Анатолий Франс в халате и без», «К расшифровке десятой главы «Евгения Онегина», «Над тетрадьми Лермонтова»...

Но самое главное — все три сына унаследовали лучшие фамильные черты характера — поразительную работоспособность, неизменную доброжелательность к людям.

Рассказывает уже известный читателю Дориан Михайлович Романов:

«В 1960 году мы впервые встретились с сыновьями В. А. Обручева. («Мы» — члены Клуба юных геологов. — А. Ш.) Они пригласили нас на квартиру отца и долго рассказывали о его жизни, путешествиях и открытиях. Кабинет Владимира Афанасьевича — настоящий музей: в нем хранились вещи, привезенные им из экспедиций, подарки знаменитых ученых, семейные реликвии.

Общительный и разговорчивый Владимир Владимирович рассказал ребятам историю рода Обручевых, среди которых были сподвижники Петра I, участники войн с Наполеоном, известные военные деятели и революционеры-демократы. Главной реликвией семьи считался старинный карандаш, возвращенный в бумагу с надписью «Трудолюбивый карандаш»...

Уходили мы, переполненные впечатлениями, с новыми подарками для своего геологического музея — книгами, фотографиями, журналами...

В дальнейшем ребята еще несколько раз встречались с Обручевыми, а мне довелось особенно сблизиться с Сергеем Владимировичем...

Более десяти лет принимал Сергей Владимирович живое участие в делах нашего клуба юных путешественников. Он постоянно писал письма ребятам, присылал книги и образцы минералов, давал советы по организации школьных экспедиций, дважды спасал клуб и его коллекции при реорганизации учебных заведений, встречался с кружковцами и даже принимал на себя обязанности экскурсовода по Ленинграду, геологическому музею и библиотеке Академии наук. А подшефных кружков у него было пятнадцать! «Внимание к детям и почтительное, уважительное отношение к школьному учителю — это традиция нашей семьи», — писал

он как-то мне в ответ на просьбы не перегружать себя заботами о наших делах.

Дружба с таким человеком явилась для меня редчайшим даром судьбы. Понимали это и кружковцы, на формирование интересов которых Обручевы длительное время оказывали благотворное влияние...»

Владимир Афанасьевич Обручев скончался 19 июня 1956 года. Имя его носят институт и факультет, лаборатория и краеведческий музей. И конечно, клубы юных геологов, юных географов, юных путешественников по всей стране.

Много раз повторяется имя Обручева на географической карте мира:

Обручевская степь в Туркменской ССР,
вулкан Обручева в Забайкалье,
вулкан Обручева на Камчатке,
ледник Обручева в Монгольском Алтае,
ледник Обручева на Полярном Урале,
ледник Обручева в хребте Буордах, Якутская АССР,
хребет академика Обручева в Тувинской АССР,
гора Обручева в хребте Хамар-Дабан, Бурятская АССР,
пик Обручева в хребте Сайлюгем, на Алтае,
пик Обручева в горах Наньшань, КНР,
река Обручева в бассейне реки Бахты, притока Енисея,
сброс Обручева на берегу озера Байкал,
минеральный источник Обручева у Бахчисарая, в Крыму,
котловина Обручева в Западной Монголии,
подводная возвышенность Обручева в Тихом океане...

Владимир Афанасьевич не плавал в Тихом океане, не бывал на Полярном Урале, на Камчатке... Все эти названия дали в честь своего Учителя его ученики. И неудивительно, что имя Обручева теперь уже неоднократно встречается и на карте Антарктиды:

антарктический оазис Обручева,
холмы Обручева, на окраине ледника Шеклтона,
гребень Обручева, на Земле Королевы Мод,

гора Обручева, на Земле Отса,
ледник Обручева, в районе советской станции
Мирный...

В 1965 году скончался Сергей Владимирович, в
1966-м — Владимир Владимирович, в 1970-м —
Дмитрий Владимирович.

Но династия геологов и путешественников Об-
ручевых продолжает жить.

Не так давно ушла на пенсию геолог Мария
Львовна Обручева — вдова Сергея Владимирови-
ча. Работает в Московском университете палеон-
толог, кандидат геолого-минералогических наук
Ольга Павловна Обручева — вдова Дмитрия Вла-
димировича.

Наталья Владимировна, дочь Владимира Вла-
димировича — самая первая, любимая внучка
Владимира Афанасьевича — окончила биологиче-
ский факультет Московского университета, стала
уже кандидатом наук. Палеонтолог Елена Дмит-
риевна временно оставила работу — трое детей, но
статьи ее по-прежнему появляются в палеонтоло-
гических изданиях. Татьяна Сергеевна окончила
физико-математический факультет Ленинградского
университета, но и она вернулась на семейную
стезю — преподает математику в Горном инсти-
туте. Стали геологами и приемные внуки Обруче-
ва — Вадим Цирель и Дмитрий Туровский.

Подрастают уже правнуки и правнучки: Воло-
дя, Миша, Сергей, Таня, Лена, Митя... Может быть,
кому-нибудь из них суждено побывать на Луне, на
Марсе, на Венере... А может быть, полетят туда
ученики учеников Владимира Афанасьевича?

Верится — и на картах планет, звездных миров
появится имя Обручева!

Словно завещание осталось нам обращение
Владимира Афанасьевича к советской молодежи:

**СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ВАМ, ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ!**

(...) Сам я в юности с увлечением читал о приклю-
чениях в далеких странах и с огромным интересом при-
слушивался к мыслям и советам много издававших, бы-
вавших людей. Книги Купера, Майн Рида, а позже Жю-

ля Верна в детстве производили на меня сильное впечатление. Мы с братьями мысленно одолевали льды Арктики, поднимались на высокие горы, опускались в глубины океанов, охотились на слонов, львов и тигров. Мы играли в путешествия, вырезая из бумаги людей и животных, клеили из картона лодки и устраивали охоту на диких зверей, войну белых с индейцами, кораблекрушения. Мне очень нравились охотники, моряки и жюльверновские ученые, иногда смешные и рассеянные, но великие знатоки природы. Мне тоже хотелось сделаться ученым, естествоиспытателем, путешественником. Одно огорчало меня: Америка была открыта без меня, без меня совершены кругосветные путешествия, нанесены на карту материки и острова. Белые пятна нелегко было найти в географическом атласе. Ливингстон уже проник в дебри Центральной Африки, Пржевальский — в пустыни Центральной Азии. Увы, я опоздал родиться.

Я знаю, многие из вас тоже мечтают о дальних странствиях, открытиях, изобретениях, многие вздыхают тайком: как жаль, что открыты Америка и полюса! Как жаль, что я не живу во времена Колумба или Пржевальского! Жаль, что я не родился раньше Можайского и Попова: быть может, самолет и радио изобрел бы я! А теперь все открыто, увы...

Возможно, в таких мыслях виновата популярная литература, которая очень подробно, обстоятельно и восторженно говорит о достижениях прошлого и мельком, неохотно упоминает о неясном, неведомом, нерешенном. А между тем не отдельные белые пятнышки — огромный океан неведомого окружает нас. И чем больше мы знаем, тем больше загадок задает нам природа.

Очертания берегов, горных хребтов и рек уже нанесены на карту, но много ли мы знаем о внутренности земного шара? Наши шахты и буровые скважины как булавочные уколы на коже Земли. Самые глубокие на них не составляют одной тысячной доли земного радиуса(...). Океанское дно и атмосфера, недра Земли, планет и солнечной системы еще ждут своих Колумбов и Пржевальских. Гигантские, еще не решенные задачи стоят перед советской наукой.

Требуется:

продлить жизнь человека в среднем до 150—200 лет, уничтожить заразные болезни, свести к минимуму незаразные, победить старость и усталость, научиться возвращать жизнь при несвоевременной, случайной смерти;

поставить на службу человеку все силы природы, энергию Солнца, ветра, подземное тепло, применить атомную энергию в промышленности, транспорте, строительстве, научиться запасать энергию впрок и доставлять ее в любое место без проводов;

предсказывать и обезвредить окончательно стихийные бедствия: наводнения, ураганы, вулканические извержения, землетрясения:

изготавливать на заводах все известные на Земле вещества, вплоть до самых сложных — белков, а также и неизвестные в природе: тверже алмаза, жароупорнее огнеупорного кирпича, более тугоплавкие, чем вольфрам и осмий, более гибкие, чем шелк, более упругие, чем резина;

вывести новые породы животных и растений, быстрее растущие, дающие больше мяса, шерсти, зерна, фруктов, волокон древесины для нужд народного хозяйства;

потеснить, приспособить для жизни, освоить неудобные районы, болота, горы, пустыни, тайгу, тундру, а может быть, и морское дно;

научиться управлять погодой, регулировать ветер и тепло, как сейчас регулируются реки, передвигать облака, по усмотрению распоряжаться дождями и ясной погодой, снегом и жарой.

Трудно это? Необычайно трудно. Но это необходимо. Советские люди хотят жить долго, хотят жить в изобилии и безопасности, хотят быть полными хозяевами на своей земле, не зависеть от капризов природы. Значит, все это будет сделано. И все это будете выполнять вы, сегодняшние школьники (...), и не только те из вас, кто станет великим ученым, но и все остальные: токари и шоферы, трактористы и каменщики, медицинские сестры, ткачи, шахтеры... Великие задачи не решают одиночки — Волго-Донской канал строили не только авторы проекта. И уж во всяком случае все вы, все до единого, примете участие в выполнении самой великой, самой благородной и гуманной задачи человечества — строительстве коммунизма, в создании счастливой мирной жизни для всех советских людей.

Вы, сегодняшние (...) школьники, только начинаете свое путешествие в мастерство, в творчество, в науку, в жизнь. И мне, старику, который прошел много верст по неисследованным землям, много искал в дебрях науки,

хочется дать вам, начинающим путешественникам, несколько напутственных советов.

Любите трудиться. Самое большое наслаждение и удовлетворение приносит человеку труд. Добывайте право сказать: я делаю нужное дело, моей работы ждут, я приношу пользу. И если вы встретите трудности, безвыходные, казалось бы, тупики, сопротивление старого, может быть, даже равнодушие и непонимание, вас всегда поддержит мысль: я делаю нужное дело.

Не отрекайтесь от мечты! Я разумею юношеские мечтания об открытиях, о творчестве. Есть люди, которые легко уступают обстоятельствам, сдаются после неудачного экзамена, при семейных или служебных затруднениях. Но затруднения проходят, а время упущено, и остается горькое сожаление о жизни, прожитой без огня, растроченной на мелочи, на труд, лишенный радости.

Дерзайте! Беритесь за большие дела, если вы беретесь всерьез. Способности, как и мускулы, растут при тренировке. Большие открытия не всякому по плечу, но кто не решается пробовать, наверняка ничего не откроет. Вы должны далеко уйти от своих дедов и прадедов.

Я родился 90 лет тому назад. Во времена моей молодости не было самолетов, кино, радио, электричества. Еще не было железной дороги через Сибирь, я ехал в Иркутск на тарантасе. Для меня радиоприемник — великое достижение, для вас — привычный предмет в комнате. Вы начинаете у нас на плечах, вам надо высоко забраться. Больше пятидесяти лет я прожил при царском режиме. Я тратил силу, энергию, обогащал золотопромышленников, меня уволили из института за левые убеждения. Я мог только мечтать о строе, где труд будет в почете. А вы родились в свободной стране, в стране, где каждый может получить образование, где уважают творческий труд. Так пусть же ваш труд, ваши мечты будут достойны социалистической Родины, пусть ваши достижения будут самыми передовыми в мире.

Не скрывайте своих намерений, не держите замыслы в секрете. Это не скромность, а, наоборот, гордость, ложный стыд и жадность старателя-собственника, хранящего для себя золотую жилу. Если ваше предложение на самом деле золотое, вы не сможете разрабатывать его в одиночку, если вы обманулись — зачем вам тратить время, вам сразу укажут ошибку. Меня часто уп-

рекали, что я тороплюсь, публикуя наблюдения. Но я не жалел об этом ни разу. Иные находки я не смог осмотреть как следует сам, за меня довели работу другие. Так, в пустыне Гоби я нашел зуб носорога, а, идя по моим следам, большие экспедиции обнаружили целые кладбища вымерших животных. Иногда мои статьи встречали возражения, я выслушивал их, возвращался к теме, искал новые факты, расширял ее. Таким образом, не только советы друзей*, но и возражения моих научных противников помогали мне совершенствовать работу.

Будьте принципиальны. Нам нужна истина, и только истина. Не старайтесь угодить приятелям, примирить своих учителей, никого не обидеть. На этом пути вы найдете, может быть, спокойствие и даже благополучие, но пользы не принесете никакой. Не бойтесь авторитетов. И если среди вас есть будущие геологи, которые не согласятся с академиком Обручевым (хотелось бы, конечно, чтобы таких было немного!), — смело выступайте против него, если у вас есть данные, опровергающие его выводы.

Но не рассчитывайте на легкую победу, на открытие с налета, на осенившую вас идею. Все, что лежало под руками, давно уже подобрано и проверено, то, что легко приходит в голову, давно пришло в голову и обсуждалось. Только на новых фактах, на новых наблюдениях можно строить новые достижения. Факты — это кирпичи, из которых складывается человеческий опыт, это ваше оружие в творчестве. Неустанно ищите факты, собирайте их в природе и в книгах, читайте хорошие учебники от доски до доски и, кроме того, книги, не входящие в программу. Изучайте свою специальность досконально, но не жалеете времени и на чужую. Геолог, прекрасно знающий геологию, — ценный человек, а знающий, кроме того, географию, химию или ботанику, — возможный изобретатель.

В заключение мне хочется пожелать больших успехов в труде и науке чудесной советской молодежи(...) — будущим рабочим-новаторам, мастерам высоких урожаев, исследователям, изобретателям. Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие!

СОДЕРЖАНИЕ

«Мой отец...» (из воспоминаний)	6
«Мать очень заботилась о нашем воспитании...» (из воспоминаний)	7
Экзамены в институт, 1881 год (из воспоминаний) .	9
Выбор жизненного пути, 1884 год (из воспоминаний)	10

СТРАНИЦЫ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ

Пески Туркестана, 1886—1887 гг. (из книги «По горам и пустыням Средней Азии»)	19
Письмо к матери, 1888 год (из книги «В старой Си- бири»)	38
Ленские прииски, 1890—1891 гг. (из книги «Мои путе- шествия по Сибири»)	41
Путешествие в страну лесса, 1893—1894 гг. (из книги «От Кяхты до Кульджи»)	59
Письма Эдуарда Зюсса, 1893—1901 гг.	96
Древнее темя Азии (из книги «Мои путешествия по Сибири»)	103
Переезд в Томск, 1901 год (из воспоминаний) . . .	104
Эоловый город, 1906, 1909 гг. (из книги «По горам и пустыням Средней Азии»)	108
Конец томского периода, 1912 год (из воспоминаний)	113
Революция! 1917—1918 гг. (из воспоминаний)	116

СТРАНИЦЫ КНИГ

Море шумит (первый рассказ — «Сын Отечества», 5— 6 июня 1888 года)	121
Молодой следопыт (из книги «Занимательная геология») .	130
Как возник замысел «Плутонии» (из воспоминаний) .	133
Два отрывка из романа «Плутония»	135
Земля Санникова. (Нерешенная проблема Арктики). Статья из журнала «Природа» № 11 за 1935 год .	139
На Столбах (повесть публикуется впервые)	146

СТРАНИЦЫ ПИСЕМ

Письма к невесте, 1886 год	196
Письма к Е. С. Бобровской, 1935 год	200

Из дневника Е. С. Бобровской, 1936—1937 гг.	201
Отрывок из очерка Мариэтты Шагинян «Портрет академика В. А. Обручева»	203
Из воспоминаний геолога Б. А. Федоровича, ученика В. А. Обручева	205
«Пустоцвет. Китайская быль» (<i>«Сибирская мысль», 23 ноября 1907 года</i>)	206
«Как организован мой труд»	208
Письмо к российскому посланнику в Пекине, 30 марта 1894 года	211
Письмо к Л. С. Бергу, 10 марта 1905 года	212
Письмо к Г. Е. Грум-Гржимайло (<i>без даты</i>)	213
Письмо к Э. М. Мурзаеву, 6 июня 1955 года	214
Письма читателей о книгах В. А. Обручева	215
Письма к студентке А. И. Груздевой, 1950 год	222
Из воспоминаний А. М. Чекотилло, сотрудника Института мерзлотоведения АН СССР	225
Из писем Владимира Афанасьевича	226
Рассказывает директор Яснополянского детского дома Д. М. Романов	227
Письма клубу юных геологов Ленинградского Дворца пионеров	228
«Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие!»	233

Обручев В. А.

О 24 За тайнами Плутона / Сост. и авт. сопроводит. текста А. В. Шумилов. — М.: Мол. гвардия, 1986. — 239[1], ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 100 000 экз.

Книга рассказывает о жизни и деятельности академика В. А. Обручева — геолога, путешественника, писателя. В нее включены страницы полевых дневников Владимира Афанасьевича, отрывки из его литературных произведений и писем. Впервые публикуется повесть «На Столбах», страницы не опубликованных ранее воспоминаний, письма к родным, коллегам — ученым, читателям. Завершается книга обращением академика В. А. Обручева к советской молодежи — «Счастливого пути, вам, путешественники в третье тысячелетие».

О 4702010200—298
078(02)—86 — 206—86

ББК 26.3+84Р7

ИБ № 4657

Владимир Афанасьевич Обручев

ЗА ТАЙНАМИ ПЛУТОНА

Редактор **Г. Быкова**

Художники **В. Васильев, В. Павлюк**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректоры **А. Долидзе, Т. Пескова**

Сдано в набор 22.04.86. Подписано в печать 30.10.86. А07875. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. + 0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 1107.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

1 руб.

Владимир Афанасьевич Обручев (родился в 1863 году, умер в 1956 году) — советский геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. Всю свою жизнь академик В. А. Обручев посвятил исследованию Сибири, Центральной и Средней Азии. Большой вклад в науку внесли его труды по полезным ископаемым Сибири, тектонике, неотектонике, мерзлотоведению.

Известен он и как автор книг «Плутония», «Земля Санникова».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ